

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Генри Джеймс

Портрет леди

«Центрполиграф»

1880

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Джеймс Г.

Портрет леди / Г. Джеймс — «Центрполиграф», 1880

ISBN 978-5-227-09842-9

Молодая американка Изабелла Арчер по приглашению тетушки приезжает в Англию. Мисс Арчер хороша собой, обладает живым характером и в целом очаровательна. Ею движет желание увидеть мир, однако, не имея средств, Изабелла может довольствоваться лишь ролью компаньонки своей тетки. Внезап но свалившееся на нее состояние позволяет ей претворить мечты в реальность, однако, разбогатев, Изабелла рискует стать инструментом для достижения поставленных кем-то целей. Генри Джеймс (1843–1916), признанный классик американской литературы, заглядывает в таинственные глубины женской души и создает достоверный и поистине прекрасный портрет, попутно отвечая на извечный вопрос: богатство – дар судьбы или проклятье?..

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09842-9

© Джеймс Г., 1880
© Центрполиграф, 1880

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	83
Глава 15	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Генри Джеймс Портрет леди

Henry James
The portrait of a Lady

© Перевод, «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Глава 1

При определенных обстоятельствах в жизни нет ничего приятнее часа, посвященного той церемонии, которая известна как вечернее чаепитие. Независимо от того, принимаете вы в ней участие или нет – ведь не все имеют привычку пить чай именно в это время, – восхитительна бывает обстановка сама по себе. Начиная изложение этой простой истории, я представляю себе именно такую чудесную атмосферу невинного времяпрепровождения.

На лужайке перед старым английским загородным домом приготовлены принадлежности для небольшого пиршества, великолепный летний день достиг, я бы сказал, своего совершенства. Часть дня миновала, но другая часть еще впереди, и эти предстоящие часы на редкость хороши. До наступления настоящих сумерек остается еще много времени, однако поток солнечного света начинает тускнеть, воздух становится мягче, на шелковистом густом газоне постепенно удлиняются тени. Все это происходит медленно, и все говорит о покое, который, возможно, и составляет главную радость в таких обстоятельствах и в такой час... Время с пяти часов вечера до восьми порой кажется маленькой вечностью, но в этом случае оно сулит просто вечное блаженство.

Занятые в этой сцене люди наслаждались ею сдержанно; они не принадлежали к тому полу, представительницы которого, как полагают, особенно привержены вышеупомянутой церемонии. На идеально стриженный газон падали ломаные тени; одна из них принадлежала пожилому господину, сидящему в глубоком плетеном кресле у низкого столика, накрытого для чаепития, две другие – молодым мужчинам, которые прохаживались неподалеку и вели между собой не очень связную беседу. В руке пожилой господин держал чашку; необычайно большая и яркая, она отличалась от остального сервиза. Он неторопливо допивал чай, подолгу придерживая чашку у подбородка и повернувшись лицом к дому. Молодые люди то ли завершили чаепитие, то ли остались равнодушными к сей церемонии – они прогуливались и курили. Один из них время от времени внимательно поглядывал на пожилого человека, который, не замечая этого, пристально смотрел на густо-красный фасад своего жилища. Дом, возвышавшийся на краю лужайки, действительно стоил внимания и представлял собой самую характерную особенность того традиционного английского пейзажа, который я попытался набросать.

Дом стоял на невысоком холме, над рекой – а это была Темза, – примерно в сорока милях от Лондона. Время и непогода оставили на длинной стене из красного кирпича живописные следы, что, однако, послужило лишь к украшению обращенного к лужайке фасада с фронтонами, с теснящимися дымовыми трубами, залатанными плющом стенами и окнами, спрятавшимися в зелени. Дом имел и имя, и историю; старый джентльмен, наслаждавшийся чаепитием, с удовольствием рассказал бы вам, что построили дом при Эдуарде VI¹, что однажды в сих пенатах был гостеприимно предоставлен ночлег великой Елизавете² (что вверила тогда свою августейшую особу роскошной огромной прямоугольной кровати, которая до сих составляет гордость спальных покоев), что во время кромвелевских³ войн дом был сильно поврежден, но потом, во время Реставрации, его отремонтировали и значительно расширили, и что, наконец, после неудачных переделок в XVIII веке он перешел в собственность практичного банкира-американца, который купил его исключительно потому (и вследствие обстоятельств слишком сложных, чтобы объяснять их здесь), что это была очень выгодная сделка, купил, жалуясь на его уродство, ветхость и отсутствие удобств; но теперь, почти двадцать лет спустя,

¹ Эдуард VI (1537–1553) – король Англии с 1547 по 1553 гг.

² Елизавета – Елизавета I Тюдор (1553–1603), королева Англии с 1558 по 1603 гг.

³ Кромвелевские войны – войны периода гражданской войны в Англии во время английской буржуазной революции 1640–1660 гг.

стал испытывать к нему страсть настоящего эстета, который знает свое жилище в мельчайших подробностях, точно укажет, где лучше встать, чтобы дом предстал в наиболее удачном ракурсе, и назовет час, когда тени от разнообразных выступов – они так мягко падали на теплую, потемневшую кирпичную кладку – обретают истинную соразмерность. Кроме того, как я уже сказал, он мог последовательно перечислить почти всех хозяев и обитателей дома, многие из которых снискали себе большую славу, но при этом был тайно убежден, что последняя часть жизни сего дома не менее почтенна. Главный подъезд располагался в противоположной части здания, а со стороны знакомой нам лужайки было пространство, закрытое от посторонних глаз, и густой травяной ковер, покрывавший вершину холма, казался продолжением роскошного внутреннего убранства дома. Гигантские дубы и буки давали такую плотную тень, что она напоминала бархатные портьеры. Повсюду, словно в помещении, стояли мягкие кресла, а на траве валялись яркие коврики, книги и газеты. В некотором отдалении текла река, и, собственно говоря, там, где земля шла под уклон, лужайка заканчивалась. Но и тропинка, сбегавшая к воде, была не менее очаровательна.

Джентльмен, сидевший за чайным столиком, приехал из Америки тридцать лет назад и привез с собой, помимо багажа, облик настоящего американца; причем не только привез, но и содержал в идеальном порядке, так что при необходимости мог совершенно спокойно вернуться в сём обличье на родину. Но, очевидно, теперь джентльмен никуда не собирался; его путешествия закончились, и он проводил время в покое, который предшествует покою вечному. Выражение его узкого, чисто выбритого лица с правильными чертами было спокойным и проницательным. По всей видимости, на этом лице не часто отражались какие-либо переживания, и сочетание удовлетворения и прозорливости уже было достаточно выразительным. С первого взгляда можно было сказать, что перед вами человек, добившийся в жизни успеха, но успеха не исключительного и не вызывающего враждебного чувства, а, если можно так выразиться, столь же безобидного, как и чья-нибудь неудача. Определенно, этот человек прекрасно разбирался в людях, – но когда он медленно и аккуратно ставил свою большую чашку на стол, его слабая улыбка на худом лице и в насмешливых глазах светила почти деревенским простодушием. Облаченный в прекрасно вычищенный черный костюм, на коленях он держал сложенную шаль, а обут был в глубокие, украшенные вышивкой домашние туфли. На траве возле его кресла лежал красавец колли и не сводил с хозяина взгляда, полного почти такой же нежности, с какой тот созерцал величественный фасад своего дома. Лохматый беспокойный терьер суетливо сновал вокруг двух других джентльменов.

Один из них, лет тридцати пяти, был превосходно сложен, его лицо – английское в той же степени, в какой лицо вышеописанного джентльмена выглядело неанглийским, – красивое, свежее, открытое, с твердыми, правильными чертами и живыми серыми глазами, необыкновенно украшала каштановая борода. Он был определенно удачлив, принадлежал к избранному кругу – все достижения цивилизации пошли на пользу его счастливому нраву, – и трудно было ему не позавидовать. Джентльмен был в сапогах со шпорами, словно только недавно проделал длинный путь верхом, и в белой шляпе, которая, казалось, была ему великовата; заложив за спину крупные красивые руки, в одной из них он держал запачканные лайковые перчатки.

Его собеседник, шагавший рядом по траве, был совершенно другого склада. Он мог вызвать у вас немалый интерес, но вряд ли вы захотели бы, не раздумывая, оказаться на его месте, как захотели бы оказаться на месте первого джентльмена. Высокий, худощавый, ослабленный, с лицом некрасивым и болезненным, но живым и очаровательным, с клочковатыми усами и бакенбардами, которые совсем не украшали его, он производил впечатление человека умного и нездорового – такое сочетание никак не назовешь удачным. Он держал руки в карманах бархатной коричневой куртки, и было очевидно, что это его закоренелая привычка. Походка у него была шаркающая и развинченная, словно он не очень уверенно держался на ногах. Как я уже говорил, каждый раз, проходя мимо старика в кресле, он останавливал на

нем свой взгляд, и если бы вы в этот момент увидели их лица, то сразу поняли бы, что перед вами отец и сын.

Наконец пожилой джентльмен заметил взгляд сына и ответил ему слабой улыбкой.

– У меня все отлично, – сказал он.

– Ты допил свой чай? – спросил сын.

– Да, с большим удовольствием.

– Налить тебе еще?

Подумав, старик благодушно ответил:

– Может быть, потом.

По его манере говорить можно было безошибочно определить американца.

– Ты не замерз? – осведомился сын.

Отец медленно растирал ноги.

– Право, не знаю. Пока я этого не чувствую.

– Ну, может, найдется кто-то, кто будет чувствовать за тебя, – рассмеялся молодой человек.

– О, надеюсь, всегда найдется кто-нибудь, кто проявит со-чувствие! Вот вы, лорд Уорбартон, – вы готовы со-чувствовать?

– О да, всей душой, – живо отозвался джентльмен, которого называли лордом Уорбартоном. – Готов полностью разделить ваши чувства. Ведь вы, позвольте заметить, выглядите удивительно умиротворенным.

– Да, я почти всем доволен. – Старик посмотрел на зеленую шаль, лежащую на коленях, и расправил ее. – В самом деле, я живу спокойно уже так много лет и так привык к этому, что перестал замечать.

– Да, спокойствие способно наскучить, – заметил лорд Уорбартон. – Мы осознаем, как оно прекрасно, только когда его лишаемся.

– Сдается мне, мы довольно привередливы, – вздохнул его приятель.

– О да, мы, несомненно, привередливы, – согласился лорд Уорбартон.

Все трое на некоторое время погрузились в молчание. Молодые люди смотрели на старика, который в конце концов попросил еще чаю.

– По-моему, вам очень мешает эта шаль, – сказал лорд Уорбартон, пока его приятель снова наполнял чашку.

– Нет, нет, она необходима отцу! – воскликнул тот. – Не надо подавать ему такие идеи.

– Это шаль моей жены, – просто сказал старик.

– О, раз здесь уже речь идет о чувствах... – И лорд Уорбартон сделал извиняющийся жест.

– Когда жена придет, я отдам ей ее шаль. – продолжал пожилой джентльмен.

– Пожалуйста, не делай ничего подобного. Ты должен укрывать ею свои бедные старые ноги.

– Нечего бранить мои ноги, – возразил старик. – Они ничем не хуже твоих.

– О, что касается моих, можешь бранить их так, как тебе заблагорассудится, – с улыбкой произнес сын, протягивая отцу чашку.

– Мы с тобой оба больные, и я не думаю, что между нами большая разница.

– Очень признателен тебе за то, что ты называешь меня больным. Как чай?

– Ну... он довольно горячий.

– Я надеюсь, ты считаешь это достоинством?

– Да, огромным, – миролюбиво пробормотал в ответ пожилой джентльмен. – Мой сын – прекрасная нянька, лорд Уорбартон.

– Только мне думается, немного неумелая, не правда ли? – отозвался его светлость.

– О, нет, он очень ловок, если учесть его нездоровье. Как болезненный брат милосердия он очень хорош. Я называю его «брат-во-болезни», ведь он сам тоже болен.

– О, отец, довольно! – воскликнул молодой человек.

– Ну, ну... Хотел бы я видеть тебя здоровым, но, верно, тут уж ничего не поделаешь.

– Свежая мысль, – пробормотал молодой человек.

– Вы когда-нибудь ощущали болезненное состояние, лорд Уорбартон? – спросил пожилой джентльмен.

Мгновение помолчав, лорд произнес:

– Да, сэр, однажды. В Персидском заливе.

– Он разыгрывает тебя, папа, – произнес молодой человек. – Это нечто вроде шутки.

– Да, каждый нынче шутит по-своему, – добродушно отозвался его отец. – В любом случае вы не похожи на человека, который когда-нибудь по-настоящему был болен, лорд Уорбартон.

– Он испытывает боль от жизни, он как раз только что говорил мне об этом. В этом смысле он постоянно адски болен, – сказал сын.

– Неужели это правда, сэр? – серьезно спросил старик.

– Если это и так, то ваш сын не способен меня утешить. Этот несчастный – законченный циник и, кажется, ни во что не верит.

– Это снова шутка, – уточнил обвиняемый в цинизме.

– Он потому циник, что у него плохое здоровье, – пояснил его отец лорду. – Знаете, оно изнуряет, и все начинаешь видеть в мрачном свете; а он к тому же уверил себя, будто у него никогда не было ни единого шанса. Но все это, знаете ли, только его теории. Я не вижу, чтобы нездоровье как-то влияло на состояние его духа. Я не припомню, чтобы он когда-нибудь унывал. Он часто и мне поднимает настроение – как и сейчас, например.

После такого лестного отзыва о себе молодой человек взглянул на лорда Уорбартона и рассмеялся.

– Это пылкий панегирик или обвинение в легкомыслии? Тебе хотелось бы, чтобы я претворял свои теории в жизнь, папа?

– Ей-богу, мы бы увидели нечто любопытное! – воскликнул лорд.

– Надеюсь, ты еще не окончательно усвоил этот вечно насмешливый тон, – проговорил пожилой джентльмен.

– Тон Уорбартона еще хуже моего. Он предпочитает выглядеть скучающим, а мне несколько не скучно. Я нахожу жизнь слишком интересной.

– А, слишком интересной! Ты же знаешь, в твоей жизни ничего не должно быть слишком.

– Вот у вас мне никогда не бывает скучно, – произнес лорд Уорбартон. – Мы ведем такие необыкновенные бе седь.

– Это тоже шутка? – спросил пожилой джентльмен. – Вам вообще непростительно скучать. В вашем возрасте я ни о чем подобном и не помышлял.

– Должно быть, вы поздно повзрослели.

– Нет, я повзрослел очень рано, в том-то и дело. В двадцать лет я был уже вполне зрелым человеком, работал изо всех сил. Если бы вам было чем заняться, стало бы не до скуки. Но все вы, молодые люди, слишком ленивы. Вы чересчур много думаете об удовольствиях, слишком избалованны и праздны, слишком богаты.

– Вот так так! Вряд ли вам пристало осуждать людей за то, что они слишком богаты! – воскликнул лорд.

– Это потому, что я – банкир? – спросил старик.

– Если хотите, потому. Потому, что вы сами невероятно богаты.

– Да не так уж и богат, – заметил молодой человек, взглянув на отца. – Он раздал столько денег – огромные суммы.

– Ну, полагаю, это его дело, – сказал лорд Уорбартон. – И разве это не лучшее доказательство богатства? Но если уж заниматься благотворительностью, не стоит рассуждать о том, что кто-то слишком любит удовольствия.

– Папа очень любит получать удовольствие... доставляя его другим.

Старый джентльмен покачал головой.

– Я не претендую на роль благодетеля своих современников.

– Мой дорогой отец, ты слишком скромн!

– Он снова шутит, сэр, – молвил лорд Уорбартон.

– У вас, молодые люди, чересчур много шуток. Не будь их, с чем бы вы остались?

– К счастью, поводов для шуток всегда много, – заметил его сын.

– Я так не думаю, наоборот, я думаю, все куда как серьезно. И вы, молодые люди, скоро это поймете.

– Все куда как серьезно – отличная возможность пошутить.

– Это будут мрачные шутки, – сказал старик. – Я убежден в том, что грядут серьезные перемены. И не к лучшему.

– Совершенно с вами согласен, сэр, – заявил лорд. – Я абсолютно уверен, что грядут перемены, и довольно странные. Вот почему мне так трудно воспользоваться вашим советом. Вы как-то сказали мне, что я должен «ухватиться за что-то». Не уверен, что надо хвататься за что-то, что в следующий момент может взмыть в небеса.

– Вы должны «ухватиться» за привлекательную даму, – сказал его товарищ и пояснил своему отцу: – Он очень старается влюбиться.

– Привлекательную даму тоже может сдуть порывом ветра! – воскликнул лорд Уорбартон.

– Нет, нет, дамы крепко стоят на ногах, – вступил в беседу пожилой джентльмен. – Их мало касаются социальные и политические перемены, на которые я намекал.

– Вы хотите сказать, их невозможно стереть с лица земли? Прекрасно, тогда надо как можно скорее ухватиться за одну из них и повесить на шею, как спасательный круг.

– Женщины действительно спасут нас, – проговорил старик. – Конечно, лучшие из них – ибо они разные. Найдите прекрасную подругу, женитесь – и ваша жизнь станет гораздо интереснее.

Воцарившееся короткое молчание свидетельствовало, вероятно, об уважении слушателей, которое вызвало у них великодушие старика, поскольку ни для сына, ни для гостя не было секрета в том, что его личный матримониальный опыт оказался не очень счастливым. Однако он уточнил, что женщины бывают разные. Эти слова можно было расценивать как признание собственной ошибки; хотя, конечно, ни один из собеседников старика не осмелился заметить, что, очевидно, его избранница не относилась к лучшим представительницам данного пола.

– То есть вы хотите сказать, что, женившись на интересной женщине, я сам обрету интерес к жизни? – спросил лорд Уорбартон. – Но я вовсе не жажду жениться – ваш сын представил меня в неверном свете. Еще неизвестно, что подобная женщина сможет сотворить со мной.

– Хотел бы я посмотреть на женщину, которая, по-вашему, интересна, – сказал его приятель.

– Дружище, идеал невозможно узреть воочию, особенно такой возвышенный, как мой. Если бы я сам мог его увидеть, это был бы огромный шаг вперед.

– Влюбляйтесь, в кого вам заблагорассудится, но только не в мою племянницу, – неожиданно высказался старый джентльмен.

Его сын расхохотался.

– Папа, лорд Уорбартон решит, что ты провоцируешь его! Ты прожил бок о бок с англичанами тридцать лет и научился понимать, что они говорят. Но ты так и не научился понимать, что у них принято о многом умалчивать!

– Я говорю, что хочу, – невозмутимо заявил старик.

– Я не имею чести быть знакомым с вашей племянницей, – сказал лорд Уорбартон. – У меня такое впечатление, я вообще впервые о ней слышу.

– Это племянница моей жены. Миссис Тачетт везет ее в Англию.

Молодой мистер Тачетт пояснил:

– Мама, как вы знаете, провела зиму в Америке, и мы ожидаем ее возвращения. Она пишет, что встретила со своей племянницей и пригласила ее к нам.

– Понимаю... Очень любезно со стороны вашей матушки, – проговорил лорд Уорбартон. – А она интересная – эта молодая леди?

– Едва ли мы знаем о ней больше вас. Мама не вдавалась в подробности. Она общается с нами в основном с помощью телеграмм, а ее телеграммы довольно загадочны. Говорят, женщины не способны быть лаконичными, но мама достигла совершенства в искусстве передавать сжатую информацию. «Устала Америки, ужасная жара, возвращаюсь Англию племянницей, первый пароход, приличная каюта». Это последнее сообщение, которое мы от нее получили. Но до него было еще одно, в котором, кажется, впервые упоминается эта племянница. «Поменяла отель, очень плохой, дерзкий коридорный, адрес здесь. Взяла дочь сестры, умерла прошлым году, еду Европу, две сестры, вполне самостоятельно». Над этим сообщением мы с папой долго ломали голову – уж очень по-разному можно его истолковать.

– Ясно одно, – произнес старик. – Она устроила выволочку коридорному.

– Я не уверен даже в этом, поскольку он вынудил ее оставить поле боя. Сначала мы подумали, что упомянутая сестра – это сестра коридорного, но упоминание племянницы в следующей телеграмме скорее говорит в пользу того, что имелась в виду одна из моих теток. Затем возник вопрос, о каких двух сестрах шла речь. Вероятно, это две дочери моей старшей тетки. Но кто «вполне самостоятелен» и подразумевается под этим словом? Ответа мы еще не нашли. Относится оно к той юной леди, которую опекает моя мать, или характеризует и ее сестер? Речь идет о моральной или материальной независимости? Означает ли это, что им досталось хорошее наследство или что они не хотят никому быть обязанными? Или имеется в виду их независимый характер?

– Что бы еще это выражение ни значило, последнее наверняка имеется в виду, – заметил мистер Тачетт.

– Скоро вы сами все увидите, – сказал лорд Уорбартон. – Когда приезжает миссис Тачетт?

– Мы в полном неведении. Как только найдет приличную каюту. Может быть, она еще дожидается ее; но, с другой стороны, не исключено, что мама уже сошла на английский берег.

– В этом случае она, вероятно, телеграфировала бы вам.

– Она ни за что не пошлет телеграмму, когда вы ее ждете. Только когда вы НЕ ждете, – произнес старый джентльмен. – Она любит нагрянуть неожиданно, думает поймать меня на чем-то недостойном. Ей еще никогда этого не удавалось, но она не отчаивается.

– В этом проявляется ее независимость, – примирительно пояснил сын. – Какими бы независимыми ни оказались те молодые леди, мама сможет с ними в этом потягаться. Она любит делать все самостоятельно, и не допускает мысли, что кто-то может хоть в чем-то ей помочь. Мама считает, что от меня пользы не больше, чем от почтовой марки без клея, и никогда не простила бы, если бы я отправился в Ливерпуль встретить ее.

– Но вы, по крайней мере, дадите мне знать, когда приедет ваша кузина? – спросил лорд Уорбартон.

– Только при том условии, которое я поставил: что вы не влюбитесь в нее, – снова заявил мистер Тачетт-старший.

– Это очень жестоко. Вы думаете, что я для нее недостаточно хорош?

– Я думаю, что вы даже слишком хороши, потому-то и не хотел бы, чтобы она вышла за вас замуж. Надеюсь, она едет сюда не в поисках мужа. Так поступают многие молоденькие

девушки, словно дома нет хороших женихов. Может быть, она помолвлена? Мне кажется, все американские девушки обязательно помолвлены. Я вообще не уверен, получится ли из вас хороший муж.

– Скорее всего, она помолвлена. Я знаком со многими американками, все они были помолвлены. Но, честное слово, это ничего не меняло! Что до того, буду ли я подходящим мужем, то я тоже в этом не уверен. Но надо хотя бы попытаться!

– Пытайтесь сколько хотите, но только не с моей племянницей, – шутливо настаивал старый джентльмен.

– Хорошо, – согласился лорд Уорбартон так же шутливо. – Может быть, она и не стоит того!

Глава 2

Пока происходил этот обмен любезностями, Ральф Тачетт, держа руки в карманах, своей обычной нетвердой походкой направился в сторону дома. Суегливый терьер по пятам следовал за хозяином, который в задумчивости смотрел себе под ноги и потому не замечал, что за ним наблюдает некая особа, минуту назад появившаяся на пороге. Он обратил на нее внимание только потому, что пес вдруг стремительно бросился вперед, заливаясь лаем, в котором, впрочем, дружелюбия было больше, чем угрозы. Незвестная особа представляла собой юную леди, которая сразу поняла, что таким образом ее приветствуют, и, когда терьер, неистово лая, остановился перед ней, она без колебаний нагнулась, подхватила его на руки и поднесла к лицу. Пока терьер громко изливал свою радость, его подоспевший хозяин заметил, что новая знакомая Банчи – высокая девушка в черном платье – уже на первый взгляд очень привлекательна. Она была без шляпы, как если бы просто была их гостьей и на минутку вышла из дома, – это привело Ральфа в недоумение, так как последнее время по нездоровью его отца они никого не принимали. Тем временем два других джентльмена тоже заметили незнакомку.

– Помилуйте, кто это? – спросил лорда старший мистер Тачетт.

– Возможно, это племянница миссис Тачетт – та самая независимая молодая леди, – предположил Уорбартон. – Я сужу по тому, как она усмирила собаку.

Колли тоже изволил обратить внимание на незнакомку в дверях и неторопливо направился к ней, помахивая в такт хвостом.

– Но где же в таком случае моя жена? – пробормотал старик.

– Возможно, молодая леди где-то рассталась с ней – это тоже, я уверен, в проявление независимости.

Девушка разговаривала с Ральфом, улыбаясь и продолжая держать терьера на руках.

– Это ваш песик, сэр?

– Минуту назад был моим, но поразительно быстро перешел в вашу собственность.

– Не можем ли мы владеть им совместно? – спросила девушка. – Он такой милый.

Ральф внимательным взглядом изучал ее. Она была удивительно хороша.

– Можете владеть им безраздельно, – произнес молодой человек.

Судя по всему, девушка была уверена в себе настолько же, насколько доверяла другим, но такая внезапная щедрость заставила ее вспыхнуть.

– Должна вам доложить, что, вероятно, я – ваша кухня, – произнесла она, опуская собаку на землю, и, увидев приближающегося колли, быстро добавила: – Ох! Еще один!

– Вероятно? – засмеявшись, воскликнул молодой человек. – Я думаю, в этом не может быть сомнений! Вы приехали с мамой?

– Да, полчаса назад.

– Так что же – она оставила вас, а сама снова уехала?

– Нет, она сразу поднялась к себе и попросила, если я вас увижу, передать, чтобы вы зашли к ней без четверти семь.

Молодой человек взглянул на часы.

– Большое спасибо. Постараюсь быть вовремя. – И он снова взглянул на кухню. – Добро пожаловать в нашу обитель! Я очень рад познакомиться с вами.

Девушка огляделась, переводя заинтересованный взгляд со своего собеседника на собак, на двух джентльменов под деревьями, на окружающий ее прекрасный пейзаж.

– Никогда не видела такого чудесного места, – сказала она. – Я уже обошла весь дом – он тоже чудный.

– Простите, что вам так долго пришлось оставаться в одиночестве.

– Ваша матушка сказала, что у англичан принято появляться незаметно, и я решила, что все идет правильно. Скажите, один из тех джентльменов – ваш отец?

– Да, старший... тот, что сидит, – ответил Ральф.

Девушка засмеялась.

– Ясно, что не тот, другой. А кто стоит?

– Это наш друг... лорд Уорбартон.

– Боже, я так и знала, что встречу лорда, прямо как в романе! Ах ты, прелестное создание! – вдруг воскликнула она, снова наклоняясь и подхватывая терьера на руки.

Она продолжала стоять на пороге, стройная и очаровательная, как будто не собираясь ни двинуться с места, ни заговаривать с мистером Тачеттом. Ральф даже подумал, не ожидает ли она, что старый джентльмен должен подойти сам и выразить ей свое почтение. Американки вообще привыкли к уважительному отношению, а эта девушка, судя по выражению лица, была еще и с характером. Но он все-таки осмелился предложить:

– Позвольте мне представить вас моему отцу. Он стар и болен – почти не встает со своего кресла.

– О, бедный! Как жаль! – воскликнула девушка и сразу устремила к хозяину дома. – А по словам вашей матушки, он всегда был... довольно крепок.

Слегка помедлив, Ральф Тачетт заметил:

– Мама не видела его целый год.

– Во всяком случае, он выбрал для себя отличное место. Пойдемте, собачки!

– Это очень уютный уголок, – произнес молодой человек, искоса взглянув на свою спутницу.

– А как его зовут? – спросила девушка, снова любуясь терьером.

– Моего отца?

– Да, – лукаво сказала юная леди, – только не передавайте ему, что я вас спрашивала об этом.

Тем временем молодые люди подошли к мистеру Тачетту, и тот медленно поднялся с кресла для приветствия.

– Мама приехала, – сказал Ральф. – А это мисс Арчер.

Старик положил руки ей на плечи и несколько мгновений бесконечно доброжелательно смотрел на нее; потом галантно поцеловал.

– Очень рад, что вы уже здесь, жаль только, что у нас не было возможности встретить вас.

– Что вы, нас встретила почти целая дюжина слуг! – воскликнула девушка. – А пожилая женщина даже сделала реверанс.

– Мы придумали бы что-нибудь получше – если бы знали о вашем приезде! – Старик улыбался, потирая руки и покачивая головой. – Но миссис Тачетт не признаёт торжественных встреч.

– Тетя сразу пошла в свою комнату.

– Да, и заперлась там. Она всегда так делает. Полагаю, мы увидим ее на следующей неделе. – И муж миссис Тачетт медленно уселся на свое место.

– О нет, раньше, – возразила мисс Арчер. – Она спустится к обеду⁴ в восемь часов. Не забудьте: без четверти семь, – добавила она, с улыбкой повернувшись к Ральфу.

– Что должно случиться без четверти семь?

– Я должен повидать маму.

– Счастливчик... – пробормотал старик. – Вы должны присесть и выпить чаю, – обратился он к племяннице своей жены.

⁴ Аналог нашего ужина. У англичан принято обедать поздно.

– По приезде мне сразу принесли чай в комнату, – ответила она и, глядя на почтенного хозяина дома, произнесла: – Как жаль, что вам нездоровится!

– Что ж, мне много лет, дорогая, пора быть настоящим стариком. Но я уверен, что в вашем присутствии мне станет гораздо лучше.

Девушка снова стала осматривать все вокруг – лужайку, высокие деревья, заросшую тростником серебристую Темзу, красивый старинный дом, – и при этом успевала тайком бросать изучающие взгляды на своих собеседников, что было вполне естественно для девушки неглупой и к тому же взволнованной. Она отпустила собаку и села, положив на колени руки, на фоне черного платья казавшиеся белоснежными. Голова мисс Арчер была высоко поднята, глаза блестели, и стройная фигурка находилась в постоянном движении. Она была переполнена новыми впечатлениями, которые поглощались ею с ясной, замершей на губах улыбкой.

– В жизни не видела ничего прекраснее, – заявила мисс Арчер.

– Да, здесь очень хорошо, – согласился мистер Тачетт. – Понимаю, как порастил вас этот пейзаж, – я и сам испытал нечто подобное. Но вы и сами так же прекрасны, – любезно добавил он без малейшей иронии, с удовольствием сознавая, что его преклонный возраст дает ему привилегию делать комплименты – даже таким юным девушкам, которых подобные слова обычно смущают.

Было непонятно, насколько сильно смущена мисс Арчер; она внезапно вскочила, покраснев, но неудовольствия ее при этом не ощущалось.

– Да, разумеется, я не дурнушка! – с коротким смешком воскликнула она. – А сколько лет этому дому? Он времен Елизаветы?

– Первых Тюдоров⁵, – ответил Ральф Тачетт.

Мисс Арчер повернулась к нему, быстро взглянув в его лицо.

– Первых Тюдоров? Какая прелесть! Наверное, в Англии много таких мест?

– И даже гораздо красивее.

– Не говори так, сынок! – запротестовал старик. – Лучше нашего дома нет.

– К примеру, мой дом тоже очень неплох. Думаю, что в некотором отношении он даже лучше, – произнес лорд Уорбартон, который до этого не произнес ни слова, но внимательно наблюдал за мисс Арчер.

Он склонился к ней с легкой улыбкой – с женщинами он был необыкновенно обходителен, и девушка сразу это оценила. К тому же она не забывала, что перед ней настоящий лорд.

– Я с большим удовольствием показал бы вам свое жилище, – добавил он.

– Не верьте ему, – вскричал старик. – Нечего и смотреть – этот ветхий сарай ни в какое сравнение не идет с моим домом!

– Я не видела и не могу судить, – ответила девушка и улыбнулась лорду Уорбартону.

Ральфа Тачетта совершенно не интересовала эта беседа. Он стоял, засунув руки в карманы, и по всему было видно, что он с удовольствием бы продолжил разговор со своей ново-явленной кузиной. Для начала он спросил:

– Так вы любите собак?

Это было не слишком удачным началом беседы для столь умного человека.

– Просто обожаю!

– Тогда вы должны быть хозяйкой этого терьера, – все так же неловко продолжал Ральф.

– С удовольствием – пока я тут.

– Надеюсь, вы останетесь подольше.

– Вы очень любезны, но мне трудно сказать. Это решит тетушка.

– Мы обсудим это с ней... без четверти семь. – И Ральф снова взглянул на часы.

– Мне здесь очень нравится, – сказала девушка.

⁵ Тюдоры – английская королевская династия (1485–1603).

– Не верится, что вы позволяете кому-то решать за себя.
– Конечно, нет; только в том случае, если это совпадает с моими желаниями.
– Я постараюсь, чтобы это совпало и с моими желаниями, – заявил Ральф. – Невероятно, как это мы не познакомились раньше.
– Нужно было просто побывать там, где я была, и познакомиться со мной.
– Где? Что вы имеете в виду?
– В Соединенных Штатах: в Нью-Йорке, в Олбани, в других местах.
– Я посещал эти места, но почему-то не побывал у вас. У меня просто в голове это не укладывается.

Мисс Арчер помедлила.

– Дело в том, что моя мама умерла, когда я была еще ребенком, а после ее смерти между моим отцом и вашей матушкой возникли какие-то разногласия. Поэтому мы и не помышляли о знакомстве.

– Боже упаси меня ссориться со всеми, с кем у моей матушки разногласия! – воскликнул молодой человек. – Так вы недавно потеряли отца? – сочувственно спросил он.

– Да, чуть больше года назад. И тетя была очень добра – разыскала меня и предложила поехать с ней в Европу.

– Понятно, – произнес Ральф. – Она, случайно, не удочерила вас?

– Удочерила?

Пораженная, мисс Арчер взглянула на него, снова вспыхнув, и смущенный Ральф увидел в ее глазах боль. Он не ожидал, что этот шуточный вопрос произведет на нее такое впечатление. В этот момент подошел лорд Уорбартон, сгоравший от желания рассмотреть мисс Арчер поближе, и девушка перевела свой взгляд на него.

– Нет, она меня не удочеряла. Я совершенно не подхожу на эту роль.

– Примите мои извинения, – пробормотал Ральф. – Я имел в виду... имел в виду... – но едва ли он и сам знал, что имел в виду.

– Вы имели в виду, что она взяла меня под свое крыло. Да, тетя любит опекать. И она очень добра ко мне, но... – добавила мисс Арчер, и было видно, насколько ей важно, чтобы ее поняли, – я очень ценю свою свободу.

– Вы беседуете о миссис Тачетт? – поинтересовался из своего кресла старик. – Подойдите, моя дорогая, и расскажите мне. Я всегда рад узнать о ней что-нибудь новое.

Поколебавшись всего мгновение, мисс Арчер улыбнулась.

– Тетя поистине великодушна, – ответила она; затем подошла к дяде, которого приятно взволновали ее слова.

Стоя рядом с Ральфом Тачеттом, лорд Уорбартон вдруг негромко сказал:

– Недавно вы хотели увидеть воочию воплощение моего представления об интересной женщине. Так вот оно!

Глава 3

Что и говорить, миссис Тачетт была со странностями, и некоторое представление о них можно было составить уже по тому, каковым было ее возвращение в дом своего мужа после многих месяцев отсутствия. Проще всего так описать ее характер: она все делала по-своему, редко проявляла снисходительность, хотя отнюдь не была лишена великодушия. Миссис Тачетт умела делать добро, но никогда не умела нравиться. Она любила действовать самостоятельно, но, хотя иногда казалась агрессивной, это было отнюдь не так – просто она слишком была не похожа на других. Натура миссис Тачетт порой проявлялась так резко, что причиняла боль людям впечатлительным. Непреклонность этой женщины обнаружилась сразу же по возвращении из Америки. Кажется, в этих обстоятельствах она первым делом должна была бы поздороваться с мужем и сыном. Однако по причинам, которые казались ей более чем достаточными, она всегда в подобных случаях откладывала сентиментальную церемонию, уединяясь, чтобы довести до совершенства свой туалет, причем это не имело никакого смысла, так как миссис Тачетт были равно чужды и красота, и тщеславие. Эта пожилая некрасивая женщина, абсолютно лишенная кокетства и элегантности, была зато чрезвычайно внимательна к собственным поступкам и всегда могла при случае объяснить мотивы любых своих действий, как правило, разительно отличающиеся от тех, которые ей приписывались. Живя по существу с мужем врозь, она не видела в этом ничего необычного. С самого начала семейной жизни стало ясно, что их желания никогда не совпадут, и это подтолкнуло миссис Тачетт к решению не превращать разногласия в вульгарные скандалы. Она сделала все возможное, чтобы придать своему решению непреложность закона – и еще больше назидательной его стороне, – уехав жить во Флоренцию, где купила себе дом, оставив мужа в Англии заниматься своим банком. Такое положение вещей вполне ее устраивало – оно было в высшей степени определенным. Муж видел его точно таким же – если в туманном Лондоне иногда что четко и вырисовывалось, то именно отъезд жены. Впрочем, мистер Тачетт предпочел бы, чтобы их отношения были не столь определенными. Согласие на такие узаконенные разногласия далось ему с трудом; он готов был согласиться со всем, кроме этого, и не представлял, почему сходство или несходство взглядов на жизнь должно быть таким непоколебимым. Но миссис Тачетт не позволяла себе ни сожалений, ни размышлений, и, приезжая обычно к мужу раз в год, за этот месяц во что бы то ни стало старалась убедить его, будто принятое ею решение – единственно правильное. Она не любила Англию и имела на то три причины, о которых не уставала напоминать. Не имея ни малейшего отношения к традиционному британскому укладу, они повлияли на ее решение переселиться в другую страну. Во-первых, миссис Тачетт ненавидела хлебную подливку, которая, по ее словам, выглядела словно разведенное для припарки лекарство, а вкусом напоминала мыло; во-вторых, она не могла смириться с тем, что служанки попивают пиво; и в третьих, она утверждала, что британские прачки (а миссис Тачетт была очень разборчива по части постельного белья) вовсе не мастера своего дела. На родину в Америку она наезжала в соответствии со строгим расписанием, однако этот визит оказался продолжительнее предыдущих.

Теперь сомнений почти не оставалось – миссис Тачетт задержалась потому, что решила взять под опеку свою племянницу. Однажды влажным весенним вечером, месяца за четыре до тех событий, с которых начался наш рассказ, эта юная леди в уединении читала книгу. Раз она сидела с книгой, значит, можно сказать, что одиночество было ей совсем не в тягость, ибо любознательность ее была плодотворной, а воображение – богатым. Однако именно в тот раз ей хотелось отвлечься, и визит нежданной гостьи помог как нельзя лучше. О ее приезде никто не доложил; девушка услышала шаги, когда они раздавались уже в соседней комнате. Дело происходило в Олбани – в большом, старом квадратном доме, перестроенном из двух; теперь в окне гостиной виднелось объявление о его продаже. У дома были два входа (одним из них дав-

ным-давно не пользовались, но так и не заделали), абсолютно одинаковые: массивные белые двери в арочных проемах, с широкими стеклами по сторонам, над невысокими ступеньками из красного камня, наискосок спускавшимися к выложенному кирпичом тротуару. Когда два дома соединяли в один, разделяющую их стену разрушили, и они стали сообщаться между собой. На втором этаже, куда вела лестница, было огромное количество комнат, одинаково выкрашенных светло-желтой краской, которая с годами заметно вылиняла. Этажом выше между двумя крыльями дома соорудили сводчатый переход, который Изабелла и ее сестры в детстве называли тоннелем. Светлый и совсем не длинный, девочке он казался таинственным и пустынным, особенно в зимние сумерки. Ребенком, когда здесь жила бабушка, Изабелла не раз гостила у нее, потом – не появлялась в Олбани десять лет; и вернулась лишь незадолго до смерти отца. В прежнее время старая миссис Арчер была очень гостеприимна – в основном по отношению к родне, – и девочки часто проводили под крышей бабушкиного дома целые недели, о которых у Изабеллы остались самые счастливые воспоминания. Жизнь здесь была совсем иной, чем в ее собственном доме, – более свободная, наполненная, открытая. За детьми следили не слишком строго, они могли слушать почти все разговоры взрослых (что очень нравилось Изабелле). То и дело кто-то уезжал, кто-то приезжал; сыновья и дочери бабушки, а также их дети с радостью соглашались погостить у нее, поэтому дом напоминал суматошную провинциальную гостиницу, пожилая и кроткая хозяйка которой время от времени глубоко вздыхает, но никогда не выставляет постояльцам счетов. Изабелла, конечно, понятия не имела о счетах, но уже тогда, в детстве, считала бабушкино жилище очень живописным. С тыльной стороны дома была крытая веранда, а на веранде – вожделенные качели. Дальше, до конюшни, простирался сад с прекрасными персиковыми деревьями. Изабелла бывала у бабушки в разное время года, но почему-то, независимо от этого, в каждый приезд она ощущала аромат созревших персиков. На противоположной стороне улицы стояло старинное здание из выкрашенных в желтый цвет кирпичей – так называемый Голландский дом – причудливое архитектурное сооружение времен первых переселенцев, увенчанное остроугольной крышей, – достопримечательность, которую показывали всем приезжим. К улице дом был обращен торцом и огорожен шатким деревянным забором. В нем располагалась начальная школа для мальчиков и девочек, а управляла ею – совершенно по-дилетантски – экспансивная дама, которая запомнилась Изабелле чрезмерно взбитыми на висках волосами и тем, что она была вдовой какого-то влиятельного лица. В этом-то заведении и должна была девочка овладевать зачатками знаний, но, проведя в школе всего один день, она испытала к ней такое отвращение, что ей позволили остаться дома. В сентябре окна в Голландском доме почти всегда держали открытыми, и до Изабеллы доносились голоса учеников, хором повторявших таблицу умножения, отчего она испытывала восторг свободы и неотделимое от него горькое чувство отверженности. Что же касается настоящих знаний, то основа их была заложена в атмосфере праздности бабушкиного дома; так как большинство его обитателей никак нельзя было отнести к любителям чтения, Изабелла получила в свое полное распоряжение богатую библиотеку. Встав на стул, она выбирала себе книгу по вкусу – руководствуясь главным образом тем, что нарисовано на фронтиспise, – и шла с ней в таинственную комнату за библиотекой, которую неизвестно почему принято было называть конторой. Что это за контора и кипела ли в ней когда-то работа, Изабелла так и не узнала; с нее было вполне довольно, что здесь жило эхо и приятно пахло стариной; в эту комнату ссылали мебель, иногда даже без очевидных изъянов (отчего ссылка казалась незаслуженной, а ссылки – жертвами несправедливости), и с этими вещами, как это свойственно многим детям, девочка установила почти человеческие, живые отношения. Особенно Изабелла любила обитый грубой тканью из конского волоса диван, которому поверяла сотни своих детских печалей. Мрачную таинственность конторе придавало и то, что в нее вела та самая «отверженная» входная дверь, которой никогда не пользовались. Хрупкая девочка обнаружила, что не может справиться с тугими засовами, но знала, что эта молчаливая неподвижная дверь ведет на улицу

и что, если бы стекла не были заклеены зеленой бумагой, она увидела бы маленькое потемневшее крыльцо и истертые кирпичи тротуара. Но девочка не хотела выглядывать наружу, ибо тогда исчезла бы выдуманная ею страна – необыкновенная, таинственная, становившаяся, по настроению, то источником удовольствий, то вместилищем ужасов.

Именно в конторе и сидела Изабелла в тот грустный весенний вечер, о котором я упомянул. К тому времени в ее распоряжении был весь дом, но она выбрала самую мрачную комнату. Девушка так ни разу и не отодвинула засовы и не сняла зеленую бумагу со стекол (конечно, со времен бабушки она давно была заменена на новую), чтобы убедиться, что за дверью лежит обыкновенная улица. Вовсю лил холодный дождь; весна никак не разрешала в себя поверить. Но Изабелла старалась обращать как можно меньше внимания на причуды этого времени года; она смотрела в книгу и пыталась сосредоточиться. Не так давно девушка обнаружила, что ее мысли склонны к тому, чтобы рассеиваться; призвав все свое умение, она стала учить их держать строй, выполнять различные команды: наступать, отступать, останавливаться, выполнять и более сложные маневры. В этот вечер Изабелла снова отдала приказ: «Марш!» – и ее мысли отправились в утомительный поход по зыбким просторам немецкой философии; вдруг в тишине раздались шаги, но они не совпадали с тем ритмом, в котором продвигались ее мысли; прислушавшись, она поняла, что кто-то идет по библиотеке, примыкавшей к конторе. Поначалу девушка решила, что пришел тот самый человек, визита которого она, по некоторым причинам, могла ожидать; но почти сразу сказала себе, что походка незнакомая и женская – а ее вероятный гость был мужчиной, причем хорошо знакомым. Так могла идти женщина решительная, намеренная увидеть нечто для себя интересное, которая не преминет перешагнуть порог конторы; действительно, в проеме двери тут же появилась дама и, помедлив, вперила взгляд в нашу героиню. Лицо этой некрасивой пожилой женщины, одетой в просторную непромокаемую накидку, имело выражение жесткое, но не отталкивающее.

– Гм, – произнесла она, оглядев разномастные стулья и столы, – ты здесь обычно и пребываешь?

– Если не жду гостей, – ответила Изабелла, поднявшись, и направилась в библиотеку, как бы предлагая своей гостье следовать за собой. Незванная гостья продолжала глазеть по сторонам.

– Но, кажется, у тебя тут много других комнат, и, наверное, в лучшем состоянии. Правда, все страшно ветхое.

– Вы хотели осмотреть дом? – спросила Изабелла. – Горничная вам его покажет.

– Я не собираюсь покупать дом. А ее я бы посоветовала тебе уволить. Она не производит впечатление сообразительной. Ушла позвать тебя, и, видимо, до сих пор бродит в поисках где-то наверху. Лучше кликни ее и скажи, что все уже в порядке.

Девушка, недоумевающая, замешкалась, а неожиданная критикесса резко спросила:

– Полагаю, ты одна из дочерей?

Изабелла решила, что у незнакомки довольно странные манеры.

– Все зависит от того, чьих дочерей вы имеете в виду.

– Покойного мистера Арчера... и моей бедной сестры.

– А-а, – медленно произнесла Изабелла, – должно быть, вы наша сумасбродная тетя Лидия!

– Вот как отец научил вас отзываться обо мне! Я твоя тетя Лидия, но вовсе не сумасбродка. А ты какая по счету?

– Я младшая, Изабелла.

– Да, а те – Лилиан и Эдит. Ты самая хорошенькая?

– Не имею ни малейшего представления, – ответила девушка.

– Похоже на то, – задумчиво сказала тетушка.

Вот так тетя и племянница подружились. После смерти сестры миссис Тачетт поссорилась с зятем: она выговорила ему за то, как он воспитывает трех своих дочерей, мистер Арчер, будучи человеком вспыльчивым, попросил ее не вмешиваться в чужие дела, и она приняла эти слова буквально. В течение многих лет миссис Тачетт не поддерживала с ним никаких отношений, и даже после его смерти ни разу не написала племянницам, воспитанным в неуважении к ней, что Изабелла как раз сейчас и продемонстрировала. Действия миссис Тачетт были, как всегда, идеально продуманы. Она так или иначе намеревалась приехать в Америку по своим денежным делам (муж к ее вкладам, даром что был крупным финансистом, никакого отношения не имел) и решила воспользоваться случаем, чтобы узнать о положении дел своих племянниц. Писать она необходимости не видела, поскольку не придавала никакого значения сведениям, которые могла бы из писем извлечь, – она всегда верила только тому, что видела своими глазами. Однако Изабелла обнаружила, что тетя знает о них достаточно: и о замужестве старших сестер; и о том, что их бедный отец оставил им очень небольшие средства, но завещал продать доставшийся ему в свое время дом в Олбани и разделить вырученные деньги между собой; знала, наконец, и о том, что муж Лилиан Эдмунд Ладлоу взял на себя эти хлопоты, и потому молодая пара, приехавшая в Олбани во время болезни мистера Арчера, по сию пору оставалась в городе и жила в особняке вместе с Изабеллой.

– Сколько вы думаете выручить за дом? – спросила миссис Тачетт девушку, которая предложила ей присесть в парадной гостиной, и без особого энтузиазма осмотрела комнату.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила Изабелла.

– Ты уже второй раз говоришь мне это, – заметила тетя. – Но ты вовсе не выглядишь бестолковой.

– Я вовсе не бестолкова, но в деньгах ничего не понимаю.

– Да, так вас воспитали – как будто вам в наследство должен был достаться миллион. Кстати, сколько вы получили?

– Я действительно не могу вам сказать. Вам нужно спросить у Эдмунда и Лилиан. Они вернутся через полчаса.

– Во Флоренции мы бы сочли, что этот дом никуда не годится, – сказала миссис Тачетт, – но здесь, я полагаю, за него дадут хорошую цену. Каждой из вас он должен принести значительную сумму. И, надо думать, вдобавок вы получите кое-что еще. Ваша неосведомленность – просто из ряда вон. Ведь самое ценное – это место, на котором стоит дом. Его можно снести и построить торговые ряды. Удивительно, что вы не сделали этого сами; лавки можно очень выгодно сдавать.

Изабелла изумилась; мысль о лавках была для нее внове.

– Надеюсь, дом не станут сносить, – произнесла она. – Я так люблю его.

– Не понимаю, за что ты его так любишь. Здесь умер твой отец.

– Да, но из-за этого я не разлюбила его, – спокойно ответила девушка. – Я люблю места, где происходили какие-то события, пусть даже грустные. Здесь многие умерли, но дом был полон жизни.

– И об этом ты говоришь «дом был полон жизни»?

– Я имею в виду переживания – человеческие чувства, страдания. И не только страдания, я в детстве была здесь очень счастлива.

– Тебе нужно во Флоренцию, если ты любишь дома, где что-то происходило – особенно смерти. Я живу в старинном дворце – в нем были убиты три человека. Три человека, о которых известно, и я не знаю, сколько еще.

– В старинном дворце? – повторила Изабелла.

– Да, моя милая. Это совершенно другое дело. У вас здесь все очень уж... как-то помещански.

Поскольку Изабелла всегда была очень высокого мнения о бабушкином доме, она слегка рассердилась, но это не помешало ей искренне воскликнуть:

– Как бы мне хотелось поехать во Флоренцию!

– Если будешь умницей и станешь делать все, что я тебе скажу, я возьму тебя с собой, – сказала миссис Тачетт.

Волнение Изабеллы усилилось. Она вспыхнула и промолчала. Потом улыбнулась тете.

– Делать все, что вы скажете? Не думаю, что могу обещать вам это.

– Конечно, это на тебя и не похоже. Ты любишь все делать по-своему, но не мне тебя в этом упрекать.

– И все же ради Флоренции, – воскликнула Изабелла, – я готова дать почти любые обещания!

Эдмунд и Лилиан все не возвращались, и целый час ничто не прерывало беседу миссис Тачетт с племянницей, которая нашла тетюшку очень необычной и интересной. Тетушка оказалась именно такой оригиналкой, какой Изабелла всегда ее себе и воображала. До сих пор, если она слышала, что кого-то называют эксцентричным, этот человек казался ей неприятным. Само слово вызывало у нее представление о какой-то нелепице, о разрушенной гармонии. Но тетя прояснила ее представление и привнесла столько свежих впечатлений, что Изабелле пришлось в голову, что все это время она преувеличивала прелесть гармонии. Изабелла не встречала никого занимательнее этой маленькой, иноземного вида женщины, с тонкими губами и горящими глазами, у которой изысканные манеры искупали невзрачную внешность и которая, сидя здесь в поношенной накидке, со знанием дела рассказывала о европейских королевских дворах. Миссис Тачетт не была тщеславной, но любила высшее общество, и сознание, что она производит впечатление на искреннюю, впечатлительную племянницу, доставляло ей удовольствие. Но прежде Изабелле было задано множество вопросов, и по ответам миссис Тачетт заключила, что племянница весьма неглупа. В свою очередь Изабелла стала расспрашивать тетку, и все ее ответы казались девушке невероятно увлекательными. Миссис Тачетт дожидалась другой своей племянницы ровно столько, сколько сочла разумным; но так как миссис Ладлоу не появилась и в шесть часов, она собралась уходить.

– Твоя сестра, должно быть, ужасная сплетница, – заметила миссис Тачетт. – Она всегда так долго бежит по гостям?

– Она отсутствует почти столько же, сколько вы пробыли здесь, – ответила Изабелла. – Она ушла совсем незадолго до вашего прихода.

Миссис Тачетт взглянула на девушку и вовсе не выглядела задетой. Казалось, ей понравилась дерзость, да и хотелось проявить к племяннице великодушие.

– Думаю, у нее не найдется такой уважительной причины, как у меня. Во всяком случае, передай ей, чтобы пришла ко мне сегодня вечером в эту вашу ужасную гостиницу. Если хочет, может взять с собой мужа, а тебе приходиться ни к чему. У нас с тобой еще много времени впереди.

Глава 4

Миссис Лилиан Ладлоу была старшей из трех сестер Арчер. О каждой из них существовало некое общественное мнение: Лилиан считалась практичной здравомыслящей особой, Эдит – красавицей, а Изабелла – интеллектуалкой. Миссис Эдит Кейс, средняя сестра, вышла замуж за саперного офицера, и, поскольку в нашей истории она больше не появится, достаточно сказать, что она действительно была прелестна и служила украшением многочисленных военных гарнизонов, в основном в провинциальных западных городках, куда, к ее глубокому огорчению, неизменно направляли ее мужа. Лилиан вышла замуж за юриста из Нью-Йорка, молодого человека с громким голосом, энтузиаста в своем деле. Партия, как и у Эдит, не слишком блестящая, но поговаривали, Лилиан должна быть рада, что ее вообще взяли замуж – такую некрасивую по сравнению с сестрами. Однако она жила очень счастливо и, будучи матерью двух своевольных мальчишек и хозяйкой дома, который демонстрировал свою кладку из нового узкого коричневого камня всей Пятьдесят третьей улице, чувствовала полное удовлетворение от своего семейного положения. Она была низкорослой толстушкой, но говорили, что замужество пошло ей на пользу. Преклонялась она лишь перед двумя вещами: перед полемическим талантом мужа и оригинальностью Изабеллы.

– Я привыкла воспринимать ее как существо высшего порядка, и не думаю, что это когда-либо изменится, – как-то сказала Лилиан близкой подруге. Такое признание делало ей честь, тем более что сестрой она была очень любящей.

– Мне хочется только одного: чтобы она благополучно вышла замуж, – часто говорила Лилиан мужу.

– Что касается меня, то, признаться, не завидую я ее мужу, – обычно декламировал в ответ Эдмунд Ладлоу.

– Я знаю, ты всегда говоришь так, чтобы поспорить со мной. Из духа противоречия. Не понимаю, что ты имеешь против нее – кроме того, что она так оригинальна?

– Ну да, мне оригиналы не слишком нужны, я люблю читать книги в переводе, – не раз шутовски отвечал мистер Ладлоу. – Изабелла же «написана» на иностранном языке. Я не могу ее понять. Ей бы выйти за армянина или за португальца.

– Вот я и боюсь, что она именно это и сделает! – восклицала Лилиан, считавшая, что сестра способна на все.

Она с большим интересом выслушала рассказ о посещении миссис Тачетт и к вечеру была готова выполнять ее повеления. Осталось неизвестным, о чем именно младшая сестра сообщила старшей, но что-то побудило Лилиан сказать мужу, когда они одевались в спальне, собираясь отправиться в отель:

– Я очень надеюсь, что тетя сделает для Изабеллы что-нибудь существенное. Совершенно очевидно, что она к ней прониклась симпатией.

– Чего бы тебе хотелось, чтобы она сделала? – спросил мистер Ладлоу. – Какой-нибудь дорогой подарок?

– Нет, конечно, ничего подобного. Почувствовать к ней интерес, понять ее. Тетя из тех, кто может оценить сестру. Очень долго жила за границей, и все Изабелле про это рассказывала. А ты же сам всегда говорил, что Изабелла похожа на иностранку.

– А, так ты хочешь, чтобы тетка подарила ей немного сочувствия на зарубежный манер? Мало ей понимания дома?

– Нет, она должна поехать за границу, – произнесла миссис Ладлоу. – Это как раз по ней.

– Так ты хочешь, чтобы старая леди взяла ее с собой, да? – спросил мистер Ладлоу.

– Она уже предложила – смерть как мечтает поехать с Изабеллой! Но мне бы хотелось, чтобы там, когда они приедут, тетушка ей всячески протезировала. Я уверена: все, что мы можем сделать для Изабеллы, – это только дать ей шанс! – воскликнула миссис Ладлоу.

– Что за шанс?

– Возможность совершенствоваться.

– Боже милостивый! – воскликнул мистер Ладлоу. – Надеюсь, Изабелла больше не собирается совершенствоваться!

– Если бы я не была уверена, что ты говоришь это только потому, что привык спорить, то обиделась бы, – ответила его жена. – Но ты и сам знаешь, что любишь ее.

– А ты-то хоть знаешь, что я тебя люблю? – чуть позже шутливо спросил молодой человек Изабеллу, смахивая пылинки со своей шляпы.

– Вот уж до чего мне нет никакого дела! – бросила девушка, хотя голос и улыбка звучали гораздо мягче, чем предполагали такие слова.

– О, она чувствует себя такой важной персоной после посещения миссис Тачетт, – сказала ее сестра.

Но девушка совершенно серьезно опровергла это утверждение:

– Ты не должна так говорить, Лили. Я вовсе не важничаю.

– Право же, в этом нет ничего плохого, – миролюбиво ответила ее сестра.

– Из-за того, что приходила миссис Тачетт, нечего важничать.

– О, – воскликнул мистер Ладлоу, – ты еще никогда не была такой важной!

– Если я и стану когда-нибудь важничать, то по более серьезной причине, – сказала девушка.

Важничала Изабелла или нет, но, во всяком случае, она была очень занята – я имею в виду, занята своими мыслями. Вечером, оставшись одна, девушка некоторое время сидела возле лампы, сложив руки и забыв про все свои обычные занятия. Поднявшись, походила туда-сюда, затем стала бродить из одной комнаты в другую, избегая освещенных мест. Изабелла была смущена, взволнована, ее слегка лихорадило. Чувствовалось, что с ней произошло что-то неизмеримо более важное, чем казалось на первый взгляд. В ее жизни должны были произойти перемены. Что теперь последует – еще совершенно неизвестно, но в данных обстоятельствах ценность приобретало любое изменение. Изабелла хотела оставить свое прошлое позади и, как она говорила себе самой, «начать сначала». На самом деле это желание родилось не сегодня. Оно было знакомым, как шум дождя за окном, и уже много раз заставляло ее начинать снова. Сидя в темном углу безмолвной гостиной, Изабелла закрывала глаза, но не потому, что пыталась задремать. Наоборот, она чувствовала себя слишком бодрой и хотела побороть ощущение, будто одновременно видит слишком много вещей. Ее воображение, по обыкновению, работало изо всех сил: если дверь перед ним была закрыта, оно находило путь через окно – Изабелла не научилась держать его взаперти. В такие важные моменты, когда она и рада была бы прислушаться только к своему разуму, ей приходилось расплачиваться за привычку поощрять свою способность принимать все не рассуждая. Сейчас, когда предчувствие перемен было таким острым, перед ней один за другим возникали образы прошлого, которое она оставляла позади. Долгодолго, в тишине, нарушаемой лишь тиканьем больших бронзовых часов, она припоминала прошедшие годы. Жизнь ее была счастливой, а сама она очень удачливой – такой вывод выглядел непреложной истиной. Изабелла получала все самое лучшее, а в мире, где существование многих людей казалось совсем незавидным, само по себе отсутствие тягот было уже несомненным преимуществом. Изабелла считала, что была даже слишком далека от этих тягот, поскольку знала из литературы, что часто они бывают и полезны, и поучительны. Отец ограждал дочь от всяческих невзгод – ее красивый, обожаемый отец, который и сам всегда относился к ним с отвращением. Быть его дочерью казалось счастьем; Изабелла даже гордилась своей родословной. Но после смерти отца у нее возникло смутное

ощущение, что они, дети, видели лишь светлую сторону его жизни, а в действительности он бывал в стесненных обстоятельствах чаще, чем ему хотелось бы. Но от этого ее нежность к отцу только росла. И едва ли не столь же мучительной была мысль, что мистер Арчер оказался слишком щедрым, слишком добрым, слишком презиравшим «низменные расчеты». Многие – особенно те, кому он остался должен, – считали, что сие его презрение было чрезмерным, но Изабелла так и осталась непосвященной в эти дела. Однако читателю может быть интересно, что, признавая покойного замечательно умным джентльменом с привлекательными манерами (и действительно мистер Арчер, как выразился один его знакомый, «всегда привлекал какие-нибудь средства»), многие считали, что он прожил совершенно бесполезную жизнь. Мистер Арчер, к прискорбию, растратил значительное состояние, слишком много веселился и слыл азартным игроком. Особенно строгие судьи заходили еще дальше, утверждая, будто он вовсе не занимался воспитанием своих дочерей; они не получили систематического образования и не имели постоянного дома; их баловали, но не воспитывали; их либо отдавали под опеку горничных и гувернанток (обычно никуда не годных), либо посылали в какие-то непонятные школы, которые содержали иностранцы и из которых девочки в слезах возвращались уже через месяц. Такое мнение вызвало бы у Изабеллы негодование, поскольку, по ее представлению, перед ней были открыты бесчисленные возможности. Даже когда отец оставил своих дочерей на три месяца в Невшателе с французской бонной, которая вскоре сбежала с русским дворянином, жившим в той же гостинице, – даже и в такой из ряда вон выходящей ситуации Изабелла (тогда одиннадцатилетняя) не была ни смущена, ни испугана, и восприняла всю историю как романтическую и отвечающую принципам либерального воспитания. У мистера Арчера были широкие взгляды на жизнь, и его постоянная неугомонность, а порой и непоследовательность лишь доказывали это. Он мечтал, чтобы его дочери как можно больше поездили по миру. Изабелле еще не было четырнадцати лет, а отец уже трижды пересекал с дочерьми Атлантику, но каждый раз для знакомства с заморскими странами отводил всего несколько месяцев, поэтому интерес нашей любознательной героини оставался неутоленным. Изабелле всегда полагалось принимать сторону отца, поскольку из трех дочерей она была самой любимой, и в последние дни желание мистера Арчера наконец покинуть этот мир, в котором с годами ему становилось все труднее следовать своим привычкам, уступило место чувству горечи, вызванному неизбежным расставанием с его умной, замечательной, лучшей в мире дочерью. Когда путешествия в Европу прекратились, отец продолжал всячески баловать дочерей, и если у него возникали проблемы с деньгами, это никак не сказывалось на девочках – они всегда считали, что обладают большим состоянием. Изабелла, хотя и очень хорошо танцевала, однако, как ей теперь вспомнилось, не имела большого успеха в нью-йоркском обществе; Эдит, по всеобщему признанию, была гораздо более популярна. Она вообще являла собой пример такого полного и безоговорочного успеха, что Изабелла никогда не питала иллюзий ни по поводу составляющих этого успеха, ни по поводу собственных скромных достижений. Но если девятнадцать человек из двадцати (включая и самую младшую сестру) находили, что Эдит несравненно красивее Изабеллы, то двадцатый не только отвергал общее мнение, но и считал всех остальных сборищем глупцов. В глубине души Изабелла жаждала нравиться даже сильнее, нежели Эдит, но ее желания были надежно скрыты, и целая дюжина своенравных сил не позволяли им показаться на поверхности. Девушка была знакома с многочисленными поклонниками Эдит, но почти все они побаивались ее и полагали, что общение с ней требует особой подготовки: умения поднимать трудные вопросы и поддерживать серьезную беседу. Репутация «начитанной девицы» окружала Изабеллу, как облака – Гомерову богиню; она же вынуждала собеседника Изабеллы касаться сложных вопросов и держаться в неких рамках. Бедняжке нравилось слыть умной, но свою репутацию книжного червя она ненавидела; она стала читать тайком и, хотя и обладала превосходной памятью, воздерживалась от цитат; стремясь пополнить свои знания, она предпочитала получать их откуда угодно – только не из книг. Ей была крайне интересна

жизнь, и она постоянно вглядывалась в нее и размышляла. Изабелла обладала огромным запасом жизненных сил, и ощущение связи между движениями собственного сердца и событиями окружающего мира доставляло ей глубочайшее наслаждение. Поэтому она любила наблюдать за толпой, любоваться просторами, читать о революциях и войнах, рассматривать исторические картины – ради сюжета она могла простить им даже отвратительную живопись. Во время Гражданской войны⁶ она была еще совсем маленькой, но на всем протяжении тех лет ее обуревало волнение, и порой она равно восхищалась (к своему величайшему смущению) доблестью обеих армий. Конечно, неосмотрительность окружающей ее молодежи никогда не заходила так далеко, чтобы объявить ее «отщепенкой»; число людей, которые, приближаясь к ней, не теряли головы даже при том, что у них билось сердце, было достаточным, чтобы спасти ее от ошибок юности. У Изабеллы было все, чего может желать девушка: забота, восхищение, комплименты, цветы, уверенность в праве на все привилегии ее круга, бесконечная возможность выбора – танцы, коллекции модных платьев, все книжные новинки, лондонский «Спектейтор»⁷, знакомство со всем, что происходит в мире прекрасного.

Все, что сейчас оживила память, мелькало перед ней множеством сцен и лиц. Забытое вспоминалось, а то, что недавно казалось важным, исчезало из виду, – словно она смотрела в калейдоскоп и только тогда перестала вращать его, когда вошла горничная, объявившая о приходе гостя. Джентльмена звали Каспар Гудвуд; этот молодой, прямодушный человек был родом из Бостона; с мисс Арчер он познакомился год назад и считал ее самой прекрасной девушкой своего времени, называя, впрочем, это время глупейшим периодом в истории. Иногда он писал Изабелле, а в последнее время его письма приходили из Нью-Йорка. Она знала, что он вот-вот может появиться, и весь этот ненастный день, не отдавая себе отчета, действительно ждала его. Однако теперь, узнав, что он уже здесь, не ощутила особого желания видеть его. Каспар был самым лучшим из всех молодых людей, когда-либо ею встреченных. Он вызывал в ней чувство уважения, как никто другой. Предполагали, что мистер Гудвуд хочет жениться на Изабелле, но это, разумеется, могли знать только они двое. Однако определенно можно было утверждать, что он специально приехал с ней повидаться. Поначалу он провел несколько дней в Нью-Йорке, надеясь встретить там Изабеллу, но узнал, что она все еще в Олбани. Девушка не сразу вышла навстречу гостю; в сильном замешательстве она еще несколько минут мерила шагами комнату и, наконец, появилась в гостиной. Каспар стоял возле лампы – высокий, крепкий и немного неуклюжий, с сухощавым и смуглым лицом. Он не отличался особенной красотой, но его облик привлекал внимание; если вы находите очарование в пристальном взгляде голубых глаз и почти квадратном подбородке, свидетельствующем о решительности характера, ваше внимание было бы вознаграждено. Изабелла подумала про себя, что он здесь сегодня с намерением высказать принятое им решение; тем не менее спустя час Каспар Гудвуд, действительно приехавший как с принятым решением, так и с надеждой, отправился домой, чувствуя себя потерпевшим фиаско. Впрочем, он не был человеком, которого могло обескуражить поражение.

⁶ Между штатами Юга и Севера США, рабовладельческими и промышленными (1861–1865).

⁷ Лондонский «Спектейтор» («Зритель») – общественно-литературный журнал.

Глава 5

Ральф Тачетт был человеком философского склада, но он все же постучал в дверь комнаты матери (без четверти семь) с заметным нетерпением. Даже у философов бывают свои предпочтения, и нужно признать, что, если говорить о родителях, именно отец даровал ему сладкое чувство сыновней привязанности. Отец, как часто говорил себе Ральф, был ему больше матерью; его мать, в свою очередь, относилась к нему по-отечески или даже, если можно так выразиться, по-начальнически. Тем не менее миссис Тачетт очень любила своего единственного сына и всегда настаивала на том, чтобы он проводил с ней три месяца в году. Ральф по справедливости оценивал ее чувство и знал, что забота о сыне находится у нее на третьем месте после заботы о доме и об оранжерее (миссис Тачетт обожала цветы). Он нашел мать полностью одетой к обеду и в перчатках; она обняла сына и, усадив рядом с собой на диван, подробно расспросила о здоровье – его собственном и мужа. Положение оказалось неблестящим, и миссис Тачетт заметила, что теперь яснее, чем когда-либо, видит, как мудро было с ее стороны уехать из английского климата. Иначе бы у нее тоже могло сдать здоровье. Ральф усмехнулся – он едва ли мог представить свою мать разболевшейся, – но не стал уточнять, что его недомогание не связано с английским климатом, так как значительную часть года он проводил за границей.

Ральф был совсем маленьким, когда его отец Дэниел Трейси Тачетт, уроженец Ратленда, что в штате Вермонт, приехал в Англию в качестве младшего компаньона в банкирском доме, а уже через десять лет возглавил его. Дэниел Тачетт понимал, что ему предстоит прожить в этой стране долгие годы, и с самого начала смотрел на это просто, бодро и с практической точки зрения. Но про себя он решил, что не собирается ни сам становиться англичанином, ни обращаться в эту особенную веру единственного сына. Ему легко жилось в Англии и удавалось при этом оставаться самим собой. Так же легко ему было представить, что после его смерти законный наследник поведет дела банка в чисто американском духе. Мистер Тачетт не жалея сил воспитывал этот дух в сыне, правда отсылая его за образованием на родину. Ральф провел в Америке несколько лет, окончив там школу, а затем университет, и по возвращении так поразил отца своими «слишком американскими» манерами, что был отправлен на три года в Оксфорд. Оксфорд «поглотил» Гарвард, и Ральф наконец стал в достаточной степени англичанином. Внешне он соблюдал все принятые в этой стране условности, но это было только маской, а под ней скрывался склонный к иронии и абсолютно свободный в суждениях ум, который наслаждался своей независимостью и на который ничто не оказывало особенного влияния. Юный Ральф подавал большие надежды. В Оксфорде, к несказанной гордости отца, он сильно выделялся, и все вокруг очень сожалели, что такому способному юноше не суждено сделать политическую карьеру⁸. Ральф мог бы сделать ее на родине (хотя это и нельзя утверждать наверняка), но, даже если бы мистер Тачетт захотел расстаться с сыном (а он этого совершенно не хотел), Ральф сам не пошел бы на то, чтобы водная пустыня (океан вызывал у него отвращение) всегда лежала между ним и стариком-отцом, который был ему лучшим другом. Молодой человек не только любил, но и восхищался им, радовался любой возможности видеть его. Он считал Дэниела Тачетта гением, и, не особенно интересуясь банковским делом, разбирался в нем достаточно, чтобы оценить, каких вершин достиг его отец. Но восхищало его главным образом даже не это, а удивительная способность старого джентльмена жить в согласии с самим собой. Дэниел Тачетт не оканчивал ни Гарварда, ни Оксфорда, и ему некого было винить, кроме себя, что в руках Ральфа оказался ключ к современному скептицизму. Однако Ральф, чью голову наполняли идеи, о которых отец и не догадывался, глубоко почитал самобытный ум последнего. Справедливо или нет, но считается, будто американцы легко приспосабливаются к условиям

⁸ Как американец, Ральф не мог баллотироваться в парламент.

жизни в чужой стране; однако мистер Тачетт проявил эту способность лишь в определенной степени. Он вполне освоился в Англии, но никогда не пытался изменить образ мышления на британский лад и сохранял в себе множество черт, сложившихся в Вермонте. Сын всегда с удовольствием отмечал, какой образной была речь отца – в таком стиле говорили в районах Новой Англии⁹. Это был, особенно к концу жизни, мягкий, изящный, утонченный человек, соединявший в себе необыкновенную проницательность и дружелюбный юмор. Его взгляды на занимаемое им положение были самого демократичного толка. Возможно, по недостатку воображения или из-за так называемого исторического сознания, но ко многим особенностям английской жизни, которые обычно поражают образованных иностранцев, он остался абсолютно глух: не заметил некоторых различий, не усвоил некоторых обычаев, не постиг значения неких темных сторон. Что касается последнего, то, если бы старшему Тачетту это когда-нибудь удалось, его сын хуже стал бы о нем думать.

Покинув Оксфорд, Ральф пару лет путешествовал, а затем вдруг обнаружил себя сидящим на высоком стуле в отцовском банке. Ответственность и важность занимаемой должности, я полагаю, не измеряются высотой стула и зависят от чего-то другого; Ральф, и вправду очень длинноногий, во время работы предпочитал стоять или даже ходить. Однако постепенно он стал посвящать своим занятиям все меньше времени, а года через полтора понял, что серьезно болен – перенесенная жестокая простуда дала осложнение на легкие. Он был вынужден бросить работу и заняться таким прискорбным делом, как забота о самом себе. Сначала это казалось ему отвратительным; словно он имеет дело вовсе не с собой, а с каким-то неинтересным и ко всему безразличным персонажем, с которым у него нет ничего общего. Однако, познакомившись с этим персонажем поближе, Ральф скрепя сердце стал относиться к нему терпимо и даже со сдержанным уважением. Товарищем по несчастью может оказаться кто угодно, и наш молодой человек, понимая, как много поставлено на карту, – он всегда считал, что ему присущ здравый смысл, – стал ухаживать за своим отвратительным «протеже»; тот принял это с должным вниманием, и по крайней мере один результат был достигнут – бедняга Ральф остался жив. Одно из его легких начало заживать, второе обещало последовать примеру первого, и Ральфу было твердо сказано, что он переживет еще сколько угодно зим, если переберется в какую-нибудь страну с подходящим для таких больных климатом. Он очень любил Лондон и проклинал неумолимые обстоятельства, обрекавшие его на необходимость покинуть его. Но постепенно он обнаружил, что его чувствительные легкие благодарно откликаются даже на дорогие знаки внимания, и стал выказывать их более щедро – перебирался зимовать в теплые края, грелся на солнышке, в ветреные дни не выходил из дома, в дождливые – лежал в постели (и дважды, когда шел снег, чуть навсегда в ней не остался). Тот запас лени, которым обладал Ральф, помог ему справиться с вынужденным ничегонеделанием; ибо даже в лучшие времена он был слишком болен, чтобы заниматься хоть чем-нибудь. Ральф говорил себе, что в мире нет ничего, чем бы ему по-настоящему хотелось заняться, а следовательно, ему ни от чего не пришлось отказываться. Однако время от времени Ральф «чувствовал аромат запретного плода», который напоминал ему, что наслаждаться жизнью можно только там, где кипит деятельность. Нынешнюю его жизнь можно было сравнить с чтением хорошей книги в плохом переводе – жалкое развлечение для молодого человека, который осознает, что в нем погиб блестящий лингвист. Для Ральфа выдавались плохие зимы и хорошие зимы; в хорошие он даже иногда мечтал, представляя себя полностью выздоровевшим. Но за три года до событий, которыми открывается эта история, все надежды его рухнули. В тот раз Ральф остался в Англии дольше положенного срока, и непогода настигла его раньше, чем он отправился в Алжир. Молодой человек добрался туда еле живой и несколько недель находился между жизнью и смертью. Его

⁹ Новая Англия – шесть северо-восточных штатов США, в т. ч. Вермонт. Поселенцы этих районов сохраняли в языке традиции шекспировского периода и противостояли упрощению языка.

выздоровление было чудом, но Ральф понял: чудеса случаются, но – только один раз. Он сказал себе, что час его близок и о нем не следует забывать, но у него есть еще время, которое можно провести с удовольствием – насколько позволят обстоятельства. Отныне простое применение тех способностей, которыми он обладал и которые мог потерять, стало для Ральфа настоящим наслаждением; ему даже казалось, что до него никто не подозревал о радости созерцания. Миновало то время, когда ему был труден вынужденный отказ от мечты о славе – мечты неясной, но от этого ничуть не менее навязчивой, мечты пленительной, хотя и связанной с необходимостью преодолевать врожденную самокритичность. Теперь друзья находили его повеселевшим и, с видом знатоков покачивая головой, объясняли эту перемену тем, что он якобы настроен на выздоровление. А правда заключалась в том, что Ральф просто смирился со своим положением.

Вполне возможно, что именно эта сладость созерцания, о которой я упомянул (поскольку в последние годы сам склонен замечать скорее приятные вещи, нежели неприятные), и вызвала у Ральфа внезапный интерес к появлению молодой леди, которое явно не сулило скуки. Что-то подсказывало ему: если он будет поблизости, это поможет скрасить череду дней. Здесь, не вдаваясь в подробности, можно добавить, что Ральф Тачетт оставлял для себя даже возможность влюбиться. Безусловно, этой возможностью надо было пользоваться очень умеренно; безопаснее всего, конечно, было переживать все молча, но и этого могло быть недостаточно, и Ральф запретил себе вообще выказывать какие-либо внешние проявления чувств. Созерцать прелестную женщину, не теряя головы, – это казалось ему самым лучшим подарком из всех, предложенных жизнью. А если интерес к ней станет слишком острым, то, конечно, тешил он себя надеждой, ему удастся пережить это так же неприметно, как все другие невзгоды. Тем не менее Ральф уже почти убедил себя, что ему не суждено полюбить кузину.

– А теперь расскажите мне о молодой леди, – попросил он мать. – Что вы намерены с ней делать?

Миссис Тачетт не замедлила с ответом:

– Я намерена просить твоего отца пригласить Изабеллу погостить три-четыре недели в Гарденкорте.

– Нужны ли такие церемонии? – спросил Ральф. – Разумеется, отец будет согласен.

– Я этого пока не знаю. Она моя племянница, а не его.

– Боже мой, мама, какая вы собственница! Да это для него еще одна причина пригласить ее. Ну а потом – я имею в виду, месяца через три (поскольку это абсурд – приглашать бедняжку на какие-то жалкие три-четыре недели), – потом что вы намерены с ней делать?

– Я намерена взять ее в Париж и заняться ее гардеробом.

– Само собой. А кроме этого?

– Я предложу ей на осень поехать со мной во Флоренцию.

– Это все частности, мама, – заметил Ральф. – Мне бы хотелось знать, что вы собираетесь с ней делать вообще.

– Исполнить свой долг! – заявила миссис Тачетт. – Полагаю, тебе тоже очень жаль ее, – добавила она.

– Да нет, не думаю, что она из тех, кто вызывает жалость. Скорее я склонен завидовать ей. Но все-таки, перед тем как я в этом удостоверюсь, объясните мне, к чему именно призывает вас чувство долга.

– Оно призывает меня показать ей четыре европейских страны – две из них она может выбрать сама – и дать возможность довести до совершенства ее французский – она его и так уже очень хорошо знает.

Ральф слегка сдвинул брови.

– Звучит довольно невыразительно. Даже при том, что две страны она может выбрать сама.

– Если звучит невыразительно, – усмехнулась миссис Тачетт, – можешь предоставить это Изабелле – она внесет существенное оживление. С ней не соскучишься.

– Вы считаете ее одаренным существом?

– Не знаю, одаренное ли она существо, но она умная девушка, волевая и с пылким характером. Она никогда не унывает.

– Могу себе представить, – произнес Ральф и вдруг добавил: – И как же вы уживаетесь?

– Ты хочешь сказать, что со мной может быть скучно? Вряд ли Изабелла так считает. Некоторым девицам я могу казаться скучной, это понятно, но Изабелла слишком умна. Полагаю, я ее очень развлекаю. Мы отлично находим общий язык, потому что я ее понимаю. Мне знакома эта порода – Изабелла очень прямодушна, я тоже. Мы точно знаем, чего можно ожидать друг от друга.

– О, дорогая мама, – воскликнул Ральф, – чего можно ожидать от вас – знают все! Вы удивили меня только раз – а именно сегодня, познакомив с хорошенькой кузиной, о существовании которой я не подозревал.

– Ты находишь ее очень хорошенькой?

– Очень. Но дело не в этом. Она как будто что-то излучает, что-то особенное – вот что меня поразило. Кто это редкостное создание? Где вы ее нашли и как произошло ваше знакомство?

– Я нашла ее в старом доме в Олбани. Шел дождь, она сидела в мрачной комнате с толстенной книгой и смертельно скучала. Она сама не знала, что скучает, но, когда я сказала об этом, кажется, была мне благодарна. Может быть, ты считаешь, что я не должна была ее трогать – пусть бы жила как жила. Отчасти это верно. Но я действовала сознательно; я решила, что она предназначена для лучшей доли и что я сделаю доброе дело, если возьму ее с собой, чтобы показать мир. Она, как и большинство молодых американок, думает, будто много знает о нем, – но, как и большинство молодых американок, очень сильно ошибается. Если хочешь знать, я подумала также, что с Изабеллой будет приятно бывать на людях. Я люблю, чтобы обо мне были хорошего мнения, а для женщины моего возраста нет лучшего украшения, чем привлекательная племянница. Ты знаешь – я много лет не видела детей моей сестры; мне претил образ жизни их отца. Но я всегда намеревалась что-нибудь сделать для них тогда, когда моему зятю придет время удалиться туда, где воздают по заслугам. Выяснив, где их найти, я безо всякого предупреждения к ним явилась. У Изабеллы две сестры, обе замужем. Я видела только старшую, Лилиан Ладлоу, у которой, кстати говоря, довольно неотесанный муж. Лили, как узнала, что я заинтересовалась Изабеллой, так и ухватилась за это. Сказала, что это именно то, что ее сестре нужно, – чтобы кто-то ею заинтересовался. Она говорила об Изабелле так, как ты говоришь о каком-нибудь юном гении, который нуждается в поощрении и поддержке. Возможно, Изабелла и правда талантлива, но я пока еще не поняла, в какой области. Миссис Ладлоу пришла в восторг от моей идеи взять Изабеллу в Европу. Все они смотрят на Европу как на прибежище для эмигрантов, место для размещения излишков населения. Сама Изабелла обрадовалась поездке, и все легко устроилось. Кое-какие трудности возникли только в связи с тем, что, как я понимаю, она ни в коем случае не желает ни у кого одалживаться. Но у нее была небольшая сумма, и она думает, будто сможет путешествовать на свои деньги.

Ральф внимательно выслушал отчет своей здравомыслящей матери; его интерес к симпатичной кузине отнюдь не ослаб.

– Что же, если она талантлива, – сказал он, – мы должны выяснить, в чем именно. Может быть, в искусстве флирта?

– Не думаю. Поначалу она может показаться кокеткой, но потом становится ясно, что все не так просто.

– Тогда Уорбартон не прав! – воскликнул Ральф Тачетт. – Ему, как мне кажется, показалось именно так.

Его мать покачала головой.

– Лорду Уорбартону не понять ее. И пытаться не стоит.

– Он очень умен, – возразил Ральф, – но ему полезно иногда поломать себе голову.

– Изабелле доставит удовольствие привести лорда в затруднение, – заметила миссис

Тачетт.

Ее сын опять слегка нахмурился.

– А что она знает о лордах?

– Ровным счетом ничего. И именно это ему будет очень трудно осознать!

Ральф рассмеялся на эти слова и выглянул в окно.

– Вы не собираетесь спуститься к отцу? – спросил он.

– Без четверти восемь, – ответила миссис Тачетт.

Ральф взглянул на часы.

– Тогда у вас есть еще пятнадцать минут. Расскажите еще что-нибудь об Изабелле.

Но миссис Тачетт отклонила эту просьбу, сказав, что остальное он должен будет выяснить сам.

– Ну хорошо, – произнес Ральф, упрямо продолжая тему. – С ней приятно показаться на людях. Но не причинит ли она при этом вам беспокойства?

– Надеюсь, нет. Но если и причинит, я не отступлю. Я никогда не отступаю.

– Она поражает меня своей непосредственностью, – сказал Ральф.

– Непосредственные люди не причиняют большого беспокойства.

– Это правда, – согласился Ральф. – И вы – тому доказательство. Вы чрезвычайно непосредственны и, я уверен, никогда никому не причинили беспокойства. Но скажите мне вот что. Это пришло мне в голову только сейчас: умеет Изабелла дать отпор?

– Послушай, – воскликнула мать, – ты задаешь слишком много вопросов! Выясняй это сам.

Однако это был не последний вопрос.

– Но вы так и не сказали, что намереваетесь с ней делать.

– Делать с ней? Ты говоришь об Изабелле, словно это отрез ситца. Я абсолютно ничего не буду с ней делать. Она сама будет делать все, что захочет. Она меня предупредила.

– Значит, в той телеграмме вы хотели сказать о независимости именно ее характера.

– Я никогда не знаю, что хочу сказать в своих телеграммах, особенно в тех, которые отправляла из Америки. Ясность слишком дорого стоит. Давай спустимся к отцу.

– Еще не семь сорок пять, – заметил Ральф.

– Должна же я принять во внимание его нетерпение, – ответила миссис Тачетт.

У Ральфа было собственное мнение на этот счет, но возражать он не стал и предложил матери руку. Это позволило ему, когда они спускались вниз, задержать ее на площадке лестницы; широкая, пологая, с удобными перилами из потемневшего от времени дуба лестница была одним из самых великолепных украшений Гарденкорта.

– А не собираетесь ли вы выдать ее замуж? – с улыбкой спросил Ральф.

– Замуж? Мне было бы очень жаль сыграть с ней такую штуку! Не говоря уже о том, что Изабелла вполне способна сама найти себе мужа. У нее для этого есть все возможности.

– Ты хочешь сказать, что она уже выбрала себе мужа?

– Не знаю как насчет мужа, но в Бостоне существует некий молодой человек...

Ральф не желал слушать о некоем молодом человеке из Бостона и продолжал:

– Как говорит отец, американки всегда помолвлены!

Мать повторила, что все сведения о своей кузине он должен добыть у нее самой, и вскоре ему представился случай. Он вдоволь наговорился с ней в тот же вечер, когда они остались вдвоем в гостиной. Лорд Уорбартон, прибывший из своего поместья в десяти милях от Гарденкорта верхом, вскочил на лошадь и отправился в обратный путь еще до обеда. А сразу

после обеда мистер и миссис Тачетт, которые, по-видимому, исчерпали темы для беседы, под предлогом усталости разошлись по своим комнатам. Молодой человек провел со своей кухней около часа. Хотя она полдня провела в пути, по ней нельзя было заметить никаких признаков усталости; однако на самом деле Изабелла была утомлена, сама понимала это и знала, что завтра поплатится. Но она давно уже взяла за правило терпеть усталость, сколько хватит сил, и сдавалась, когда притворяться было уже невозможно. Сейчас было вполне возможно бороться с усталостью – она была взволнована, все ее интересовало. Она попросила Ральфа показать ей картины; в доме их было множество, большая часть была приобретена по его собственному выбору. Лучшие были развешаны в уютной дубовой галерее, по обоим концам которой располагались гостиные. По вечерам в галерее обычно освещение было недостаточным и картины нельзя было как следует рассмотреть, поэтому лучше было бы подождать до завтра, и Ральф решил посоветовать Изабелле так и поступить. Она продолжала улыбаться, хотя по лицу скользнула тень разочарования.

– С вашего позволения, я бы взглянула на них совсем чуть-чуть, – сказала она. Изабелла была нетерпелива, знала это за собой, знала, что это очевидно каждому, но ничего не могла с собой поделать.

«Не очень-то она слушает советы», – подумал Ральф, но без раздражения. Ее нетерпение забавляло его и даже чем-то привлекало. Лампы были укреплены на консолях и свет давали хотя и тусклый, но приятный глазу. Он мягко падал на богатые краски полотен и потускневшую позолоту рам, его отблески лежали на навощенном полу галереи. Ральф взял свечу и стал показывать свои любимые вещи; Изабелла, переходя от одной картины к другой, то что-то шептала, то восхищенно восклицала. Она, несомненно, понимала толк в живописи и обладала природным вкусом – это поразило Ральфа. Изабелла тоже взяла свечу и, вглядываясь в полотна, медленно водила ею вверх-вниз; когда она опять подняла руку, Ральф вдруг заметил, что стоит посреди галереи и смотрит не столько на картины, сколько на девичью фигурку. По правде сказать, он ничего не терял, обратив на нее взгляд: она была прекрасней многих произведений искусства – тоненькая, легкая, довольно высокая. Когда хотели уточнить, о какой именно из сестер Арчер идет речь, Изабеллу всегда называли «тростиночкой». Ее темные, почти черные волосы являлись предметом зависти многих женщин, а светло-серые глаза, в решающие моменты жизни, может быть, слишком пронзительные, когда она улыбалась, приобретали чарующе-мягкое выражение. Когда молодые люди медленно обошли всю галерею, Изабелла сказала:

– Ну вот, теперь я знаю гораздо больше, чем вначале!

– У вас, очевидно, страсть к знаниям, – смеясь, заметил ее кузен.

– Думаю, да. Большинство девушек кажутся мне такими невежественными, – сказала Изабелла.

– По-моему, вы не похожи на это большинство.

– Ну, некоторые девушки очень милы, – пробормотала Изабелла, которая предпочитала поменьше говорить о себе. Чтобы сменить тему разговора, она задала вопрос: – Скажите, здесь водятся привидения?

– Привидения?

– Ну, или духи, призраки... В Америке мы называем их привидениями.

– Мы здесь тоже, когда видим их.

– Значит, вы их видели? Немудрено в таком старинном романтическом доме.

– Этот дом вовсе не романтический, – сказал Ральф. – Если вы рассчитываете на это, то будете разочарованы. Он убийственно прозаичен. Здесь нет никакой романтики, кроме той, которую, быть может, вы привезли с собой.

– Ну да, привезла, и немало, но мне кажется, привезла в подходящее место.

– Чтобы сохранить ее в неприкосновенности – безусловно. Здесь с ней ничего не случится. Мы с отцом ей не повредим.

Изабелла взглянула на кузена.

– Здесь никого не бывает, кроме вас и вашего отца?

– Мама, конечно.

– О, вашу маму я знаю. Она совсем не романтична. А больше никого не бывает?

– Очень редко.

– Как грустно – я люблю знакомиться с людьми.

– В таком случае, чтобы развлечь вас, мы пригласим сюда все графство, – сказал Ральф.

– Вы смеетесь надо мной, – серьезно ответила девушка. – А этот джентльмен, который был с вами на лужайке, когда я приехала...

– Он наш сосед. Но бывает у нас нечасто.

– Как жаль, он мне понравился, – сказала Изабелла.

– Но ведь вы, как мне показалось, едва обменялись с ним парой фраз, – удивился Ральф.

– Это не важно. Он все равно мне понравился. И ваш отец тоже. Очень понравился.

– По-другому и быть не могло – он милейший старик.

– Мне так жаль, что он болен, – произнесла девушка.

– Так помогите мне ухаживать за ним. Из вас получится отличная сиделка.

– Боюсь, что нет, – и это не мое мнение... Говорят, я слишком много рассуждаю. Но вы не договорили о привидении, – добавила она.

Ральф, однако, не обратил внимания на последнее замечание.

– Итак, вам понравились отец и лорд Уорбартон. Я думаю, мама вам тоже нравится.

– Мне очень нравится ваша мама, потому что... потому что... – Изабелла попыталась найти убедительную причину своей симпатии к миссис Тачетт.

– Да никогда не известно – почему! – со смехом воскликнул ее собеседник.

– А я всегда знаю – почему, – ответила девушка. – Потому что она не хочет никому понравиться. Ей все равно – нравится она или нет.

– Так вы ее поклонница из чувства противоречия? А ведь я похож на нее, – сказал Ральф.

– Я думаю, вы совсем не похожи. Вы хотите нравиться людям и стараетесь, чтобы они вас полюбили.

– Боже мой, вы видите человека насквозь! – воскликнул Ральф с испугом, и не вполне наигранным.

– Но в любом случае вы мне нравитесь, – продолжала его кузина. – Чтобы покончить с нашим делом – покажите мне привидение.

Ральф грустно покачал головой.

– Я мог бы показать вам его, да вы не увидите. Этой привилегией – незавидной – владеет не каждый. Привидение не может увидеть молодая, счастливая, невинная девушка, как вы. Сначала нужно пройти через страдания, жестокие страдания, постичь, что такое несчастье. Тогда ваши глаза откроются. Я увидел его уже очень давно, – с улыбкой проговорил Ральф.

– Я вам уже говорила, что люблю узнавать все новое, – ответила девушка.

– Да, вы впитывали приятные, интересные знания. Но вы не страдали – и вы не созданы для страданий. Надеюсь, вы никогда не увидите привидение!

Изабелла слушала внимательно, с улыбкой на губах, но взгляд ее был серьезен. Ральф находил ее такой же очаровательной, как и раньше, но сейчас она показалась ему слишком самонадеянной – правда, в этом тоже заключалось ее очарование. Он с интересом ждал, что кузина скажет в ответ.

– Я не боюсь, – сказала она. Ответ был вполне самонадеянным.

– Не бойтесь страданий?

– Страданий я боюсь. Но не боюсь привидений. И еще я думаю, что люди много страдают по пустякам.

– Мне кажется, к вам это не относится. – Ральф посмотрел на нее, держа руки в карманах.

– Я не считаю это недостатком, – ответила Изабелла. – Страдать вовсе не обязательно.

Мы созданы не для этого.

– Вы, определенно, нет.

– Я говорю не о себе, – сказала она в сторону.

– Конечно, это не недостаток, – произнес ее кузен. – Быть сильным – достоинство.

– Но если вы не страдаете, вас называют бесчувственным, – заметила Изабелла.

Они вышли из маленькой гостиной, в которую попали из галереи, и остановились в холле у лестницы. Здесь Ральф достал из ниши свечу и протянул кузине.

– Не обращайте внимания на то, как вас называют, – сказал он. – Если вы страдаете слишком сильно, вас тут же назовут идиотом. Надо просто стараться быть счастливым – насколько это возможно.

Девушка взглянула на него, взяла свечу и поставила одну ногу на ступеньку дубовой лестницы:

– Вот для этого я и приехала в Европу. Стать как можно счастливее. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи! Желаю вам добиться успеха и буду счастлив помочь, чем могу!

Изабелла повернулась и стала подниматься вверх. Ральф смотрел ей вслед. Затем, как всегда держа руки в карманах, вернулся в пустую гостиную.

Глава 6

Юная Изабелла Арчер обладала неумным воображением и более тонкой восприимчивостью, чем у большинства людей, с которыми ее свела судьба. Она много размышляла, шире, чем они, смотрела на окружающий мир и стремилась ко всему неизведанному. Среди окружавших ее сверстников – а они были все люди превосходные – она слыла натурой необычайно глубокой; они никогда не скрывали своего восхищения богатством ее интеллекта, которого не могли оценить, и говорили об Изабелле как о чуде учености – ведь она читала даже древних авторов... правда, в переводах. Ее тетушка по отцу, миссис Вэриен, однажды пустила слух, будто Изабелла пишет книгу – дама благоговела перед книгами – и намерена ее издать. Миссис Вэриен очень высоко ценила литературу, питая к ней то возвышенное уважение, которое обыкновенно свойственно людям, обделенным «высокими» талантами. В ее большом доме была замечательная коллекция мозаичных столиков и украшенные лепниной потолки – но, увы, не было библиотеки – изящная словесность была представлена полудюжиной романов в бумажных переплетах в комнате одной из дочерей. Ее собственное знакомство с литературой ограничивалось чтением нью-йоркского «Интервьюера»; а, как она сама справедливо говорила, если вы читаете «Интервьюер», больше ни на что не остается времени. Однако от дочерей миссис Вэриен предпочитала держать журнал подальше, так как хотела дать им серьезное воспитание – и, таким образом, они не читали совсем ничего. Ее представления о трудах Изабеллы были чистейшей фантазией – девушка никогда не пыталась и не имела никакого желания становиться писательницей, не умела выражать на бумаге свои мысли и понимала, что не обладает подобным талантом; впрочем, в то же время она ничего не имела против, чтобы люди признавали ее превосходство. Если уж окружающие так считают (не важно, правда это или нет), она наверняка достойна восхищения; ей и самой часто казалось, что она соображает быстрее, чем другие, и это заставляло ее выказывать некоторую нетерпимость в суждениях, которую легко было принять за проявление вышеупомянутого превосходства. Нельзя отрицать, что Изабелла грешила себялюбием и частенько с удовольствием «блуждала» в дебрях особенностей своей натуры; у нее вошло в привычку считать себя правой даже на весьма скудных основаниях и частенько восхищаться самой собой. Между тем ее ошибки и заблуждения были такого свойства, что биографу, заинтересованному в том, чтобы не уронить достоинства своей героини, следовало бы уклониться от их упоминания. Тот клубок, который представляли собой ее мысли, никогда не был распутан ни одним человеком, за которым Изабелла признавала авторитет. Обо всем она составляла собственное мнение, и мысли ее при этом совершали тысячи нелепых зигзагов. То и дело она обнаруживала свою неправоту, и тогда по целой неделе подвергала себя страстному унижению. Но потом снова высоко поднимала голову, ибо, хотя от этого не было никакой пользы, Изабелла имела неугасимое желание думать о себе хорошо. У нее была теория, что только при этом условии стоит жить; что нужно быть одной из лучших, нужно обладать тонкой организацией (свою организацию она, безусловно, считала тонкой), обитать в царстве света, естественной мудрости, счастливых порывов и постоянного благодатного вдохновения. Потворствовать сомнениям в себе – все равно что потворствовать сомнениям в своем лучшем друге; попытайся стать лучшим другом самому себе – и таким образом окажешься в изысканном обществе. Образу мыслей этой девушки было присуще некое благородство, и ее воображение не раз служило ей добрую службу, но также часто играло с ней злые шутки. Полжизни она проводила в размышлениях о красоте, отваге и благородстве; у нее было твердое убеждение, что мир создан для блеска, неограниченных возможностей, неудержимых действий; страх и стыд она считала отвратительными. Изабелла питала безграничную надежду, что никогда не поступит несправедливо. Обнаружив, что совершила нечто подобное, оттого, что просто не разобралась в своих чувствах (от подобного открытия ее бросало в дрожь, словно она вырва-

лась из ловушки, которая могла захлопнуться, сдавив ей горло), она страшно негодовала; ей достаточно было лишь представить, что она могла причинить кому-нибудь боль, чтобы у нее перехватило дыхание. Это всегда казалось ей самым худшим. Вообще-то теоретически Изабелла знала, что считать дурным. Она не имела пристрастия к подобным размышлениям, хотя при некотором усилии умела распознать, что хорошо, а что плохо. Плохо быть подлой и грубой, ревновать и завидовать; в жизни она почти не сталкивалась со злом, но знала женщин, которые лгали и старались обидеть друг друга. Это лишь укрепляло ее дух; презрение к таким людям казалось оправданным. Конечно, человека, которого обуяла гордыня, всегда подстерегает опасность оказаться непоследовательным, держать флаг поднятым, когда крепость уже пала, – а подобное бесчестие почти равняется осквернению флага. Но Изабелла, практически ничего не знавшая о том, какие виды оружия применяют мужчины, идя «на приступ», тешила себя надеждой, что подобные противоречия никогда не проявятся в ее собственном поведении, что ее жизнь всегда будет соответствовать тому приятному впечатлению, которое она на всех производит, а сама она всегда будет такой, какой кажется, и будет казаться такой, какая есть. Иногда Изабелла заходила еще дальше и даже мечтала оказаться в затруднительном положении, чтобы иметь удовольствие проявить героизм, как того потребуют обстоятельства. Словом, с ее скудными знаниями и возвышенными идеалами; с ее самонадеянностью, невинной и одновременно догматичной; с ее характером, требовательным и одновременно снисходительным; с этой смесью любопытства и привередливости, живости и равнодушия; с желанием казаться очень хорошей, а быть по возможности еще лучше; со стремлением все видеть, пробовать, знать – с этим сочетанием утонченности, переменчивости, пылкого духа и девической горячности она могла бы стать легкой жертвой критики, но я рассчитываю, что она вызовет у читателя снисходительное и нежное отношение.

Одна из многочисленных теорий Изабеллы Арчер заключалась в том, что ее независимость – большая удача и что необходимо воспользоваться ею на просвещенный лад. Девушка никогда не называла независимость одиночеством и вообще мало думала об этом; уж не говоря о том, что Лили настойчиво приглашала сестру к себе жить. Незадолго до смерти отца у Изабеллы появилась подруга, которая являла собой такой похвальный пример полезной деятельности, что всегда служила для Изабеллы образцом. У Генриетты Стэкпол было преимущество – замечательный талант; она преуспела в журналистике, и все восхищались серией ее «писем» из Вашингтона, Ньюпорта, с Белых Гор и так далее, которые публиковал «Интервьюер». Изабелла воспринимала их со сдержанным восторгом, но уважала смелость, энергию и чувство юмора своей подруги, которая, не имея ни родителей, ни состояния, взяла под опеку троих детей своей больной овдовевшей сестры и платила за их обучение, зарабатывая литературным трудом. Генриетта была большой радикалкой и почти на все имела твердые взгляды; ее заветной мечтой было поехать в Европу и сочинить для «Интервьюера» серию статей, написанных с передовых позиций, – предприятие не очень сложное, поскольку она отлично знала наперед, какими будут ее суждения и какие недостатки большинства европейских «установок» будут ею обнажены. Когда Генриетта услышала, что Изабелла уезжает, она тут же решила ехать с ней, мечтая, конечно, о том, чтобы их совместное путешествие оказалось восхитительным. Однако свою поездку ей пришлось отложить. Генриетта считала Изабеллу чудесным созданием и несколько раз завуалированно писала о ней, хотя ни разу не обмолвилась об этом подруге, которой бы это не понравилось, благо что та не была постоянным читателем «Интервьюера». Для Изабеллы же Генриетта являлась главным доказательством того, что женщина может себя обеспечивать и быть при этом счастливой. Источники ее доходов были известны; но даже если человек не имеет литературного таланта и дара предвидеть, как говорила Генриетта, что понравится публике, из этого не следует, будто у него нет никакого призвания, каких-либо полезных склонностей и его удел – пустое, унылое существование. Изабелла определенно решила не быть пустышкой. Если терпеливо ждать и верить, непременно найдешь какое-нибудь инте-

ресное дело. Конечно, в собрании теорий юной леди присутствовали и различные соображения по поводу замужества. Первым в этом перечне стояло убеждение, что слишком много думать об этом – вульгарно. Она так горячо молилась о том, чтобы не впасть по этому поводу в пылкое нетерпение, что могла этого не опасаться; она полагала, что женщина должна быть способна устроить свою жизнь самостоятельно и что можно жить счастливо, не находясь в обществе более или менее грубого представителя противоположного пола. Мольбы Изабеллы имели вполне удовлетворительное следствие: присущие ей чистота и гордость (присущие ей холодность и сухость, как мог бы назвать это склонный к анализу отвергнутый поклонник) до сих пор удерживали ее от тщеславных мечтаний по поводу возможного мужа. Лишь немногие мужчины казались ей достойными, чтобы тратить на них свое воображение, и мысль о том, что один из них может пробудить в ней надежду и стать наградой за терпение, вызывала у нее улыбку. В глубине души – в самой-самой глубине – она верила, что при каком-то озарении способна отдать себя без остатка; но в целом это видение было слишком пугающим, чтобы стать привлекательным. Мысли Изабеллы вертелись вокруг этого видения, но редко останавливались на нем надолго; в конце концов она пугалась. Ей часто казалось, что она слишком много думает о себе; в любой момент ее можно было заставить покраснеть, назвав эгоисткой. Изабелла всегда строила планы на образование, жаждала самосовершенствования, следила за своим развитием. Ее внутренний мир представлялся ей самой цветущим садом, полным шелестов и ароматов, с тенистыми беседками и длинными аллеями; этот образ давал ей ощущение прогулки на свежем воздухе, а в посещении потайных уголков сознания нет вреда, если возвращаешься оттуда с пышным букетом роз. Но Изабелле частенько приходилось вспоминать, что в мире, кроме ее девственной души, есть и другие сады, а еще – множество грязных, опасных мест, заросших уродством и нищетой. На волне легкого нетерпения, которая влекла Изабеллу и которая вынесла ее на прекрасный берег старой доброй Англии – а могла нести и дальше, – она часто ловила себя на мысли о тысячах людей, чувствовавших себя отнюдь не счастливыми, и тогда ее всепоглощающее счастье казалось ей нескромным. Какое место отвести страданиям мира в собственных планах? Нужно признаться, этот вопрос никогда не мучил девушку долго. Она была еще слишком молода, слишком далека от настоящих страданий, слишком торопилась жить. Изабелла постоянно возвращалась к своей теории, что молодая женщина, которую все считают умной, должна начать с того, чтобы получить общее представление о жизни. Это необходимо, дабы избежать ошибок, а уж тогда она получит уверенность, что может сделать тяжелые условия жизни людей объектом своего специального внимания.

Англия явилась для Изабеллы откровением; зрелище захватило ее, словно ребенка пантомима. Во время своих детских путешествий по Европе она видела только страны на континенте, да и то из окна детской. Париж, а не Лондон был Меккой¹⁰ для ее отца; к тому же впечатления о тех временах уже потускнели и отделились, а сейчас черты Старого Света во всем, что она теперь видела, очаровывали ее своим своеобразием. Дом дяди казался ожившей картинкой; ни одна его изысканная и усовершенствованная деталь не ускользнула от внимания Изабеллы; пышное великолепие Гарденкорта сразу и открывало ей незнакомый мир, и утоляло жажду нового и неизведанного. Большие комнаты с низкими темными потолками и сумрачными закоулками; глубокие оконные проемы и причудливые переплеты; тусклый свет в темноте; полированные панели; густая зелень, как будто постоянно заглядывающая в окна; ощущение упорядоченной обособленной жизни в центре этих «владений» – где голоса были счастливой случайностью, земля заглушала шаги и во время беседы не слышалось резких звуков, которые поглощал мягкий туманный воздух, – все это пришлось по вкусу нашей юной леди, а вкус составлял значительную долю в ее чувствах. Она быстро подружилась с дядей и часто садилась рядом с ним, когда он выходил на лужайку. Мистер Тачетт проводил на воздухе

¹⁰ Мекка – место паломничества, священный город мусульман. Здесь: перен. смысл.

долгие часы, мирно покаясь в кресле со сложенными на коленях руками, как подобает старику, который выполнил свою работу, получил за нее вознаграждение и теперь пытается привыкнуть к неделям и даже месяцам сплошной праздности. Изабелла развлекала его больше, чем могла предположить, – она часто производила на людей совсем не то впечатление, на какое рассчитывала, – и мистер Тачетт нередко доставлял себе удовольствие «поболтать» с ней. Он называл беседы с племянницей болтовней, – но это была болтовня с юным созданием, полным живой наблюдательности, вообще отличающей молодых американок, к которым мир прислушивался более внимательно, чем к их сестрам из других стран. Подобно большинству американских девушек, Изабеллу поощряли выражать свои мысли, предполагалось, что у нее есть свои переживания и соображения. Многие ее суждения имели хотя и несомненную, но не слишком большую ценность, многие чувства, будучи облечены в слова, растворяясь, исчезали; но они оставляли свой след: у нее появилась привычка чувствовать и размышлять; а кроме того, когда Изабелла была по-настоящему взволнована, она могла покорить собеседника той безыскусной оживленностью, которая, по мнению многих, является признаком душевного превосходства. Мистер Тачетт часто ловил себя на мысли, что племянница напоминает ему жену в юности. Та была свежа, естественна, сообразительна и находчива – все черты, присущие Изабелле! – когда он полюбил ее. Однако мистер Тачетт никогда не говорил племяннице о своих наблюдениях, поскольку если его жена и была когда-то похожа на эту девушку, то Изабелла совсем не была похожа на миссис Тачетт. Старик был полон нежности к юной леди; как он говорил, их дом уже давно не дышал молодостью; и наша энергичная, стремительная, говорливая героиня была созвучна его чувствам, словно журчащий ручей. Мистер Тачетт хотел бы что-нибудь сделать для нее, хотел бы, чтобы она попросила его о чем-нибудь. Но Изабелла ни о чем не просила, только задавала вопросы; правда, их было бесконечно много. А у дяди был огромный запас ответов, хотя иногда племянница озадачивала его. Девушка расспрашивала мистера Тачетта об Англии, о британской конституции, об английском характере, о политике, о нравах и привычках королевской семьи, о жизни аристократии и образе мыслей его соседей. Проясняя то или иное обстоятельство, Изабелла всегда интересовалась, совпадают ли ответы дяди с тем, что написано об этом в книгах. Старик обычно бросал на нее короткий взгляд, со своей приятной сдержанной улыбкой разглаживая на коленях шаль.

– Книги? – сказал он однажды. – Я не очень-то большой знаток книг. Об этом нужно поговорить с Ральфом. Я всегда все выяснял сам – получал информацию естественным путем. И никогда не задавал вопросов. Я просто помалкивал и примечал. Конечно, у меня были отличные возможности – гораздо лучшие, чем бывают у молодых девушек. Я очень любознателен, хотя, если присмотреться, по мне этого и не скажешь. Но сколько бы вы ни наблюдали за мной, я о вас буду знать больше. Я наблюдаю англичан уже более тридцати пяти лет и без колебаний скажу, что хорошо их знаю. Вообще говоря, это прекрасная страна – возможно, она прекраснее, чем мы готовы признать из-за океана. Мне бы хотелось увидеть здесь некоторые улучшения, но, видимо, англичане не чувствуют в них необходимости. Когда они чувствуют необходимость, они обычно сразу что-то меняют; но, похоже, пока у них все идет прекрасно. Среди них я чувствую себя дома больше, чем ожидал, когда впервые сюда приехал. Полагаю, это потому, что я добился здесь довольно большого успеха. Это естественно: чем лучше у тебя где-то идут дела, тем больше ты чувствуешь себя как дома.

– Вы считаете, если я добьюсь в Англии успеха, то мне тоже удастся здесь прижиться? – спросила Изабелла.

– Думаю, это очень вероятно, и вам, конечно, будет сопутствовать успех. Англичане любят молодых американок и относятся к ним очень доброжелательно. Но, знаете, ни к чему чувствовать себя слишком уж как дома.

– О, я совсем не уверена, что мне здесь понравится, – рассудительно произнесла Изабелла. – Страна мне нравится очень, но я не уверена, что люди окажутся мне по душе.

– Люди здесь хорошие, особенно если к ним хорошо относиться.

– Не сомневаюсь, что они хорошие, – ответила Изабелла, – но приятны ли они в общении? Они не ограбят и не поколотят меня, но будут ли они доброжелательны? В людях мне нравится радушие. Говорю об этом прямо, потому что я всегда это ценила. Сомневаюсь, что англичане обходительны с девушками. Судя по романам, вовсе нет.

– Насчет романов не скажу, – ответил мистер Тачетт. – Думаю, они складно написаны, но не уверен, что очень правдоподобны. Однажды у нас гостила дама, которая пишет книги; она приятельница Ральфа, и он пригласил ее. Весьма самоуверенная, весьма; но она из тех людей, от чьих свидетельских показаний не хотелось бы зависеть. Слишком богатое воображение – вот что мне кажется. Впоследствии она опубликовала роман, в котором, судя по всему, хотела представить – в карикатурном виде, можно сказать, – мою недостойную персону. Я не стал читать, но Ральф отчеркнул для меня самые главные фрагменты. По-видимому, она хотела передать мою манеру говорить: американские словечки, гнусавое произношение, особенности типичного янки, звезды и полосы¹¹. Но получилось не очень-то похоже, наверное, она была не слишком внимательна. Я бы не возражал, чтобы она описала, как и что я говорю, раз уж ей хочется. Но мне очень неприятно, что она даже не потрудилась вслушаться. Конечно, я говорю, как американец, – не могу же я говорить, как готтентот¹². Тем не менее я говорю – и все вокруг меня прекрасно понимают. Но я говорю совсем не так, как пожилой джентльмен из романа этой леди. Он не американец, да и вообще он ниоткуда! Я рассказал об этом, чтобы показать вам, насколько неточны бывают романы. Конечно, поскольку у меня нет дочерей, а миссис Тачетт живет во Флоренции, я не мог узнать, как здесь живет молодой леди. Представляется, что девушкам из низшего класса живет нелегко, но я полагаю, у их сверстниц из высшего класса положение гораздо лучше.

– Помилуйте! – воскликнула Изабелла. – И сколько же у них классов? Не меньше пятидесяти, наверное...

– Ну, я никогда не считал. Да и не обращал на это особого внимания. Вот почему быть здесь американцем – преимущество. Ты не принадлежишь ни к какому классу.

– Надеюсь, что так, – произнесла Изабелла. – Представить только: принадлежать какому-то английскому классу!

– Я думаю, некоторые живут очень неплохо. Особенно верхушка. Но для меня, впрочем, существует только два класса: люди, которым я доверяю, и люди, которым я не доверяю. И вы, моя милая Изабелла, принадлежите к первому.

– Очень вам признательна, – быстро ответила девушка.

Иногда казалось, что она принимает комплименты довольно сухо, стараясь как можно скорее их пресечь. Потому ее часто называли бесчувственной, не понимая, что на самом деле Изабелла просто не хотела выдать себя – комплименты ей приятны бесконечно. Показать это – значило показать слишком многое.

– Я уверена, для англичан очень важны условности, – добавила девушка.

– Да, у них все очень жестко установлено, – признал мистер Тачетт. – Они все предусматривают заранее, ничего не оставляя на последний момент.

– А мне не нравится все предусматривать заранее, – сказала Изабелла. – Я больше люблю неожиданности.

Ее дядю, казалось, позабавила такая определенность в предпочтениях.

– Но все же я могу сказать наперед, что вас ждет большой успех, – произнес он. – Полагаю, что такое предвидение вам нравится.

¹¹ Звезды и полосы – элементы американского флага.

¹² Готтентоты – народ, обитающий в центральных и южных районах Намибии и ЮАР.

– Я успеха не добьюсь, раз для них важны условности. Для меня условности совсем неважны. Я как раз их противница. Это англичанам не придется по вкусу.

– Нет, нет, вы абсолютно ошибаетесь, – сказал старик. – Нельзя предсказать, что им понравится. Они очень непоследовательны; и в них это самое интересное.

– Прекрасно, – произнесла Изабелла. Она стояла возле дяди, заложив руки за пояс черного платья и блуждая взглядом по лужайке. – Это точно по мне!

Глава 7

Эти двое снова и снова с удовольствием обсуждали устройство английского общества, словно юную леди вот-вот должны были в него допустить; но на самом деле английское общество на настоящий момент оставалось глубоко безразличным к мисс Изабелле Арчер, брошенной судьбою в самый, как сказал ее кузен, скучнейший дом в Британии. Ее страдающий подагрой дядя мало кого принимал, а для миссис Тачетт было не характерно поддерживать отношения с соседями, и потому не было никаких оснований ожидать их визитов. Однако у нее была причуда – она любила получать визитные карточки. К тому, что называется общественными связями, она почти не имела вкуса, зато ничто не доставляло ей такого удовольствия, как вид столика в холле, заваленного символическими картонными прямоугольниками. Миссис Тачетт льстила себе, считая себя воплощением праведности, и усвоила наивысшую истину: ничто в этом мире не дается даром. Она никогда не выступала в роли «хозяйки» Гарденкорта, и вряд ли кому-нибудь в графстве пришло бы в голову следить за ее приездами и отъездами. Но, вне всяких сомнений, она не считала несправедливым невнимание соседей к своей персоне, и то, что она не заняла (что, кстати, было совершенно неоправданно) ведущего положения в округе, никак не было связано с ее язвительными замечаниями в адрес второй родины ее мужа. Вскоре Изабелла обнаружила, что находится в странном положении защитницы британской конституции: миссис Тачетт взяла за привычку в беседе вставлять шпильки в отношении этого почтенного документа, а Изабелла всегда порывалась эти шпильки изъять. Не то чтобы ей казалось, будто они могут причинить вред прочному пергаменту, просто тетя, по ее мнению, могла бы найти лучшее применение своему остроумию. Изабелла и сама была настроена весьма критически – что было свойственно ее возрасту, полу и происхождению, но при этом она была чувствительна, и резкость миссис Тачетт убийственно действовала на ее душевные порывы.

– Но каковы ваши собственные взгляды? – спрашивала Изабелла тетку. – Раз вы критикуете все и вся, у вас должны быть собственные взгляды. Проамериканскими их не назовешь, поскольку вы и там все считаете негодным. Когда я критикую что-то, у меня есть свой взгляд – я сужу как американка.

– Моя дорогая юная леди, – отвечала миссис Тачетт, – в мире столько взглядов, сколько разумных людей. Ты, конечно, можешь сказать, что их не очень много! Судить, как американка? Ни за что – такая узость меня раздражает. У меня, слава богу, есть свой собственный!

Изабелла решила, что этот ответ даже лучше того, который она дала бы сама; он вполне соответствовал ее образу мыслей, но ей не годилось так высказываться. Из уст молодой девушки, не имеющей такого жизненного опыта, как миссис Тачетт, эти слова прозвучали бы нескромно, даже высокомерно. Но Изабелла все-таки рискнула заговорить об этом с Ральфом. Они очень много разговаривали в последнее время, и их беседы проходили в таком тоне, который допускал резкие заявления. Кузен взял манеру, что называется, подтрунивать над ней и очень скоро приобрел в глазах Изабеллы репутацию человека, все на свете переводящего в шутку; а он отнюдь не относился к тем, кто готов отказаться от привилегий, которые дает подобная репутация. Она обвиняла его в возмутительном отсутствии серьезности, в стремлении высмеивать все вокруг, начиная с себя самого. Толика почтения, которую еще сохранил Ральф, целиком предназначалась отцу; что касается остального, то Ральф без разбора оттачивал свое остроумие – в основном на небезызвестной персоне (сыне своего отца), на слабых легких этого джентльмена, на его бесполезной жизни, а также на его экстравагантной матери и на друзьях (особенно доставалось лорду Уорбартону), на его первой и второй родинах и на очаровательной новоявленной кухне.

– У меня в передней всегда музыканты, – сказал однажды Ральф Изабелле. – Они должны играть не переставая. Это служит мне двойную службу: звуки внешнего мира не проникают в мои комнаты, а всем кажется, будто у меня все время танцуют.

И действительно, стоило подойти туда, где должен был находиться оркестр Ральфа, становилась слышна танцевальная музыка; самые быстрые вальсы, казалось, так и кружились в воздухе. Изабелла часто ловила себя на том, что ее раздражает постоянное пиликанье. Хотелось скорее миновать эту переднюю, как называл ее кузен, и оказаться в комнате Ральфа. Ей не было дела до того, что, по его уверениям, там очень мрачно; она бы с радостью все вычистила и навела порядок, но внутрь он ее не пускал – и это вряд ли можно было назвать гостеприимством. В отместку прямолинейная Изабелла, вооружившись своим юным умом, наносила множество ударов. Нужно сказать, что ум она изощряла в основном для самообороны, поскольку кузен насмешливо называл ее «Колумбией» и уличал в слишком горячем патриотизме, о который можно обжечься. Ральф нарисовал карикатуру, в которой Изабелла была изображена в виде очень хорошенькой девушки, задрапированной в американский флаг – по последней моде, съехидничал он. Как раз в то время Изабелла больше всего боялась показаться ограниченной; это позже ее стало страшить, что она окажется ограниченной. Тем не менее она, не моргнув глазом, продолжала подыгрывать Ральфу, изображая восторженное отношение к своей родной стране. Она будет американкой ровно настолько, насколько хочется Ральфу, а если он решил смеяться над ней, то получит достойный отпор. Она защищала Англию от нападок его матери, но когда кузен возносил хвалы этой стране с целью, как она считала, досадить ей, то Изабелле удавалось возразить ему по многим вопросам. На самом деле эта небольшая, достигшая полной зрелости страна была приятна ей, как вкус сладкой октябрьской груши; в этом удовольствии и коренилось то чудесное состояние духа, которое позволяло ей сносить насмешки кузена и платить ему той же монетой. Если иногда выдержка ей изменяла, то не потому, что она злилась на Ральфа за то, как он с ней обращается, а потому, что ей вдруг становилось жаль его. Изабелле казалось иногда, что он говорит как человек, лишенный зрения, говорит лишь бы говорить.

– Я не понимаю, что с вами происходит, – сказала она ему однажды, – сдается мне, вы просто зубоскал!

– Ваше право так думать, – ответил Ральф, не привыкший к таким резким отзывам.

– Я не знаю, что вас вообще трогает; мне кажется, что ничего. Вы превозносите Англию, но на самом деле не любите ее. И Америка вам безразлична, даже когда вы делаете вид, что браните ее.

– Меня не интересует ничего, кроме вас, моя дорогая кузина, – произнес Ральф.

– Если бы я могла поверить в это, то была бы очень рада.

– Надеюсь, что так! – воскликнул молодой человек.

Возможно, Изабелла поверила в это, и оказалась недалеко от истины. Ральф очень много думал о ней; она постоянно присутствовала в его мыслях. Ее внезапное появление, ничего ему не суля, было щедрым подарком судьбы, – оно освежало, оживляло, окрыляло, и его раздумья, в то время сильно его угнетавшие, обрели некую цель. Бедный Ральф уже не один месяц был в очень подавленном состоянии; открывавшуюся перед ним перспективу – и без того мрачную – заволкли черные тучи. Он все больше тревожился об отце, чья подагра, поразившая ноги, с недавних пор начала распространяться на жизненно важные органы. Весной старик сильно разболелся, и доктора дали понять Ральфу, что с очередным приступом справиться будет сложнее. Сейчас мистер Тачетт выглядел довольно сносно, но сын не мог избавиться от подозрений, что враг только затаился и ждет, чтобы захватить жертву врасплох. Если маневр удастся, надежд на спасение почти не останется. Ральф всегда был уверен, что небеса призвут его первым, что отец переживет его. Они всегда были близкими друзьями, и мысль, что он проведет остаток своей безрадостной жизни в одиночестве, совсем не радовала молодого человека – он все время безотчетно рассчитывал на отца, который помогал ему не падать духом и справляться со

своими бедами. Угроза лишиться главного стимула в жизни вселяла отвращение к ней. Лучше всего было бы умереть одновременно; а без отцовской поддержки ему вряд ли хватит терпения дожидаться своего часа (что касается матери, то Ральф не чувствовал, будто необходим ей; она давно взяла за правило ни о чем никогда не сожалеть). Он, конечно, говорил себе, что не очень-то хорошо по отношению к отцу желать того, чтобы более слабый из них двоих испытал боль утраты; он помнил о том, что мистер Тачетт всегда рассматривал заявление сына о том, что у него еще многое впереди, как софизм, который с радостью бы опровергнул, умерев первым. Но Ральф не видел большого греха в том, чтобы из двух возможностей одержать победу – посрамить своего софиста-сына или еще немного порадоваться жизни, несмотря на то, что возможности ее стали столь ограниченны, – мистеру Тачетту была бы дарована вторая.

Вот такие веселые проблемы занимали Ральфа, но приезд Изабеллы положил этому конец. Ему даже показалось, что она сможет восполнить невыносимую пустоту, которая образуется после смерти его добрейшего отца. Ральф спрашивал себя, уж не влюбился ли он в эту непосредственную девицу из Олбани, но решил все-таки, что не влюблен. После недели знакомства он то и дело задавал себе этот вопрос и с каждым днем чувствовал все большую уверенность. Лорд Уорбартон оказался прав насчет Изабеллы – она была по-настоящему интересной особой. Удивительно только, что для лорда это стало явным так скоро; Ральф решил, что это еще одно доказательство необыкновенных способностей его друга, которыми он всегда безмерно восхищался. Если кузина и была для него не больше чем развлечением, то это было развлечение высшего порядка. «Такой характер, – думал он, – это лучшее, что создала природа. Он прекраснее любого произведения искусства – прекраснее греческого барельефа, прекраснее великого Тициана, прекраснее готического собора. Приятно оказаться баловнем судьбы, когда совсем этого не ожидаешь. Никогда мне не было так тяжело и тоскливо, чем за неделю до ее приезда; всего меньше я верил, что может произойти что-нибудь хорошее. И вдруг я получаю по почте Тициана (можно вешать на стену!), греческий барельеф (можно украшать камин!), и вдобавок в руках у меня оказывается ключ от прекрасного собора! Мне словно говорят: «Входи и любуйся. Ты вопиюще неблагодарная особь – тебе лучше помалкивать и больше никогда не роптать на судьбу».

Эти рассуждения были верны; но то, что Ральф Тачетт держал ключ в руке, не совсем соответствовало действительности. Его кузина была блестящей девушкой, и узнать ее до конца было не так-то просто. Но она заслуживала того, чтобы с ней познакомиться поближе, а отношение к ней молодого человека, пусть вдумчивое и критичное, все-таки не было беспристрастным. Ральф осмотрел прекрасное здание снаружи – и пришел в восхищение; он заглянул в окна – и увидел те же безупречные пропорции. Однако он чувствовал, что эти впечатления поверхностны, что внутрь здания он пока не проник. Дверь была заперта, и хотя у Ральфа в кармане лежала связка ключей, он был убежден, что ни один из них к замку не подойдет. Изабелла умна и благородна; это тонкая, свободная натура; но как она собирается распорядиться собой? Вопрос был необычным, поскольку было не особенно принято задавать его дамам. Большая часть женщин совсем и не собирались распорядиться собой; они ждали, приняв позу более или менее изящной покорности, что за ними придет мужчина и устроит их судьбу. Оригинальность Изабеллы в том и заключалась, что она производила впечатление человека, имеющего свои собственные замыслы. «Когда бы она их ни принялась осуществлять, – думал Ральф, – мне бы хотелось быть неподалеку!»

Конечно, обязанности хозяина дома приходилось исполнять ему. Мистер Тачетт был прикован к своему креслу; его жена занимала положение довольно необщительной гостьи; а потому во всем, что ему приходилось делать, гармонично соединились его желания и чувство долга. Он не был хорошим ходоком, но сопровождал кузину в прогулках по окрестностям – этому приятному времяпрепровождению погода неизменно способствовала, не делая никакой скидки на мрачные представления Изабеллы об английском климате. На долгие часы, количество кото-

рых зависело только от того, когда утихнет рвение Изабеллы, молодые люди брали лодку и плавали по Темзе, по этой «милей речушке», как называла ее Изабелла, и ее противоположный берег лежал неподвижно, словно передний план пейзажа. Иногда они отправлялись на прогулку в приземистом, просторном фаэтоне с большими колесами, которым в прежнее время так часто пользовался мистер Тачетт, но, увы, теперь это больше не доставляло ему удовольствия. Изабелла была в восторге от фаэтона и, держа поводья – «умеючи», как оценил кучер, – без устали погоняла превосходных дядиных лошадей по извилистым дорожкам и по проселочным дорогам, встречая, как и ожидала, разнообразные приметы деревенской жизни: мелькали обшитые тесом и крытые соломой домики, пивные с зарешеченными окнами и посыпанными гравием площадками, старые выгоны, пустынные парки и живые изгороди, невероятно густые в середине лета. Возвратившись домой, они обычно обнаруживали, что на лужайке их ждет чай и что миссис Тачетт еще не сняла с себя тяжелой обязанности подавать мужу чашку. Но оба они почти всегда молчали; старик сидел с откинутой назад головой и закрытыми глазами, его жена была занята вязанием и, очевидно, находилась в состоянии той глубочайшей сосредоточенности, в которое погружаются некоторые женщины, созерцающие мелькание спиц.

Но однажды гость в доме все-таки появился. Изабелла и Ральф, около часа пробыв на реке, неторопливо подходили к дому и узнали лорда Уорбартона, который сидел под деревьями и беседовал с миссис Тачетт, причем даже издали было заметно, что они лениво ведут ничего не значащую беседу. Он приехал из своего поместья с дорожной сумкой и был приглашен, как это часто делалось отцом и сыном и раньше, отобедать и переночевать. Изабелла, видевшая его в течение получаса в день своего приезда, успела тогда же решить, что этот джентльмен ей приятен; он и правда произвел на нее яркое впечатление, и она время от времени его вспоминала. Изабелла надеялась снова встретиться с ним, – как, впрочем, и с кем-нибудь еще. В Гарденкорте не приходилось скучать: место чудесное, дядя – самый прекрасный дядя на свете, а Ральф вовсе не похож на кузена – все кузены, которых она когда-либо встречала, были ужасно скучными. Она постоянно получала свежие впечатления, к тому же так быстро сменявшиеся, что едва ли могла в ближайшее время почувствовать пустоту. Но Изабелла была вынуждена напоминать себе, что ее интересует человеческая натура и что за границей она прежде всего надеялась увидеть как можно больше разных людей. Когда Ральф говорил ей, причем уже не в первый раз: «Удивляюсь, как вам не скучно... Вам нужно познакомиться с кем-нибудь из наших соседей или друзей – ведь у нас есть друзья, хотя вам это и в голову не может прийти»; когда он предлагал пригласить, как он выражался, «уйму народа» и познакомиться кузину с английским обществом, – Изабелла поддерживала его гостеприимные порывы и заранее уверяла, что будет в восторге. Но до сих пор его обещания оставались обещаниями, и могу признаться, читатель: если он откладывал их выполнение, то только потому, что не считал труд по развлечению кузины делом настолько изнурительным, чтобы обращаться за посторонней помощью. Изабелла часто говорила с ним о «типажах» – это слово занимало важное место в ее словаре; девушка дала понять кузену, что хотела бы узнать английское общество, познакомившись с его яркими представителями.

– Что ж, вот вам и типаж, – сказал Ральф, когда они поднимались от реки и он узнал лорда Уорбартона.

– Какой типаж? – спросила девушка.

– Типаж английского джентльмена.

– Вы хотите сказать, что все они похожи на него?

– О, нет. Далеко не все.

– Значит, он – выдающийся экземпляр, – сказала Изабелла, – потому что он, несомненно, хороший человек.

– Да, очень хороший. И к тому же родился в рубашке.

Родившийся в рубашке лорд Уорбартон пожал руку нашей героине и осведомился о ее самочувствии.

– Впрочем, не стоило и спрашивать, – заметил он, – раз вы сидели на веслах.

– Я действительно немного гребла, – ответила Изабелла. – Но как вы догадались об этом?

– Просто я знаю, что Ральф не станет грести, он слишком ленив, – сказал его светлость, со смехом указывая на друга.

– Его лень можно извинить, – возразила девушка, немного понизив голос.

– Да уж, он для всего найдет извинения! – воскликнул лорд Уорбартон с тем же глубоким и приятным смехом.

– Меня извиняет в данном случае то, что кузина сама отлично управляется с веслами, – сказал Ральф. – Она все делает отлично. Украшает все, до чего ни дотронется!

– Это заставляет каждого мечтать о том, чтобы мисс Арчер тронула и его, – заявил лорд.

– Если человека действительно что-то трогает, это идет ему только на пользу, – ответила девушка; она с удовольствием выслушивала хвалы своим многочисленным достоинствам, но в то же время радовалась своей способности оценить степень своего самодовольства: ее тщеславие не свидетельствовало о недостатке ума – кое-что она действительно делала прекрасно. Ее потребность думать о себе хорошо постоянно нуждалась в подтверждениях со стороны; хотя, возможно, это было признаком эгоизма.

Лорд Уорбартон не только пробыл весь вечер в Гарденкорте; его уговорили переночевать и остаться на следующий день, а когда прошел и он, гость снова решил отложить отъезд до завтра. Все это время он проводил главным образом в беседах с Изабеллой, которая очень охотно принимала от него знаки внимания. Она пришла к заключению, что этот человек приятен ей в высшей степени; таким было и первое впечатление, но после целого вечера, проведенного в его обществе, Изабелла уже считала лорда самым восхитительным из всех, кого встречала до сих пор. Она удалилась к себе с ощущением, что ей необыкновенно посчастливилось; жизнь казалась ей прекрасной. «До чего приятно быть знакомой с такими очаровательными людьми, как эти двое», – подумала она, под «этими двумя» имея в виду кузена и его друга. Но надо сказать, что ее прекрасное расположение духа было подвергнуто испытанию. В половине десятого мистер Тачетт отправился спать, а его жена осталась в гостиной. Просидев со всеми еще около часа, она поднялась и заметила племяннице, что пора пожелать джентльменам спокойной ночи. Но Изабелле еще совсем не хотелось спать. Ей казалось, что в этом вечере есть что-то праздничное, а праздники обычно не заканчиваются так рано. Поэтому Изабелла, недолго думая, ответила:

– Уже пора, тетушка? Я, пожалуй, посижу еще полчасика.

– Но я не могу тебя дожидаться, – ответила миссис Тачетт.

– Конечно, и не нужно! Ральф зажжет мне свечу, – радостно ответила Изабелла.

– Я зажгу вам свечу, позвольте мне сделать это, мисс Арчер! – воскликнул лорд Уорбартон. – Только, умоляю вас, – не покидайте нас до полуночи.

Миссис Тачетт остановила на нем взгляд своих маленьких блестящих глаз, затем перевела его на племянницу.

– Ты не можешь оставаться одна в обществе джентльменов. Ты не... ты не в Олбани, дорогая.

Изабелла вспыхнула и поднялась.

– И очень жаль!

– Ну что вы, мама! – вмешался Ральф.

– Дорогая миссис Тачетт... – пробормотал лорд Уорбартон.

– Не я устанавливала порядки в вашей стране, милорд, – величественно заявила миссис Тачетт. – Я просто следую им.

– Неужели я не могу оставаться в обществе собственного кузена? – спросила Изабелла.

– В первый раз слышу, что лорд Уорбартон твой кузен.

– Наверное, самое лучшее – мне пойти спать! – воскликнул гость. – И все уладится.

Миссис Тачетт безнадежно взглянула на него и снова опустилась в кресло.

– Что ж, раз это так необходимо, мне придется сидеть до полуночи, – сказала она.

Тогда Ральф протянул Изабелле свечу. Все это время он наблюдал за ней; казалось, она вот-вот взорвется – столкновение могло оказаться интересным. Но если он ждал, что Изабелла проявит характер, то ему пришлось разочароваться: девушка только слегка усмехнулась, пожелала всем доброй ночи и удалилась в сопровождении тети. Поступок матери раздосадовал Ральфа, хотя он и признавал, что та была права. Перед дверью миссис Тачетт дамам предстояло разойтись. Поднимаясь по лестнице, Изабелла не проронила ни слова.

– Ты, конечно, сердишься на то, что я вмешиваюсь в твои дела, – сказала миссис Тачетт. Изабелла подумала мгновение.

– Я не сержусь, но удивлена... и сильно озадачена. Неужели мне нельзя было остаться в гостиной?

– Ни в коем случае. В Англии не принято, чтобы молодые девушки сидели допоздна в обществе мужчин.

– Вы совершенно правильно сделали, уведомив меня об этом, – произнесла Изабелла. – Мне непонятны эти порядки, но я очень рада, что теперь я знаю о них.

– Я и впредь буду говорить, если твои поступки могут быть восприняты как слишком вольные, – ответила ее тетя.

– Пожалуйста. Но не думаю, что в любом случае сочту ваши замечания справедливыми.

– Скорее всего, нет. Ты слишком любишь независимость.

– Да, это так. Но я всегда хочу знать о том, чего не стоит делать.

– Чтобы именно это и сделать? – спросила миссис Тачетт.

– Чтобы иметь возможность выбора, – ответила Изабелла.

Глава 8

Поскольку Изабелле было интересно все яркое и оригинальное, лорд Уорбартон рискнул выразить надежду, что она как-нибудь посетит и его поместье – место старинное и прелюбопытное. Он вырвал у миссис Тачетт обещание, что та привезет племянницу в Локли, и Ральф выразил готовность сопровождать обеих дам, если только отец сможет без него обойтись. Лорд Уорбартон уверил нашу героиню, что прежде ее навещают его сестры. Изабелла о них уже кое-что знала, ибо, проводя долгие часы в беседах с лордом, пока он находился в Гарденкорте, много расспрашивала и о его семье. Когда Изабеллу что-то интересовало, она задавала множество вопросов, а так как ее новый знакомый был словоохотлив, они не оставались втуне. Он сообщил, что у него четверо сестер и двое братьев и что родители их давно умерли; братья и сестры славные люди – «не особенно умны, знаете ли, но простые, и заслуживают всяческого уважения и доверия». Он выразил надежду, что Изабелла познакомится с ними поближе. Один из его братьев принял духовный сан и жил в церковном доме довольно большого прихода в Локли. Лорд считал его отличным парнем, несмотря на то, что они расходились во мнениях по всем возможным вопросам. Он привел в пример некоторые взгляды своего брата, но Изабелле подобные взгляды были знакомы, и она полагала, что их разделяет большая часть рода человеческого. Она полагала, что и сама придерживается многих из них, пока лорд не убедил ее, что она глубоко заблуждается; что на самом деле это невозможно; что она, вне всяких сомнений, только воображала, будто разделяет эти взгляды; но их можно пересмотреть, и если она немного задумается, то обнаружит, что на самом деле они совершенно несостоятельны. Когда Изабелла ответила, что уже не раз серьезно их обдумывала, лорд заявил, что это лишний раз подтверждает так часто поражающий его факт: американцы больше всех в мире подвержены предрассудкам. В этом отношении они – просто настоящие тори¹³, фанатики, консервативнее американских консерваторов вообще никого нет. Пример ее дяди и кузена вполне подтверждает это: некоторые их взгляды – это же настоящее средневековье! Они исповедуют такие идеи, которых современные англичане стыдятся; кроме того, смеясь, сказал его светлость, им хватает дерзости полагать, будто они знают о нуждах и бедах милой, бедной, глупой старушки Англии больше, чем он, родившийся на этой земле и владеющий – к своему стыду – значительной ее частью! Из всего этого Изабелла заключила, что лорд Уорбартон – аристократ нового образца, реформатор и радикал, презирующий старые порядки. Другой его брат, упрямец и повеса, служил в Индии, и до сих пор от него не было никакого проку, кроме долгов, которые оплачивал Уорбартон – одна из самых дорогих привилегий старшего брата¹⁴. «Впрочем, не думаю, что стану и дальше платить за него, – сказал лорд. – Он живет не в пример лучше меня, купается в неслыханной роскоши и воображает себя джентльменом почище меня. А так как я стойкий радикал, то ратую за равенство и выступаю против привилегий младших братьев». Две его сестры, вторая и четвертая, были замужем. Одна из них сделала очень хорошую партию, а другая, как говорится, «так себе». Муж старшей, лорд Хейкок – славный малый, но, к сожалению, страшный тори, а его жена, как все порядочные английские жены, и того хуже. Другая сестра вышла за мелкого сквайра из Норфолка и, хотя жила с ним без году неделя, успела народить пятерых детей. Сообщая эти и еще многие другие сведения своей американской собеседнице, лорд Уорбартон старался показывать и объяснять ей некоторые особенности английской жизни. Изабеллу часто забавляла его обстоятельность и то, что он, казалось, вовсе не берет в расчет ее собственный опыт и воображение. «Он принимает меня за варвара, – думала она, – который никогда не видел ни ножа, ни вилки»; бывало, она задавала ему самые

¹³ Одна из двух партий в английском парламенте (консервативная).

¹⁴ Старший сын в аристократическом роду наследовал все – деньги, титул, имущество – нераздельно.

простые вопросы только ради удовольствия послушать, с какой серьезностью лорд будет на них отвечать. А когда он попадал в эту ловушку, Изабелла замечала:

– Жаль, что вы не видели меня в боевой раскраске и перьях. Если бы я знала, как нежно вы относитесь к нам, бедным дикарям, я привезла бы с собой мой национальный костюм!

Лорд Уорбартон поездил по Соединенным Штатам и знал о них гораздо больше нашей героини. Тут же назвав с присущей ему учтивостью Америку самой очаровательной страной в мире, он, однако, вскользь заметил, что воспоминания о ней позволяют ему предположить, что американцы, прибывшие в Англию, нуждаются в том, чтобы им многое разъяснили.

– Вот если бы вы были со мной в Америке, вы многое растолковали бы мне! – сказал лорд. – Ваша страна озадачила меня; я был совершенно сбит с толку, но главное, все объяснения, которые я слушал, только запутывали дело. Знаете, по-моему, мне часто нарочно морочили голову; американцы это любят. Но моим объяснениям вы можете доверять; все, что я говорю, – чистая правда.

Чистой правдой, во всяком случае, было то, что он умен, образован и знает чуть ли не все на свете. Рассказывал обо всем он необыкновенно интересно и увлекательно, и Изабелла не чувствовала в нем никакой рисовки; он управлял громадным состоянием, но никогда не ставил это себе в заслугу. Ему были доступны все жизненные блага, но он не потерял чувства меры. В его характере соединились добродушная мужская сила и застенчивость, временами почти мальчишеская; эта смесь была благотворной и свежей – казалось, ее можно попробовать на вкус, – и она ничего не теряла в сочетании с добротой, кстати, совсем не мальчишеской, потому что в ней было много здравомыслия и совестливости.

– Мне очень нравится ваш «экземпляр» английского джентльмена, – сказала Изабелла Ральфу после отъезда лорда Уорбартона.

– Мне он тоже нравится... Я очень люблю его, – ответил Ральф, – но еще больше жалею. Девушка искоса взглянула на кузена.

– Но, мне кажется, единственная его беда в том, что его невозможно хоть за что-нибудь пожалеть. Он производит впечатление человека, который все знает, все имеет, всего достиг.

– Нет, его дела плохи, – настаивал Ральф.

– Надеюсь, вы не имеете в виду состояние его здоровья?

– Нет, что до этого, то он неприлично здоров. Я хочу сказать, что он очень одаренный человек, который только забавляется своим положением. Он не относится к себе всерьез.

– То есть считает себя смешным?

– Гораздо хуже. Он считает себя обузой, сорняком.

– Но, возможно, так и есть, – сказала Изабелла.

– Возможно. Хотя я так не думаю. Но в таком случае, есть ли что-нибудь более жалкое, чем наделенный чувствами и самосознанием сорняк, кем-то посаженный, пустивший корни, но страдающий оттого, что чувствует несправедливость собственного существования? Я-то принимаю беднягу очень даже всерьез; он занимает такое положение, которое будит мое воображение. Огромная ответственность, огромные возможности, огромное уважение, огромное состояние, огромная власть, врожденное право участвовать в общественной жизни великой страны. Но в его голове царит полная неразбериха насчет себя, своего положения, власти и всего прочего. Он жертва нашего переломного времени: в себя он верить перестал, а во что теперь верить, не знает. Когда я пытаюсь подсказать ему (потому что на месте лорда я бы отлично знал, во что верить), он называет меня старомодным и ограниченным. Я знаю, что он и в самом деле считает меня ужасным мещанином; говорит, я не понимаю, в какое время живу. Но уж я-то определенно понимаю все гораздо лучше, чем он, который не может ни уничтожить себя как помеху, ни сохранить как атрибут традиционного уклада.

– Лорд Уорбартон не выглядит жалким, – заметила Изабелла.

– Возможно, не выглядит. Но, без сомнения, будучи человеком неординарным, он часто переживает нелегкие моменты. Да и что это такое, когда про человека с его возможностями говорят: он не кажется несчастным? Кроме того, я просто уверен в этом.

– А я нет, – сказала Изабелла.

– Пусть так, – возразил ее кузен. – Пусть так, хотя ему и следовало бы!

В тот день Изабелла около часа провела на лужайке с дядей, который, как всегда, сидел в кресле с шалью на коленях и держал в руках чашку некрепкого чая. Они беседовали о том о сем, и старик поинтересовался, что она думает об их недавнем госте.

– Он совершенно очарователен, – ответила Изабелла.

– Прекрасный молодой человек, – согласился мистер Тачетт, – но не советую в него влюбляться.

– Хорошо, не буду. Я буду влюбляться не иначе, как по вашей рекомендации. Кроме того, – добавила Изабелла, – кузен обрисовал мне лорда Уорбартона в довольно печальных тонах.

– В самом деле? Не знаю, что такого он тебе сообщил, но ты должна помнить, что Ральф большой фантазер.

– Он считает лорда Уорбартона слишком радикальным... или недостаточно радикальным. Я не совсем поняла, каким.

Старик, улыбаясь, медленно покачал головой и поставил свою чашку.

– Я тоже не знаю. Он зашел очень далеко, хотя очень возможно, что недостаточно далеко. Он, кажется, хочет многое изменить, но при этом сохранить себя. Я полагаю, это вполне естественно, хотя и непоследовательно.

– О, надеюсь, он останется таким, какой он есть, – сказала Изабелла. – Если бы он переменялся и стал другим, его друзьям очень бы не хватало его прежнего.

– Что же, – произнес старик. – Надеюсь, он выдержит и будет развлекать своих друзей, как и всегда. Мне бы его сильно не доставало здесь, в Гарденкорте. Приезжая сюда, лорд всегда избавляет меня от скуки. Да и сам, я думаю, не скучает. В обществе сейчас много таких людей – они в моде. Уж не знаю, к чему все они стремятся, может быть, хотят устроить революцию; во всяком случае, надеюсь, они отложат это до моей смерти. Видишь ли, они хотят все перестроить, но я довольно крупный землевладелец и не хочу, чтобы мою жизнь перестроили. Я бы ни за что не переехал сюда, если бы знал об их намерениях, – весело продолжал мистер Тачетт. – Я переехал потому, что считал Англию безопасной страной. А они собираются тут все менять. Это разочарует очень многих.

– А я надеюсь, что будет революция! – воскликнула Изабелла. – С удовольствием посмотрела бы на революцию.

– Объясни-ка мне, пожалуйста, – с легкой иронией проговорил ее дядя, – я все забываю: ты сама-то за либералов или за консерваторов? Я слышал, как ты высказывалась то за тех, то за других.

– Так и есть. Я за всех понемножку. Во время революции – если бы уж она началась – я бы была на стороне консерваторов. Они вызывают больше сочувствия, и у них есть возможность совершать яркие поступки.

– Не уверен, что ты подразумеваешь под «яркими поступками», но похоже, ты всегда совершаешь именно такие, моя дорогая.

– Дядя, вы – чудо. Но вы, как всегда, подтруниваете надо мной! – прервала его девушка.

– Все-таки я боюсь, что в ближайшем будущем тебе не выпадет удовольствия наблюдать здесь революционные события, – продолжил мистер Тачетт. – Если уж ты так жаждешь бурных событий, тебе придется погостить у нас подольше. Видишь ли, когда доходит до дела, им не нравится, чтобы их ловили на слове.

– О ком вы говорите?

– О лорде Уорбартоне и его друзьях – радикалах из высшего класса. Конечно, я знаю только то, что задевает меня. Они шумят о переменах, но не думаю, что ясно все себе представляют. Вот ты да я – мы знаем, что значит жить при демократических порядках. Мне они подходят, но я ведь при них родился. К тому же я не лорд. Ты, несомненно, леди, моя дорогая, но я не лорд. А этой стране, я полагаю, демократия не очень подходит. Демократические принципы действуют ежедневно и ежечасно. Вряд ли они понравятся этим господам больше теперешних. Конечно, если хотят попробовать, это их дело, но мне кажется, они не станут очень усердствовать.

– Вы считаете их неискренними? – спросила Изабелла.

– Нет, англичане очень честные люди, – признал мистер Тачетт, – но создается впечатление, что о демократии у них лишь теоретические знания. Их радикальные взгляды – род развлечения. Развлечения им необходимы, а вкус у них мог бы оказаться гораздо грубее. Ты видишь, в какой роскоши они живут, а все эти прогрессивные идеи – едва ли не самая большая их роскошь. Идеи позволяют им чувствовать себя высоконравственными, но не угрожают их положению. Ведь англичане сильно пекутся о своем положении в обществе. Не верь никому, кто станет убеждать тебя в обратном; а если поверишь, тебя очень скоро поставят на место.

Изабелла очень внимательно следила за мыслями дяди, которые тот излагал легко, вдумчиво, с некоторой долей оптимизма; хотя она не была знакома с английской аристократией, девушка обнаружила, что в целом к ней применимы ее, Изабеллы, представления о человеческой природе. Но лорда Уорбартона ей захотелось взять под защиту.

– Я не верю, что лорд Уорбартон притворщик, – заявила она. – До остальных мне нет дела. А вот лорд... мне бы хотелось его проверить.

– Избави меня Бог от друзей! – продекламировал мистер Тачетт и продолжал: – Лорд Уорбартон – очень приятный... прекрасный молодой человек. Его доход составляет сто тысяч в год. На этом маленьком острове ему принадлежат пятьдесят тысяч акров земли и полдюжины домов. У него постоянное место в парламенте, как у меня за моим обеденным столом. Он обладает изысканным вкусом – интересуется литературой, искусством, наукой и очаровательными молодыми леди. Но самый главный интерес он испытывает к новым взглядам. Они доставляют ему массу удовольствий – возможно, больше, чем что-либо еще, за исключением молодых леди. Его старинный дом – как он его называет? Локли? – очень хорош, хоть наш, на мой вкус, получше. Впрочем, это не имеет значения – у него много и других домов. Насколько я могу видеть, его взгляды никому не приносят вреда, и меньше всего ему самому. Если бы здесь разразилась революция, лорд пережил бы ее абсолютно безболезненно; его бы никто не тронул, оставили бы целым и невредимым – слишком уж он всем нравится.

– Да, лорду не суждено стать мучеником, даже если бы он захотел! – воскликнула Изабелла. – Очень незавидное положение.

– Да, мучеником ему никогда не бывать... если только ты не сотворишь с ним эту штуку, – произнес старик.

Девушка покачала головой; было даже забавно, что в этом жесте сквозило легкое сожаление.

– Из-за меня никто не будет мучиться, – сказала она.

– Надеюсь, и сама ты никогда мученицей не будешь.

– Я тоже надеюсь. Так значит, вам не жаль лорда Уорбартона, как Ральфу?

Дядя посмотрел на племянницу долгим лукавым, проницательным взглядом.

– Несмотря ни на что... Пожалуй, все-таки жаль, – мягко ответил он.

Глава 9

Вскоре с приглашением приехали две мисс Молиньо, сестры его светлости; Изабелле сразу понравились эти молодые леди, на которых, как ей показалось, лежала печать некоего своеобразия. Правда, когда она назвала сестер «оригинальными» в беседе с кузеном, тот заявил, что этот эпитет совсем не подходит для двух мисс Молиньо, поскольку в Англии найдется пятьдесят тысяч молодых женщин, похожих на них как две капли воды. Однако, хотя таким образом гостям было отказано в оригинальности, невозможно было не восхититься их необыкновенно мягкими и застенчивыми манерами и самыми, как казалось Изабелле, добрыми на свете глазами.

«На здоровье им, во всяком случае, жаловаться не приходится», – решила наша героиня, которая считала это большим достоинством; к сожалению, о некоторых подругах ее детства такого сказать было нельзя (какими бы они были прелестницами, если бы не их болезненность), не говоря о том, что иногда и сама Изабелла не могла похвастаться прекрасным самочувствием. Сестры Молиньо были уже не первой молодости, но сохранили яркий и свежий цвет лица и что-то детское в улыбке. Глаза сестер, которые так восхитили Изабеллу, имели умиротворенное выражение, а котиковые жакеты подчеркивали изрядную округлость их форм. Сестры были необыкновенно дружелюбны, настолько, что почти стеснялись этого; казалось, они немного побаиваются молодую леди, прибывшую с другого конца света, и больше показывали, нежели высказывали свое доброе к ней отношение. Тем не менее они ясно выразили надежду на то, что Изабелла прибудет на ланч в Локли, где они живут вместе с братом, а также на то, что отныне они смогут видаться очень, очень часто. Сестры поинтересовались, не согласится ли она пробыть у них целый день и остаться ночевать; двадцать девятого они ожидают гостей, и, возможно, Изабелла захочет к ним присоединиться.

– Боюсь, среди них не будет никого особенно выдающегося, – сказала старшая сестра, – но смею надеяться, вы полюбите нас такими, какие мы есть.

– Я от вас в восхищении; вы очаровательны именно такие, какие есть, – ответила Изабелла, которая всегда бывала щедра на похвалы.

Гости вспыхнули, а кузен после их ухода сказал Изабелле, что если она еще раз скажет что-нибудь подобное этим бедняжкам, они примут это за насмешку. Он был уверен, что сестер еще никто ни разу в жизни не назвал очаровательными.

– Но что же я могу сделать, – ответила Изабелла. – Именно такие тихие, благоразумные, довольные люди мне и нравятся. Хотелось бы и мне быть такой же.

– Боже упаси! – пылко воскликнул Ральф.

– Обязательно постараюсь подражать им, – настаивала девушка. – Интересно посмотреть, каковы они в домашней обстановке.

Несколько дней спустя она получила это удовольствие. Вместе с Ральфом и его матерью Изабелла приехала в Локли. Сестры Молиньо сидели в просторной гостиной (одной из многих, как она выяснила позже), сплошь отделанной блеклым ситцем. Одеты они были по этому случаю в черные бархатные платья. В домашней обстановке женщины понравились Изабелле даже больше, чем в Гарденкорте, и она еще раз была поражена, что они просто излучали здоровье. При первой встрече ей показалось, что им недостает живости ума, но сейчас она признала за ними способность глубоко чувствовать. Перед ланчем она некоторое время оставалась с ними наедине, в то время как лорд Уорбартон в другом углу комнаты беседовал с миссис Тачетт.

– Правда ли, что ваш брат такой непримиримый радикал? – поинтересовалась Изабелла. Она знала, что это правда, но мы уже видели, насколько велик был ее интерес к человеческой природе, и сейчас ей хотелось вызвать на разговор сестер Молиньо.

– О да, дорогая, он придерживается чрезвычайно передовых взглядов, – сказала Милдред, младшая.

– И в то же время Уорбартон очень благоразумен, – заметила старшая мисс Молинию.

Изабелла взглянула в тот угол гостиной, где находился лорд; было очевидно, что он изо всех сил старается угодить миссис Тачетт. Ральф играл с одной из собак перед пылающим камином, который вовсе не был лишним в огромной старинной зале при прохладной августовской английской погоде.

– Вы полагаете, ваш брат искренен? – с улыбкой спросила Изабелла.

– О, несомненно! – торопливо воскликнула Милдред, в то время как старшая сестра удивленно взглянула на нашу героиню.

– Думаете, он не дрогнет, если придется?

– Что придется?

– Я имею в виду, сможет ли он, скажем, отказаться от всего этого?

– Отказаться от Локли? – переспросила старшая мисс Молинию после небольшой паузы, когда снова обрела дар речи.

– Да, и от других имений тоже. Кстати, как они называются?

Сестры обменялись почти испуганными взглядами.

– Вы хотите сказать... вы имеете в виду, что они требуют больших расходов? – спросила младшая сестра.

– Я думаю, он мог бы сдать один или два дома, – сказала другая.

– Сдать или отдать? – спросила Изабелла.

– Не могу представить, чтобы он отказался от своей собственности, – проговорила старшая мисс Молинию.

– В таком случае боюсь, он обманщик! – воскликнула Изабелла. – И что же, вы не считаете, что его положение ложно?

Ее собеседницы были явно сбиты с толку.

– Положение брата? – пробормотала мисс Молинию.

– Его положение считается очень хорошим, – возразила младшая сестра. – Самое высокое положение в графстве.

– Наверное, вы считаете меня бесцеремонной, – заметила Изабелла, воспользовавшись возникшей паузой. – Полагаю, вы очень почитаете брата и побаиваетесь его.

– Конечно, невозможно не уважать брата, – просто сказала мисс Молинию.

– Если вы его уважаете, значит, он очень хороший человек... потому что вы обе очень хорошие.

– Он необыкновенно добр. Никто даже не представляет себе, сколько хорошего он делает.

– Все знают о его способностях, – добавила Милдред. – И считают их необыкновенными.

– Да, я это вижу, – согласилась Изабелла. – Но на его месте я исповедовала бы более консервативные взгляды. И ничего не стала бы отдавать.

– Я думаю, люди должны придерживаться широких взглядов, – мягко возразила Милдред. – Нас так воспитывали с самого детства.

– Что ж, – произнесла Изабелла. – Это у вас очень хорошо получается. Неудивительно, что вам это нравится. Я вижу, вы питаете слабость к вышивке? – сменила она тему.

После ланча лорд Уорбартон повел Изабеллу осматривать дом, имевший очень благородный вид; впрочем, иного и нельзя было ожидать. Внутри здание было сильно модернизировано – и некоторые, может быть, лучшие его части потеряли свою первозданность. Но когда девушка посмотрела на него из сада, дом – громадный, выкрашенный непогодой во все оттенки серого, вздымающийся над наполненным неподвижной водой рвом – показался ей сказочным замком. День выдался прохладным и пасмурным; всюду были заметны первые признаки осени; бледный солнечный свет падал на стены расплывчатыми бликами, как будто намеренно согревая те

места, где сильнее ощущалась болезненность нанесенных временем ран. Викарий, брат хозяйина, прибыл к ланчу, и Изабелла поговорила с ним в течение пяти минут – время достаточное для того, чтобы в который раз попытаться найти истового приверженца церкви, – и отказаться от этой попытки как от тщетной. Викарий из Локли был человеком огромного роста, атлетического телосложения, с искренним выражением лица, прекрасным аппетитом и склонностью к внезапным взрывам смеха. От своего кузена Изабелла потом узнала, что до того, как принять сан, викарий был успешным борцом и что до сих пор при случае – конечно, только в кругу семьи – с удовольствием кладет на лопатки своего слугу. Викарий понравился гостье – она была в таком настроении, когда нравится все вокруг; правда, ее воображению пришлось как следует потрудиться, чтобы представить его в роли духовного пастыря. Покончив с ланчем, все общество отправилось на прогулку по окрестностям, и лорд Уорбартон проявил некоторую изобретательность, чтобы увести свою юную гостью от остальных.

– Я хочу, чтобы вы здесь все как следует, по-настоящему осмотрели, – сказал он. – А вы не сможете сделать этого, если вас будут отвлекать всякой болтовней.

Однако его рассказ (при том, что лорд много говорил о доме, который имел любопытную историю) касался отнюдь не только археологических особенностей; время от времени он переходил к вопросам более личным – как в отношении Изабеллы, так и себя самого. Но в конце концов, после довольно продолжительной паузы, лорд вернулся к той теме, которая послужила предлогом для всей беседы.

– Ну что ж, я очень рад, что вам понравился этот старый дом. Мне бы хотелось, чтобы вы еще полюбовались им... чтобы вы задержались у нас ненадолго. Сестры без ума от вас... если это может служить в ваших глазах приманкой.

– В приманках нет необходимости, – ответила Изабелла. – Но боюсь, я не могу принять приглашение. Я совершенно в тетиной власти.

– Вы простите, если я скажу, что не верю в это? Я уверен, вы можете делать все, что захотите.

– Жаль, что я произвела на вас такое впечатление. Это ведь не очень-то хорошее впечатление?

– Не совсем так – ведь это позволяло мне надеяться, – сказал лорд и умолк.

– Надеяться на что?

– Что в будущем я смогу чаще видеть вас.

– Ну, – сказала Изабелла, – чтобы иметь удовольствие видеться с вами, мне не нужно быть такой уж эмансипированной.

– Несомненно. И в то же время мне кажется, что я не очень нравлюсь вашему дядюшке.

– Вы глубоко заблуждаетесь. Он прекрасно о вас отзывался.

– Я рад, что вы говорили обо мне, – сказал лорд Уорбартон. – Но все-таки сомневаюсь, что ему бы понравилось, если бы я зачастил в Гарденкорт.

– Я не могу отвечать за вкусы своего дяди, – отозвалась Изабелла, – хотя, разумеется, и должна по возможности принимать их в расчет. Но что касается меня, то я буду очень рада видеть вас.

– Именно это мне и хотелось услышать от вас. Я просто очарован вашими словами.

– Легко же вас очаровать, милорд, – заметила девушка.

– Нет, вовсе не легко! – Уорбартон на мгновение умолк, а затем добавил: – Но вам это удалось, мисс Арчер.

Эта фраза была произнесена с какой-то неопределенной интонацией, которая насторожила Изабеллу; это показалось ей прелюдией к чему-то важному; она уже слышала такую интонацию раньше и узнала ее. Однако Изабелле вовсе не хотелось, чтобы сейчас эта прелюдия получила продолжение, и поэтому, поборов волнение, она быстро и как можно более приветливо произнесла:

- Боюсь, у меня не будет возможности снова приехать сюда.
- Никогда? – спросил лорд Уорбартон.
- Я бы не стала говорить «никогда». В этом есть что-то мелодраматическое.
- Могу я приехать и повидать вас как-нибудь на следующей неделе?
- Ну конечно. Что может этому помешать?
- Ничего серьезного. Но с вами я никогда не чувствую себя спокойно. У меня такое чувство, будто вы все время судите людей.
- Если бы это было и так, вы от этого не проигрываете.
- Очень приятно слышать это от вас; но даже если я в выигрыше, все равно суровая критика – это не то, что я люблю больше всего. Миссис Тачетт собирается увезти вас за границу?
- Надеюсь, что да.
- Англия вам не очень нравится?
- Это коварный вопрос в духе Макиавелли; он не заслуживает ответа. Просто я хочу побывать в разных странах.
- Там вы продолжите выносить свои суждения, я полагаю.
- Надеюсь, получать удовольствия – тоже.
- Да, но это и доставляет вам самое большее удовольствие. Никак не могу понять, к чему вы стремитесь, – заметил лорд Уорбартон. – Мне представляется, что у вас таинственные цели... и обширные планы!
- Как мило с вашей стороны разработать целую теорию, с которой я совершенно не имею ничего общего! Что таинственного в моем намерении развлечься, как каждый год делают на глазах у всех пятьдесят тысяч моих соотечественников, – в намерении развить свой ум с помощью путешествий?
- Вам не надо развивать ум, мисс Арчер, – заявил ее собеседник. – Это и без того уже страшный инструмент. Вы смотрите на всех нас сверху вниз и презираете.
- Презираю вас? Да вы смеетесь надо мной, – серьезно сказала Изабелла.
- Ну, вы считаете нас, англичан, людьми с причудами, что есть то же самое. Начнем с того, что я не хотел бы выглядеть «чужаком». Ни в коей мере. Я заявляю протест.
- Этот протест – самое причудливое из всего, что я когда-либо слышала, – с улыбкой ответила девушка.
- Лорд Уорбартон сделал небольшую паузу.
- Вы обо всем судите как бы со стороны, и вам ни до чего нет дела, – произнес он наконец. – Вам только бы развлекаться!
- Вновь в его голосе появились нотки, которые девушка слышала несколько минут назад, но теперь к ним примешалась горечь – эта горечь была такой неожиданной и неоправданной, что Изабелла испугалась, уж не обидела ли она хозяина дома. Ей часто говорили, что англичане очень эксцентричны; она даже вычитала у какого-то остроумного автора, что в глубине души это самый романтичный народ. Неужели лорд Уорбартон внезапно превратился в романтика? Неужели он собирается устроить ей сцену в своем собственном доме, хотя видит ее всего третий раз в жизни? Изабелла быстро разубедила себя, вспомнив о том, как лорд безупречно воспитан; и эту уверенность не пошатнул даже тот факт, что он едва не переступил границу дозволенного – когда восхищался юной леди, доверившейся его гостеприимству. Она оказалась права, положившись на его воспитанность, поскольку лорд слегка улыбнулся и продолжал разговор, причем в его голосе не осталось и следа столь смутившей ее интонации:
- Конечно, я не хочу сказать, что вас занимают только пустяки. Вам интересны высокие материи, слабости и недостатки человеческой природы, особенности целых народов!
- Ну, если так, то мне бы и в своей стране хватило развлечений на всю жизнь, – сказала Изабелла. – Однако нам предстоит еще долгий путь, и тетушка, наверное, скоро засобирается домой.

Она направилась к остальным. Лорд Уорбартон молча шел рядом. Перед тем как они присоединились ко всему обществу, он успел произнести:

– Я приеду к вам на следующей неделе.

Ее будто что-то кольнуло, но, придя в себя, положив руку на сердце она не смогла назвать это ощущение болезненным. Тем не менее она отозвалась довольно холодно:

– Как вам будет угодно.

Причем эта холодность не была кокетством – это состояние было ей присуще даже в меньшей степени, чем, возможно, казалось многочисленным критикам. Она ответила так потому, что была слегка напугана.

Глава 10

На следующий день после визита в Локли Изабелла получила письмо от своей подруги мисс Стэкпол. Увидев надписанный аккуратным каллиграфическим почерком Генриетты конверт с маркой Ливерпуля, она очень оживилась.

«Ну вот и я, милая моя подруга, – писала мисс Стэкпол. – Наконец-то мне удалось вырваться. За один вечер все было решено – «Интервьюер» сдался. Я, как заправский журналист, побросала вещи в чемодан и на трамвае добралась до парохода. Где ты теперь и где бы мы могли встретиться? Полагаю, ты осматриваешь один замок за другим и уже приобрела правильное произношение. А может быть, уже даже вышла замуж за лорда. Я почти надеюсь на это, потому что хочу быть представлена высокопоставленным людям, и немного рассчитываю в этом на тебя. «Интервьюеру» нужна информация о высшем обществе. Мои первые впечатления (о людях в целом) получились совсем не в розовом цвете, но я хочу обсудить их с тобой. Ты же знаешь, что, какой бы я ни была, меня нельзя назвать поверхностной. А еще мне нужно сказать тебе кое-что важное. Назначай встречу как можно скорее. И приезжай в Лондон (мне так хочется посмотреть на все его достопримечательности вместе с тобой) или разреши приехать к тебе, где бы ты ни находилась. Я с удовольствием примчусь – ты же знаешь, что меня все интересует, и хотелось бы узнать побольше о частной жизни англичан».

Девушка не стала показывать дяде это письмо, но передала его содержание. Как она и ожидала, хозяин дома попросил Изабеллу немедленно заверить от его имени мисс Стэкпол, что он с удовольствием примет ее в Гарденкорте.

– Хоть она и литературная дама, – заметил мистер Тачетт, – я полагаю, что она, будучи американкой, не станет изображать меня, как некоторые. Такие, как я, ей явно не внове.

– Но она не встречала таких милых! – возразила его племянница; на самом деле она тревожилась в отношении «репортерского зуда» Генриетты – он принадлежал к тем чертам характера ее подруги, которые Изабелла одобряла меньше всего. Тем не менее она написала мисс Стэкпол, что ее с радостью примут под гостеприимным кровом мистера Тачетта. И эта предприимчивая девица, не теряя времени, подтвердила свое решение. Она добралась до Лондона, там села на поезд и доехала до ближайшей к Гарденкорту станции, где ее встречали Изабелла и Ральф.

– Интересно – полюблю я ее или возненавижу? – размышлял вслух молодой человек, пока они с кузиной стояли на перроне в ожидании поезда.

– Ни то, ни другое ничего не будет значить для нее, – ответила Изабелла. – Ей совершенно безразлично, что о ней думают мужчины.

– В таком случае как мужчина я склоняюсь к тому, что она мне не понравится. Должно быть, это какое-то чудовище. Она очень безобразна?

– Да нет же, Генриетта очень хороша собой.

– Женщина-журналист, репортер в юбке? Страшно любопытно на нее взглянуть, – заявил Ральф.

– Очень легко насмехаться над ней, но совсем нелегко быть такой же отважной.

– Думаю, да. Чтобы брать интервью, требуется отвага. Как вы думаете, она станет и меня интервьюировать?

– Вряд ли. Для Генриетты вы недостаточно важная персона.

– Посмотрим, – сказал Ральф. – Она распишет в своей газете всех нас, включая Банчи.

– Я попрошу ее не делать этого, – отозвалась Изабелла.

– Значит, вы считаете ее способной на это?

– Вполне.

– И все-таки она стала вашей ближайшей подругой?

– Генриетта не ближайшая моя подруга, но мне она нравится, несмотря на все свои недостатки.

– Отлично, – сказал Ральф. – Боюсь, мне она не понравится, несмотря на все свои достоинства.

– Погодите – дня через три вы влюбитесь в нее.

– И увижу собственные любовные письма в «Интервьюере»? Никогда! – воскликнул молодой человек.

Наконец прибыл поезд, и по ступенькам уверенно спустилась мисс Стэкпол, которая, как и предупреждала Изабелла, оказалась очень хороша собой: пухленькая, среднего роста блондинка, с круглым лицом, маленьким ротиком и стройной фигуркой; ее каштановые локоны были собраны на затылке, а распахнутые глаза имели удивленное выражение. Самой примечательной чертой ее наружности была странная неподвижность взгляда, который Генриетта вперяла во все, что попадалось на пути, причем делала она это не вызываяще, не дерзко, но с сознанием своего права. Так же воззрилась она и на Ральфа, который был несколько сбит с толку грациозностью и привлекательностью мисс Стэкпол; ему стало казаться, что будет не очень-то легко не расположиться к ней, на что он настроился. На Генриетте было прекрасное серебристо-серое платье, и Ральф отметил, что она выглядела совершенно безукоризненно – с головы до пят. Она и говорила чистым, высоким голосом, неглубокого тембра, но громким; когда она вместе со своими спутниками уселась в экипаже мистера Тачетта, выяснилось, к немалому удивлению Ральфа, что она вовсе не болтушка. Однако на вопросы Изабеллы, к которой рискнул присоединиться и молодой человек, она отвечала очень точно и ясно; и позже, в библиотеке Гарденкорта, разговаривая с мистером Тачеттом (его супруга не посчитала необходимым спуститься), во всей полноте проявила свое умение вести беседу.

– Мне хотелось бы услышать, кем вы себя считаете – англичанами или американцами, – сказала мисс Стэкпол. – Тогда я буду знать, как мне с вами разговаривать.

– Говорите с нами как пожелаете, все благо, – великодушно ответил Ральф.

Она остановила на нем свои глаза, и чем-то они напомнили ему крупные блестящие пуговицы. Казалось, он видит в них отражение окружающих предметов. Пуговицы вряд ли свойственно иметь человеческое выражение, но все-таки Ральф, будучи очень скромным человеком, смущался под взглядом мисс Стэкпол и испытывал чувство неловкости. Стоит, правда, добавить, что это чувство, после того как он провел с ней день или два, заметно ослабло, хотя полностью так и не исчезло.

– Полагаю, вы не собираетесь убеждать меня, что вы – американец, – сказала она.

– Ради вашего удовольствия я буду англичанином. Или даже турком!

– Если вы способны на такие превращения, прекрасно, – отозвалась мисс Стэкпол.

– Я уверен, вы все понимаете, и принадлежность человека к какой бы то ни было национальности вам не преграда, – продолжал Ральф.

Гостья внимательно посмотрела на него.

– Вы имеете в виду иностранные языки?

– Языки здесь ни при чем. Я имею в виду дух... некий гений нации.

– Не уверена, что понимаю вас, – сказала корреспондентка «Интервьюера». – Но думаю, что к тому времени, как я покину Гарденкорт, с этим будет лучше.

– Таких людей, как кузен, называют космополитами, – заметила Изабелла.

– Это значит, что в нем ото всех понемножку и почти ничего от кого-то одного. Должна сказать, я считаю, патриотизм сродни милосердию – он начинается у себя дома.

– А где начинается «дом», мисс Стэкпол? – спросил Ральф.

– Не знаю, где он начинается, но знаю, где заканчивается. Далеко отсюда.

– А здесь вам не нравится? – спросил мистер Тачетт своим мягким, спокойным, невинным старческим тоном.

– Сэр, моя точка зрения еще не определена. Я словно сдавлена. Особенно я это чувствовала при переезде из Ливерпуля в Лондон.

– Вероятно, вы ехали в переполненном вагоне? – предположил Ральф.

– Да, но он был набит друзьями – я ехала с группой американцев, с которыми познакомилась еще на пароходе, милейшие люди из Литл-Рока, штат Арканзас. Несмотря на это, я чувствовала себя стесненной. Словно что-то давило на меня. Не могу сказать, что это. С самого начала я чувствовала, что здешняя атмосфера мне чужда. Но я думаю, мне удастся создать свою собственную. Природа здесь необыкновенно привлекательна.

– А мы-то все как прекрасны! – сказал Ральф. – Подождите немного, и вы убедитесь в этом сами.

Мисс Стэкпол выразила полное расположение ждать и, очевидно, была готова надолго обосноваться в Гарденкорте. По утрам она была занята литературным трудом, но, несмотря на это, Изабелла много времени проводила с подругой, которая, выполнив намеченную на день работу, жаждала общения. Изабелле скоро представилась возможность попросить ее воздержаться от того, чтобы отдавать в печать свои впечатления от пребывания в Англии, – уже на второй день после приезда мисс Стэкпол она обнаружила подругу за работой над статьей для «Интервьюера». Заглавие (написанное четким, аккуратным почерком, который наша героиня помнила еще со школьных времен) гласило: «Американцы и Тюдоры – взгляд из Гарденкорта». Мисс Стэкпол без зазрения совести предложила прочитать статью подруге, но та решительно заявила протест.

– Ты не должна этого делать. Тебе не следует описывать здешнюю жизнь.

Генриетта, по своему обыкновению, устала на нее.

– Почему? Людям как раз это и интересно. И здесь очень мило.

– Здесь слишком мило, чтобы быть описанным в газетах. Да и дяде это не понравится.

– Вот еще глупости! – воскликнула мисс Стэкпол. – Все потом всегда бывают довольны.

– Дядя не будет доволен. И кузен тоже. Они сочтут это нарушением законов гостеприимства.

Ничуть не смутившись, Генриетта очень аккуратно вытерла перо – она всегда держала при себе элегантный наборчик специальных принадлежностей – и убрала рукопись.

– Конечно, если ты против – я подчиняюсь. Но так и знай: я жертвую отличной темой.

– Есть множество других тем. Их полно вокруг. Мы будем ездить на прогулки, и я покажу тебе множество прекрасных пейзажей.

– Пейзажи не по моей части. Мне интересны только люди. Ты же знаешь, Изабелла, меня интересуют социальные вопросы, и так было всегда, – сказала мисс Стэкпол. – Я собиралась показать кое-что на примере твоего кузена-американца, переставшего быть американцем. Сейчас большой спрос на эту тему, а твой кузен является превосходным образцом. Следовало бы проучить его за это со всей суровостью.

– Да ты бы просто убила его! – воскликнула Изабелла. – И не суровостью, а тем, что он был бы выставлен на всеобщее обозрение.

– Что ж, я бы с удовольствием слегка прищучила его. И твоего дядю тем более. Он кажется гораздо более благородным – все еще стойкий американец. Грандиозный старик. Не понимаю, как он может возражать против того, чтобы я воздала ему должное.

Изабелла удивленно смотрела на подругу. Ей казалось очень странным, что в человеке, к которому она испытывает большое уважение, может уживаться столько противоречий.

– Бедная моя Генриетта, – сказала девушка, – ты не понимаешь, что личное, то, что глубоко в себе, нельзя выставлять напоказ.

Мисс Стэкпол сильно покраснела, и на мгновение ее яркие глаза стали влажными; а Изабелла еще больше изумилась: сколько же в ее характере несовместимых черт!

– Ты очень несправедлива ко мне, – с достоинством произнесла Генриетта. – Я никогда ни слова не написала о себе!

– В этом-то я уверена. Но мне кажется, по отношению к другим нужно быть такой же сдержанной!

– Очень хорошо сказано! – воскликнула Генриетта, снова доставая перо. – Позволь мне записать эту мысль, и я опубликую ее в статье.

И все-таки у нее был чудесный характер. Полчаса спустя она снова находилась в прекрасном расположении духа, как и подобает корреспонденту газеты в поисках материала.

– Я обещала описывать общество, – сказала Генриетта Изабелле. – А как я могу это делать, если у меня никаких идей? Раз нельзя описывать Гарденкорт, тогда посоветуй мне что-нибудь еще.

Девушка обещала подумать, и на следующий день в разговоре с подругой ей случилось упомянуть о своей поездке в старинный дом лорда Уорбартона.

– Ах, ты должна отвезти меня туда. Это то, что мне нужно! – воскликнула мисс Стэкпол. – Я должна взглянуть на аристократов.

– Я тебя отвезти не могу, – сказала Изабелла, – но лорд Уорбартон собирается приехать, и у тебя будет шанс познакомиться с ним и понаблюдать за ним. Но если ты намерена опубликовать беседу с ним, я обязательно предупрежу его.

– Не надо! – взмолилась ее подруга. – Я хочу, чтобы он вел себя естественно.

– Англичанин не может вести себя более естественно, чем когда держит язык за зубами, – ответила Изабелла.

Третий день подходил к концу, но не было очевидных признаков того, что ее кузен влюблен в их гостью, хотя он и проводил с ней много времени. Они прогуливались по парку, сидели под деревьями, а в подходящую для прогулок по Темзе погоду мисс Стэкпол занимала то место в лодке, которое до сих пор принадлежало только одной спутнице Ральфа. Общение с Генриеттой оказалось для Ральфа менее неразрешимой задачей, чем он ожидал, будучи в естественном смятении чувств, которое он испытывал после общения со своей удивительной кузиной. Корреспондентка «Интервьюера» часто очень смешила его, а молодой человек уже давно мечтал, чтобы оставшиеся ему дни были бы скрашены безудержным весельем. Со своей стороны, Генриетта не вполне соответствовала утверждению Изабеллы, будто она безразлична к тому, какого мнения о ней мужчины; бедный Ральф, очевидно, представлялся ей некой загадкой, которая ее раздражала и которую она обязана была разгадать, доказав тем самым, что она человек не поверхностный.

– Чем он занимается в жизни? – спросила она Изабеллу в первый же вечер после своего приезда. – Ходит весь день, засунув руки карманы?

– Он ничем не занимается, – улыбнулась ее подруга. – Он пребывает в праздности.

– Я бы сказала, это стыдно... в то время как я должна работать, словно хлопкопрядильная фабрика, – ответила мисс Стэкпол. – Как бы мне хотелось выставить его на всеобщее обозрение!

– Он слаб здоровьем и не может работать, – настаивала Изабелла.

– Фу! Ты сама не веришь тому, что говоришь. Я работаю, даже когда больна! – воскликнула ее подруга. Позже, перед речной прогулкой сев в лодку, она сказала Ральфу, что, наверное, он ее ненавидит – и с удовольствием отправил бы на дно.

– О, нет, – ответил молодой человек. – Я берегу своих жертв для более медленных попыток. А вы такой интересный экземпляр!

– Да, могу сказать, вы сильно мучаете меня. Единственное утешение – я возмущаю все ваши предрассудки.

– Мои предрассудки? У меня нет особых предрассудков. Я просто интеллектуальная скудость в сравнении с вами.

– Тем хуже для вас. У меня есть ряд приятнейших предубеждений. Конечно, я порчу вам флирт, или как вы там это называете, с вашей кузиной. Но мне все равно. Я возмещаю ей это тем, что вытягиваю из вас массу любопытного. Она узнает, как вы слабы духом.

– Ах, сделайте милость, продолжайте, разберитесь во мне хорошенько! – воскликнул Ральф. – Так мало людей способно на подобную заботу!

В этом отношении мисс Стэкпол, похоже, была мастер на все руки, безо всякого сомнения обращаясь, когда предоставлялась возможность, к настоящему допросу.

На следующий день погода выдалась плохой, и молодой человек для развлечения предложил гостю посмотреть картины. Генриетта прошла в его сопровождении по длинной галерее. Ральф показывал самые ценные экспонаты, разъясняя сюжеты картин и рассказывая о художниках. Мисс Стэкпол смотрела молча, не выражая никакого мнения, и Ральф был благодарен ей за то, что она не издавала дежурных восклицаний восторга, которые часто расточали посетители Гарденкорта. Молодой леди следовало отдать должное, она, в самом деле, редко прибегала к штампованным фразам. Она всегда говорила с напряжением и пылом, отчего часто напоминала образованного человека, объясняющегося на иностранном языке. Впоследствии Ральф Тачетт узнал, что Генриетта когда-то работала художественным критиком в Трансатлантическом журнале; но, несмотря на это, в ее кармане не водилось мелкой монеты восторженных банальностей. Внезапно, сразу после того, как Ральф обратил ее внимание на очаровательный пейзаж Констебля¹⁵, она повернулась и взглянула на молодого человека так, словно он сам был некоей картиной.

– Вот так вы всегда и проводите свое время? – спросила мисс Стэкпол.

– Я редко провожу его так приятно, – ответил Ральф.

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. У вас нет никакого постоянного занятия.

– О, – воскликнул Ральф, – я самый ленивый человек в мире!

Мисс Стэкпол снова обратила свой взор на Констебля, а молодой человек указал на висевшую рядом небольшую картину Ватто, на которой был изображен джентльмен в розовом камзоле с гофрированным воротником и в чулках. Он прислонился к пьедесталу статуи нимфы в саду и играл на гитаре двум дамам, сидевшим на траве.

– Вот мой идеал постоянного времяпрепровождения, – сказал молодой человек.

Мисс Стэкпол опять повернулась к нему. Хотя ее глаза были прикованы к картине, Ральф заметил, что не над сюжетом картины она размышляет, а обдумывает нечто более серьезное.

– Не понимаю, как вам удастся быть в ладу со своей совестью, – произнесла она.

– Дорогая моя, у меня нет совести!

– Стоит ее обрести. Она понадобится вам, когда вы решите поехать в Америку.

– Вероятно, я никогда уже туда не поеду.

– Стесняетесь там показаться?

Ральф, слегка улыбаясь, помедлил с ответом.

– Я полагаю, тот, у кого нет совести, не может стесняться.

– Ну и самомнение у вас, – заявила Генриетта. – Вы считаете, это правильно – отказаться от родины?

– Невозможно отказаться от родной страны – как, скажем, и от собственной бабушки. Невозможно уничтожить то, что составляет неотъемлемую часть нас самих.

– То есть если бы это было возможно, вы бы попытались? А как к вам относятся англичане?

– Они от меня в восторге.

¹⁵ Джон Констебль (1776–1837) – знаменитый английский живописец, пейзажист.

– Потому что вы подлизываетесь к ним.

– Ах, – вздохнул Ральф. – Может быть, вы сжалитесь и хоть частично отнесете это на счет моего природного обаяния?

– Я ничего не знаю о вашем природном обаянии. Если оно у вас и есть, то явно приобретенное... вы, видимо, отчаянно пытались приобрести его, живя здесь. Я бы не сказала, что это вам удалось. Во всяком случае, к такому обаянию я равнодушна. Станьте чем-нибудь полезным обществу, и тогда мы вернемся к этому разговору.

– Ну тогда посоветуйте, что мне делать, – смиренно проговорил Ральф.

– Для начала возвращайтесь на родину.

– Понятно. А потом?

– Займитесь чем-нибудь.

– Хорошо, чем конкретно?

– Чем-то, что доставит вам удовольствие и будет удаваться. Какой-нибудь новой идеей или крупным делом.

– А трудно найти такое дело, которое будет удаваться? – поинтересовался Ральф.

– Нет, если вы отдадите ему частичку своего сердца.

– А, моего сердца, – сказал молодой человек. – Если это зависит от моего сердца...

– У вас его нет?

– Несколько дней назад было, но с тех пор его у меня похитили...

– Вы несерьезный человек, – заметила мисс Стэкпол, – вот в чем дело.

Но через несколько дней гостя снова решила привлечь внимание Ральфа к его собственной персоне, но на этот раз предметом разговора стал другой пункт его своенравия.

– Я поняла, в чем ваша беда, мистер Тачетт, – сказала она. – Вы считаете, что слишком хороши для того, чтобы жениться.

– Я считал так до встречи с вами, мисс Стэкпол, – ответил Ральф, – но сейчас мое мнение изменилось...

– Фу! – фыркнула Генриетта.

– ...и мне стало казаться, – продолжил молодой человек, – что наоборот, я недостаточно хорош для этого дела.

– Женитьба благодатно сказала бы на вас. Кроме того, это ваша обязанность.

– О, – воскликнул Ральф, – у человека так много обязанностей! И женитьба тоже?

– Конечно... Разве вы этого не знали? Жениться – долг каждого мужчины.

Ральф на несколько секунд задумался; он был разочарован. Было что-то в мисс Стэкпол, что начало привлекать его; ему казалось, что если она и не была очаровательной женщиной, то, по крайней мере, с ней можно было дружить. Ей не доставало своеобразия, но, как говорила Изабелла, Генриетта была отважной, а это всегда вызывает у окружающих симпатию. Он не ожидал от нее вульгарной неискренности; а последнее заявление вообще резануло его фальшью. Когда незамужняя женщина говорит о необходимости жениться не обремененному супружеством молодому человеку, самым очевидным объяснением ее слов является вовсе не бескорыстный порыв.

– На это можно посмотреть с разных сторон, – уклончиво ответил Ральф.

– Возможно, но это принципиальная вещь. Вы живете в одиночестве потому, что, наверное, считаете себя исключительной личностью – словно хотите дать понять, что ни одна женщина не достойна вас. Думаете, вы чем-то лучше других? В Америке принято всем вступать в брак.

– Если это моя обязанность, разве, по аналогии, вы тоже не обязаны выйти замуж? – спросил Ральф.

Взгляд непроницаемых глаз мисс Стекпол не дрогнул.

– Вы тешите себя надеждой найти трещину в моей позиции? Конечно, я имею такое же право выйти замуж, как все.

– Так вот, – сказал Ральф. – Должен признаться, меня не раздражает то, что вы свободны. Это скорее меня радует.

– Когда же вы станете серьезным? Наверное, никогда.

– Значит, вы не поверите, если в один прекрасный день я скажу вам, что решил покончить со своей практикой жить в одиночестве?

Мисс Стэкпол бросила на молодого человека вполне ободряющий взгляд. Но неожиданно для Ральфа это выражение вдруг сменилось тревогой и даже негодованием.

– Нет, – сухо ответила гостя. После чего с достоинством удалилась.

– Я так и не влюбился в вашу подругу, – сказал Ральф в тот же вечер Изабелле. – Хотя сегодня утром мы толковали, можно сказать, на эту тему.

– И вы сказали что-то, что ей не понравилось? – поинтересовалась девушка.

Молодой человек пристально посмотрел на нее.

– Она жаловалась на меня?

– Генриетта сказала мне, что есть что-то презрительное в тоне, каким европейские мужчины разговаривают с женщинами.

– Она называет меня европейцем?

– Причем одним из худших. Она сказала, будто вы заявили ей нечто такое, что не стал бы говорить ни один американец, но повторять не стала.

Ральф громко рассмеялся.

– Характер мисс Стэкпол – просто экстраординарная смесь. Она воображает, что я ловелас?

– Ну, я думаю, ловеласы есть и среди американцев. Но Генриетте, очевидно, показалось, что вы неправильно истолковали какие-то ее слова и сделали неприятный для нее вывод.

– Я решил, что она предложила мне жениться на ней, и согласился. Что ж тут такого неприятного?

Изабелла улыбнулась.

– Ну, для меня это точно не очень приятно. Я вовсе не хочу, чтобы вы женились.

– Моя милая кузина, что мне с вами обеими делать? – удивился Ральф. – Ведь мисс Стэкпол говорит, что это – мой долг, и намерена проследить за тем, как я его исполню!

– У нее большое чувство ответственности, – резко ответила Изабелла. – В самом деле. И это основной мотив всех ее высказываний. За это я и люблю ее. Она считает вашу свободную жизнь легкомыслием. Именно это Генриетта и хотела объяснить вам. Если вы посчитали, будто она пыталась... завлечь вас, вы глубоко заблуждаетесь.

– Действительно, это был бы странный способ, но я все-таки думаю, что мисс Стэкпол действительно пыталась завлечь меня. Простите меня за мою самонадеянность.

– У вас непомерное самомнение. У Генриетты нет ни на кого видов. Ей и в голову не могло прийти, что вы заподозрите ее в этом.

– Да-а-а... С такой женщиной нужно быть предельно искренним, – кротко заметил Ральф. – Но вы не находите ее натуру слегка странной? Стремиться затрагивать очень личные вопросы, касающиеся других людей – и быть крайне обидчивой в том, что касается ее самой. Зачем же входить в дверь не стучась?

– Да, – согласилась Изабелла, – Генриетта не любит стучать в дверной молоточек. Я подозреваю, что она вообще считает их претенциозным украшением дома. Генриетта уверена, что все двери должны быть распахнуты настежь. Но я все равно люблю ее.

– А я все равно считаю ее слишком бесцеремонной, – возразил молодой человек, чувствуя себя несколько неловко оттого, что дважды обманулся в отношении мисс Стэкпол.

– Да, – улыбнулась Изабелла, – но боюсь, что именно это... нечто плебейское... и притягивает меня в ней.

– Эта причина показалась бы ей очень лестной!

– Если бы я решила сказать ей об этом, я бы выразилась по-другому. Я бы сказала, что в ней есть что-то «истинно народное».

– Народное? А что вы знаете о народе? И что она о нем знает?

– Генриетта знает очень много. А я знаю достаточно, чтобы считать ее олицетворением великой демократии... Американского континента, всей страны, всей нации. Я не говорю, что она в полной мере олицетворяет все эти понятия. От Генриетты нельзя ожидать так много. Но она, сама того не желая, напоминает мне обо всем этом.

– Так она нравится вам из патристических соображений. Боюсь, из этих же соображений она вызывает у меня некоторые возражения.

– О, мне нравится так много! – весело произнесла Изабелла. – Мне нравится все, что задевает мои чувства и поражает мое воображение. Если бы я не боялась показаться хвастушкой, я сказала бы, что у меня разносторонняя натура. Мне нравятся люди, совершенно отличные от Генриетты. Сестры лорда Уорбартона, например. Когда я вижу их, они кажутся мне идеалом. Затем появляется Генриетта, и я немедленно складываю перед ней оружие – не столько по причине ее исключительности, сколько из-за того, что стоит за ней.

– Надо бы осмотреть ее со спины, – озабоченно произнес Ральф.

– Генриетта совершенно права, – сказала Изабелла, – вы никогда не перестанете насмешничать. Я люблю мою великую страну, цветущую, улыбающуюся, раскинувшуюся широко среди рек и прерий аж до лазурных вод Тихого океана! Крепкий свежий душистый аромат исходит от нее, а Генриетта, – простите мне за это сравнение, – частичку его принесла сюда на своих одеждах.

К концу этой пылкой речи Изабелла слегка покраснела, и этот румянец так был ей к лицу, что Ральф несколько секунд с улыбкой смотрел на нее.

– Я не уверен, что воды Тихого океана цвета лазури, – произнес он, – но у вас живое воображение. А Генриетта действительно несет на своих одеждах запах Нового Света... сие совершенно бесспорно!

Глава 11

После этого случая Ральф решил не искать в высказываниях мисс Стэкпол никакого подтекста, даже если ему будет казаться, что они направлены прямо против него. Он старался убедить себя, что, поскольку люди в ее представлении – простые однородные организмы, он, Ральф, являясь обладателем извращенной человеческой натуры, вообще не имеет права общаться с нею на равных. Он следовал своему решению с таким тактом, что отныне молодая американка могла беспрепятственно продолжать свои бесцеремонные допросы, которые в некотором роде олицетворяли ее характер. Положение мисс Стэкпол в Гарденкорте, которое было осенено, с одной стороны, почти сестринским отношением к ней Изабеллы, с другой – благожелательным отношением благородно-величественного патриарха мистера Тачетта, было бы еще более приятно, не ощущай она острую неприязнь со стороны маленькой пожилой дамы, с которой необходимо было считаться, как с хозяйкой дома. Вскоре, однако, Генриетта обнаружила, что эта обязанность была одной из самых легких, поскольку миссис Тачетт не было никакого дела до поведения гостыи. Она лишь выразила удивление, что племянница сочла для себя возможным выбрать для себя в качестве подруги эту странную особу, «репортера в юбке», но тут же добавила, что вообще-то с кем Изабелле дружить – решать самой Изабелле и что в намерения миссис Тачетт не входит ни любить подруг девушки, ни ограничивать круг ее общения.

– Если ты будешь видаться только с теми, кто мне по нраву, дорогая, твое общество будет очень узким, – честно призналась миссис Тачетт. – Не думаю, что кто-то нравится мне настолько, что я могу рекомендовать его тебе в друзья. Рекомендация – серьезное дело. Мне не нравится мисс Стэкпол, не нравятся ее манеры. Она говорит слишком громко и смотрит на меня чересчур пристально. Я уверена, она прожила всю жизнь в меблированных комнатах, а мне не нравится та развязная манера поведения, которая вырабатывается при такой жизни. Возможно, ты считаешь, что мои манеры тоже не слишком хороши, но мне они нравятся значительно больше. Мисс Стэкпол знает, что я не выношу «культуру меблированных комнат», и за то, что я не выношу ее, в ответ эта дама не выносит меня, потому что считает сие лучшим достижением человечества. Гарденкорт понравился бы ей гораздо больше, будь он гостиницей или пансионом. А по мне, так было бы лучше, если б уменьшить в нем количество постояльцев – на одного. Нам с этой особой никогда не сойтись – нечего и мечтать об этом.

Миссис Тачетт была права, говоря, что Генриетта недолюбливает ее, однако не вполне точно определила истинную причину. День-два спустя после приезда мисс Стэкпол хозяйка Гарденкорта позволила себе сделать ряд язвительных замечаний в адрес американских отелей, вызвав поток возражений со стороны корреспондентки «Интервьюера», которая в силу профессии была близко знакома с «техникой гостеприимства» в своей стране. Генриетта определила американские отели как лучшие в мире, а миссис Тачетт выразила глубокое убеждение, что они являются худшими. Ральф со свойственной ему мягкостью попытался приглушить конфликт, предположив, что истина где-то посередине и что американские отели можно аттестовать как вполне удовлетворительные. Но мисс Стэкпол встретила это миротворческое замечание в штыки. Удовлетворительные! Если они не лучшие в мире, тогда лучше пусть будут худшими – в Америке не может быть просто «средних» отелей!

– Очевидно, мы судим с разных точек зрения, – изрекла миссис Тачетт. – Я люблю, когда ко мне относятся как к личности. А вам нравится, когда вас принимают как представительницу «большинства»!

– Не знаю, что вы имеете в виду, – ответила Генриетта. – Я люблю, когда меня принимают как даму, и к тому же американку.

– Бедные американские дамы! – со смехом воскликнула миссис Тачетт. – Рабыни рабов!

– Они – соратницы свободных граждан, – возразила Генриетта.

– Они – соратницы горничных-ирландок и лакеев-негров. Бедняжки работают наравне с прислугой!

– Так тех, кто прислуживает, вы считаете рабами? – спросила мисс Стэкпол. – Если вы столь заносчивы, ничего удивительного, что вам не нравится в Америке.

– Когда у тебя нет подобающей прислуги, ты представляешь собой жалкое зрелище, – невозмутимо провозгласила миссис Тачетт. – Во Флоренции у меня пятеро вышколенных слуг – в Америке, действительно, таких не найти.

– Не понимаю, зачем вам столько, – не смогла удержаться Генриетта. – Не думаю, что мне бы понравилось видеть вокруг себя пять раболепствующих лакеев.

– А меня именно это и устраивает! – вскричала, смеясь, миссис Тачетт.

– Ты любила бы меня больше, если бы я был твоим дворецким, дорогая? – осведомился мистер Тачетт.

– Вряд ли. Ты был бы очень плохим дворецким.

– «Соратницы свободных граждан». Мне понравилось это выражение, мисс Стэкпол, – заметил Ральф. – Отлично сказано.

– Говоря о свободных гражданах, я вовсе не имела в виду вас, сэр!

И это было все, чего удостоился молодой человек за свою лояльность. А Генриетта – Генриетта была в смятении: миссис Тачетт защищала класс людей, который она, мисс Стэкпол, считала пережитком феодализма...

Впрочем, возможно, она слегка нервничала и по другой причине; несколько дней в ней происходила какая-то внутренняя борьба, но потом все же она завела серьезный разговор с Изабеллой наедине.

– Моя дорогая, я подозреваю, что ты изменилась.

– Изменилась? По отношению к тебе, Генриетта?

– Нет, это было бы ужасно, но я не об этом.

– Тогда – изменилась по отношению к своей родной стране?

– О, надеюсь, этого никогда не случится. В своем письме из Ливерпуля я написала, что мне нужно что-то тебе сказать. Ты ни разу не спросила меня об этом. Ты ни о чем не догадываешься?

– О чем? Знаешь, я не очень догадлива, – сказала Изабелла. – Теперь я вспомнила фразу из твоего письма, о которой, признаться, запамятовала. О чем ты хочешь мне рассказать?

Неподвижный взгляд Генриетты выражал разочарование.

– Ты спрашиваешь как-то рассеянно. Ты изменилась... ты думаешь совершенно о другом.

– Скажи мне, в чем дело, и я буду думать об этом.

– Обещаешь? Мне бы этого очень хотелось.

– Я не особенно способна контролировать свои мысли, но постараюсь, – уверила ее Изабелла.

Генриетта так пристально и так долго смотрела на подругу, словно испытывая ее терпение, что та наконец не выдержала.

– Уж не собираешься ли ты выйти замуж?

– Не раньше, чем посмотрю Европу! – ответила мисс Стэкпол. – Что ты смеешься? – продолжала она. – Если хочешь знать, на пароходе со мной плыл мистер Гудвуд.

– О! – воскликнула Изабелла.

– Да, да. Мы много говорили. Он ехал к тебе.

– Он так тебе сказал?

– Нет, он ничего мне не сказал – оттого-то мне и стало все ясно, – ответила Генриетта. – Мистер Гудвуд вообще очень мало говорил о тебе – в отличие от меня.

Изабелла несколько мгновений молчала. При упоминании имени мистера Гудвуда она слегка покраснела, и сейчас румянец на ее лице постепенно таял.

– Напрасно ты это делала, – произнесла она наконец.

– Мне было приятно, и мне нравилось, как он слушал. С таким собеседником можно долго разговаривать. Он внимал мне не перебивая, не желая упустить ни звука, буквально впитывая мои слова.

– И что же ты сказала обо мне? – поинтересовалась Изабелла.

– Что ты – прекраснейшее создание на свете.

– Очень жаль. Он и так уже слишком хорошо думает обо мне. Его не следовало поощрять в этом.

– Но он так жаждал, чтобы его поощрили! Я до сих пор вижу его лицо и тот серьезный вдохновенный взгляд, каким он смотрел на меня во время нашей беседы. Никогда не видела, чтобы некрасивый мужчина вдруг так преобразился!

– Он очень бесхитростен, – сказала Изабелла. – И не так уж и некрасив.

– Нет ничего бесхитростнее великой страсти.

– Нет тут никакой великой страсти. Я совершенно уверена.

– Но говоришь ты не очень уверенно.

Изабелла довольно холодно улыбнулась.

– Я постараюсь как можно увереннее объяснить это самому мистеру Гудвуду.

– Он скоро предоставит тебе такую возможность, – сказала Генриетта.

Изабелла ничего не ответила на замечание, сделанное подругой с огромной убежденностью.

– Мистер Гудвуд найдет тебя очень изменившейся, – произнесла мисс Стэкпол. – На тебя сильно повлияло твое новое окружение.

– Очень похоже. На меня влияет буквально все.

– И все, кроме мистера Гудвуда! – со смехом воскликнула Генриетта.

Изабелла даже не улыбнулась в ответ и через мгновение спросила:

– Он просил тебя поговорить со мной?

– Не совсем так. Но его глаза просили об этом... и еще его рукопожатие, которым мы обменялись на прощание.

– Благодарю тебя за то, что ты мне все рассказала, – произнесла Изабелла и отвернулась.

– Да, ты все-таки изменилась. Ты набралась здесь новых мыслей, – продолжала ее подруга.

– Я надеюсь на это, – ответила Изабелла. – Каждый должен стараться приобретать как можно больше новых мыслей.

– Конечно, но они не должны вытеснять старые.

Изабелла снова повернулась к Генриетте.

– Если ты думаешь, будто у меня были идеи по поводу мистера Гудвуда... – Она сделала паузу. Глаза подруги расширились и стали огромными.

– Мое милое дитя, но ведь ты определенно поощряла его ухаживания, – провозгласила мисс Стэкпол.

На какое-то мгновение показалось, что Изабелла сейчас откажется от подобного обвинения, но вместо этого она вдруг призналась:

– Это правда. Я поощряла его.

Затем она поинтересовалась, не спрашивала ли подруга о том, что мистер Гудвуд собирается делать в Европе. Этот вопрос был продиктован лишь любопытством, поскольку она не получала удовольствия от обсуждения мистера Гудвуда с Генриеттой Стэкпол. Она подумала, что со стороны Генриетты поднимать эту тему было весьма неделикатно – даже при том условии, что она ее верная подруга.

– Я спросила у него, и он сказал, что ничем не собирается заниматься, – ответила мисс Стэкпол. – Но я этому не верю. Мистер Гудвуд не способен бездельничать. Это человек действия. Что бы с ним ни случилось, он всегда чем-то занят и всегда будет чем-то занят. И что бы он ни делал – все делает правильно.

– Я совершенно с тобой согласна, – поспешила сказать ее подруга. Хотя Генриетте и не хватало такта, Изабелла была тронута пылкостью ее чувств.

– А все-таки он тебя интересуется, – пробормотала Генриетта.

– Все, что он ни делает, он делает правильно, – продолжала Изабелла. – Какое дело подобному человеку без страха и упрёка, интересуется им кто-либо или нет?

– Возможно, ему и нет никакого дела, но это важно для другого человека.

– О, для меня является важным совсем не то, о чем мы говорим, – слегка улынувшись, заметила Изабелла.

Ее собеседница помрачнела.

– Что ж, я вижу, ты действительно переменялась, – заметила она. – Ты уже не та девушка, какой была несколько недель назад, и мистер Гудвуд увидит это. Я думаю, он вот-вот появится.

– Надеюсь, теперь он возненавидит меня, – сказала Изабелла.

– Уверена, что эта надежда столь же мала, как и его способность испытать подобное чувство.

Последняя реплика осталась без ответа; Изабеллу не на шутку встревожило сообщение, что мистер Гудвуд мог появиться в Гарденкорте. Возможно, тревога была слишком сильным определением того дискомфорта, который испытала девушка, узнав об этом непредвиденном обстоятельстве. Но этот дискомфорт мучил ее, и для этого было много разных причин. Изабелла старалась убедить саму себя, что это невозможно, и позже поделилась этой мыслью с подругой, но в течение следующих сорока восьми часов тем не менее готовилась услышать весть о приезде молодого человека. Ей стало душно, словно что-то менялось в атмосфере – а атмосфера в Гарденкорте (и в переносном смысле тоже) во время всего пребывания Изабеллы была такой приятной, что любое изменение могло быть только в худшую сторону. Однако через пару дней напряжение стало спадать. Со слегка растерянным видом Изабелла, одетая в белое платье с черными лентами, прогуливалась по парку в сопровождении резвого Банчи и через некоторое время присела на скамью неподалеку от дома под роскошно раскинувшимся буквым деревом, представляя собой среди перемежающихся теней очень грациозную и гармоничную картину. Иногда (Изабелла старалась как можно тщательнее соблюдать соглашение с кузеном о совместном владении общительной собачкой и следовать справедливости в сем соглашении настолько, насколько это позволял ветреный и переменчивый нрав терьера) девушка развлекала себя, беседуя с Банчи. Но сейчас почему-то Изабелле наскучило общение со своим не слишком-то интеллектуальным спутником, и она подумала, не принести ли ей в парк книгу. Раньше, когда у нее было тяжело на сердце, она могла с помощью правильно выбранного произведения утомониться, вернуть себе спокойную ясность ума. Однако последнее время ее любовь к литературе как-то потускнела. Даже после того, как Изабелла напонила себе, что в библиотеке дяди были представлены все без исключения авторы, которым полагалось находиться в коллекции книг настоящего джентльмена, она не сдвинулась с места и продолжала сидеть и смотреть прямо перед собой на свежий зеленый дерн лужайки. Ее раздумья были прерваны появлением слуги, который протянул девушке письмо. На конверте была наклеена лондонская марка. Почерк был ей знаком – по крайней мере, показался знакомым, поскольку она только что думала об авторе послания. Письмо было коротким, и я могу привести его полностью.

«Дорогая мисс Арчер, не знаю, слышали ли Вы о моем приезде в Англию, но даже если нет – это едва ли удивит Вас. Вы помните, что отказали мне в Олбани три месяца назад, но

я не согласился с этим. И мне определенно показалось, что Вы поняли меня и признали, что я, со своей стороны, не так уж не прав. Тогда я приезжал увидеть Вас с надеждой, что Вы позволите мне убедить Вас, и имел достаточно оснований надеяться на успех. Вы не оправдали моих надежд, и не смогли привести причин того, отчего Вы так переменились ко мне. Вы признали, что Ваше поведение неразумно, и только, – но это ничего мне не объясняет, потому что это отнюдь не соответствует действительности. Вы вовсе не неблагоприятны, и никогда такой не будете. Исходя из этого, я уверен, что Вы позволите мне снова увидеться с Вами. Вы сказали, что я не антипатичен Вам, и я верю в это, поскольку не вижу никаких причин для этого. Я всегда думаю только о Вас и никогда не буду думать о ком-либо другом. Я приехал в Англию только потому, что Вы здесь; я не мог оставаться дома после того, как Вы уехали; мне опостылела моя страна, поскольку Вас уже нет там. Я бывал в Англии прежде, и она мне никогда особенно не нравилась. Если теперь это не так, то только из-за того, что сейчас здесь живете Вы. Могу ли я заехать к Вам на полчаса? Сейчас это самое сокровенное мое желание.

Искренне Ваш,

Каспар Гудвуд».

Изабелла так погрузилась в это послание, что не услышала шелеста приближающихся по мягкой траве шагов. Машинально складывая письмо, она наконец подняла глаза. Перед ней стоял лорд Уорбартон.

Глава 12

Она спрятала письмо в карман и приветливо улыбнулась гостю, не выдав своего смятения и сама дивясь своему самообладанию.

– Мне сказали, что вы в парке, – произнес лорд Уорбартон. – В гостиной никого не оказалось, и я без колебаний пришел сюда, потому что мне хотелось увидеть вас.

Изабелла встала. Ей почему-то не хотелось, чтобы он сидел рядом.

– Я как раз собиралась пойти в дом, – сказала она.

– Прошу вас, оставайтесь, – здесь гораздо приятнее! Сегодня чудесный день. Я приехал из Локли верхом. – Лорд произнес это с необыкновенно дружеской и располагающей улыбкой. Вся его фигура, казалось, излучала радость прекрасного самочувствия, что очаровало девушку еще в первый день знакомства. Она окружала гостя словно теплый июньский воздух.

– Давайте поговорим здесь, – согласилась Изабелла, в которой желание избежать объяснений боролось с не меньшим желанием удовлетворить свое любопытство. Однажды лорд уже намекнул на свои намерения, и это вселило в нее немалую тревогу. Тревога эта вызывалась многогранным чувством, и отнюдь не все элементы его были неприятными; она потратила несколько дней, чтобы разобраться в них, из того, что тяготило ее, она сумела выделить приятное – то, что лорд Уорбартон пытается объясниться ей в любви. Иной читатель рассудит, что наша героиня одновременно была и безрассудна, и очень разборчива – но последнее обвинение, если оно являлось справедливым, могло служить оправданием первому. Изабелла отнюдь не пыталась убедить себя, что этот земельный магнат, как называли при ней не раз лорда Уорбартона, не мог не быть очарован ею; предложение от такого лица скорее создавало трудности, чем их разрешало. Изабелла понимала, что лорд Уорбартон – «персона», и она старалась разобраться, что это значит. Читатель может улыбнуться, но были моменты, когда мысль о том, что она обожаема «персоной», вызывала в ней стойкую, почти агрессивную, неприязнь. Раньше таких людей не было среди ее знакомых – в ее родной стране она не сталкивалась с «персонами», возможно, потому, что их там не было. В основе человеческого превосходства, считала она, лежит характер – который проявляется в том, как человек мыслит и что говорит. Она сама имела характер и знала об этом; до настоящего времени истинно высокая духовность в ее представлении определялась в основном нравственными качествами человека – и она оценивала их по тому, откликнется или нет на них ее возвышенная душа. Лорд Уорбартон воспринимался ею как нечто могучее и ослепительное, как совокупность средств и сил, неподвластных обычным измерениям, и требующий оценки по совершенно иной шкале – шкале, выстроить которую у Изабеллы, с ее привычкой судить быстро и свободно, не хватало терпения. Конечно, был шанс разом разрешить ситуацию, и, возможно, это было бы лучше всего – лорд был на удивление приятным человеком. Она могла убеждать себя в этом, но не в силах была убедить. Она ощущала, что этот земельный магнат, этот человек, занимающий такое высокое социальное положение, мощным движением пытался втянуть ее в свою орбиту, в которой существовал и вращался по определенным законам. Но что-то внутри ее, какой-то инстинкт заставлял, но не просто приказывал, а как бы убеждал ее сопротивляться, словно говоря: у тебя свой мир, своя орбита. Он нашептывал ей и другие вещи, – которые одновременно и перечеркивали, и подкрепляли друг друга, – слова о том, что не так уж плохо было бы довериться Уорбартону, войти в его мир и посмотреть на него изнутри; но с другой стороны, этот мир, очевидно, таил в себе такие подводные камни, которые усложняли бы ей жизнь или вообще сделали бы ее невыносимой. А тут еще появился человек, который приехал из Америки; конечно, никакой «орбиты» у него не было, но зато он обладал характером, и бесполезно было ей убеждать себя, что он не имел для нее никакого значения. Письмо, лежащее у нее в кармане, говорило как раз об обратном. Улыбнется здесь читатель или нет – я повторяю: не смейтесь над этой просто-

душной девушкой из Олбани, раздумывавшей, стоит ли принимать предложение (хотя оно еще и не было сделано) английского лорда, и уверенной, что, вполне возможно, когда-нибудь ей представится и лучший выбор. Изабелла верила в свою звезду – и если в ее рассуждениях было немало безрассудного, то, поспешим заверить ее строгих судей, впоследствии она изменилась и поумнела – правда, ценою таких безрассудств, что остается только взывать к милосердию.

Лорд Уорбартон был готов ходить, сидеть, словом, делать все, что ему прикажет Изабелла, ибо он был джентльменом, для которого нет ничего приятнее, чем следовать светским обязанностям, – он не устал уверять ее в этом. Тем не менее он не вполне владел собой, и, когда шел с ней рядом, он частенько искоса бросал на нее взгляды; эти взгляды и смех невольно выдавали его смущение. Мы однажды уже касались этой темы, и я готов повторить – англичане, безусловно, самый романтический народ в мире, и лорд Уорбартон был готов подтвердить это своим собственным примером. Он собирался сделать шаг, который неприятно удивил бы большинство его друзей. Молодая особа, которая сейчас шла с ним рядом, приехала из несуразной заокеанской страны. Он знал о ней довольно много; прошлое Изабеллы, ее близкие представлялись ему очень смутно – он знал только, что они типичные американцы, и, следовательно, люди совершенно чуждые ему.

Мисс Арчер не обладала ни состоянием, ни блестящей красотой – оба эти качества еще могли в глазах общества извинить безрассудство лорда. К тому же в общей сложности он провел с мисс Арчер двадцать шесть часов. С одной стороны, с чувством, вспыхнувшим в нем, было совершенно невозможно справиться; с другой стороны – его ожидало обязательное осуждение той половины человечества, которая так любит судить других. Он вполне осознавал все это. Но, закончив анализировать, он спокойно отогнал эти мысли, – все это столь же мало значило для него, как, скажем, наличие или отсутствие цветка в петлице. Большую часть своей жизни он прожил так, что ему удалось не навлечь на себя неудовольствия друзей – и единственный раз в жизни, считал он, он мог позволить себе делать то, что он хотел.

– Наверное, прогулка верхом доставила вам большое удовольствие? – спросила Изабелла, от которой не ускользнуло замешательство ее спутника.

– Разумеется – ведь она привела меня сюда, – ответил лорд Уорбартон.

– Вы так любите Гарденкорт? – поинтересовалась Изабелла, уверенность которой в том, что он приехал объясниться, росла с каждой минутой. Она не хотела побуждать его к этому – если он еще не решился; и одновременно решила хранить спокойствие – в том случае, если он все же заговорит. Ей вдруг пришла в голову мысль, что несколько недель назад подобная сцена показалась бы ей очень романтической – парк в старинном английском поместье, знатный лорд, намеревающийся признаться в любви девушке, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась не кем иным, как ею самой.

– Мне безразличен Гарденкорт, – сказал лорд Уорбартон. – Я приехал сюда только из-за вас.

– Вы слишком мало меня знаете, чтобы так говорить, и я не могу воспринимать ваши слова всерьез.

Изабелла лукавила: она не сомневалась в искренности лорда Уорбартона; подобное скоропалительное признание в обществе вызвало бы удивление – и она сказала это, следуя «правилам приличия». Если ей и требовались какие-то доказательства искренности лорда Уорбартона, тон, которым он произнес свои слова, не оставлял никаких сомнений.

– Право в подобных вопросах определяется не временем, а глубиной чувства, мисс Арчер. Жди я три месяца – ничего бы не изменилось, моя уверенность была бы столь же крепка. Да, мы с вами виделись очень мало, но мое впечатление о вас сложилось при первой же встрече. Я полюбил вас в тот же миг, как увидел, – это была любовь с первого взгляда, как пишут в романах. Теперь я знаю, что это не просто красивая фраза, и впредь буду относиться к литературе с большим уважением. Те два дня, которые я провел здесь, решили все – я с вели-

чайшим вниманием следил за каждым вашим движением, внимал каждому вашему слову. К тому времени, когда вы уезжали из Локли, у меня не оставалось уже ни малейших сомнений. Тем не менее все эти дни я мучительно думал и допрашивал себя – я человек разумный и допускать ошибки в подобных вещах мне не свойственно. Меня трудно тронуть – но уж если подобное случилось, то это – на всю жизнь. На всю жизнь, мисс Арчер, на всю жизнь, – повторил лорд Уорбартон так ласково, так нежно, как никогда еще никто не говорил с ней. Глаза его были полны любви – любви, очищенной от всего низменного, – от жара страсти, от безрассудства и неистовства. Они сияли ровным тихим светом – словно защищенная от ветра свеча.

Пока он говорил, они оба все замедляли и замедляли шаг – словно по обоюдному согласию – и наконец остановились. Лорд взял руку Изабеллы в свою.

– Ах, лорд Уорбартон, как вы мало меня знаете! – снова, очень мягко, сказала Изабелла. И столь же мягко отняла руку.

– Не корите меня этим. Мне и так больно оттого, что я мало знаю вас. В этом мое несчастье. Но именно этого я и хочу, и, мне кажется, я выбрал верный путь. Станьте моей женой, я узнаю вас, и, когда буду говорить о вас хорошие слова, вы не сможете упрекнуть меня в том, что я делаю это по незнанию.

– Если вы меня знаете мало, то я не знаю вас вовсе, – продолжала Изабелла.

– Вы хотите сказать, что в отличие от вас я могу потерять при более близком знакомстве? О, конечно, это возможно. Но вы же представляете, как я буду стараться, чтобы вы были мною довольны, – раз уж я осмелился так говорить с вами. Вы же неплохо относитесь ко мне, не так ли?

– Вы мне очень нравитесь, лорд Уорбартон, – ответила девушка, и в этот момент он действительно был бесконечно приятен ей.

– Благодарю вас. Как хорошо, что я не совсем уж чужой в ваших глазах. Право, я всегда весьма неплохо умел поддерживать отношения с разными людьми и не вижу, почему бы эта моя миссия в отношении вас должна потерпеть фиаско, тем более что она будет мне очень приятна. Спросите обо мне тех, кто меня знает, – у меня много друзей, которые, я надеюсь, способны сказать обо мне доброе слово.

– Мне не нужны рекомендации ваших друзей, – сказала Изабелла.

– Рад это слышать. Так вы доверяете мне?

– Совершенно, – ответила Изабелла, и это было правдой.

Лицо лорда Уорбартона просияло, и он облегченно вздохнул.

– Если я не оправдаю вашего доверия – пусть я лишусь всего, что имею, мисс Арчер!

«Неужели он решил напомнить мне, что богат? – спросила Изабелла саму себя, но тут же с негодованием отвергла эту мысль. Было очевидно, что это свойство, будучи присуще ему от рождения, абсолютно не занимало его – он предоставлял право помнить об этом его собеседникам, а уж той, кому он предлагал руку и сердце, – и подавно. Изабелле, прилагавшей все силы, чтобы не разволноваться, удавалось сохранить присутствие духа и даже – позволить себе взглянуть на лорда Уорбартона критически. Она лихорадочно искала слова для ответа. Ей хотелось сказать ему тоже что-нибудь ласковое. Почему-то она безоговорочно поверила его словам. Она чувствовала: лорд Уорбартон полюбил ее.

– Не знаю, как выразить свою благодарность за ваше предложение, – сказала она наконец. – Это для меня большая честь.

– Господи, только не это! – вырвалось у него. – Этого я и боялся. Не понимаю, почему вы должны благодарить меня, – это я должен благодарить вас за то, что вы выслушали меня. Ведь мы едва знакомы, а я обрушил на вас свои излияния! Это столь важный вопрос – его, конечно, легко задать, но, будь я на вашем месте, я сам бы не знал, как на него ответить. Но вы выслушали его – или, во всяком случае, слушали меня, – и это позволяет мне надеяться.

– Не следует надеяться слишком сильно, – сказала Изабелла.

– О мисс Арчер! – с натянутой улыбкой пробормотал ее собеседник, словно опасаясь, что такой возглас мог быть принят за проявление преувеличенного восторга.

– А вас бы очень поразило, если бы я попросила вас не надеяться? – спросила Изабелла.

– Поразило? Не понимаю, что вы подразумеваете под этим словом. Просто сразило бы. Изабелла вновь двинулась по дорожке, несколько минут она молчала.

– Я уверена, что, если бы мы познакомились ближе, я, хотя и так ценю вас очень высоко, стала думать бы о вас еще лучше, – произнесла она наконец. – Но я совершенно не уверена, что с вами было бы то же самое. Говорю это не из ложной скромности. Это совершенная правда.

– Я намерен рискнуть, мисс Арчер, – заявил ее собеседник.

– Это важный вопрос – вы сами сказали это. И он еще и очень трудный.

– Я и не рассчитываю, что вы сразу ответите мне. Думайте, сколько вам будет угодно. Если я выиграю от ожидания – я готов ждать и ждать. Но помните: от вашего ответа зависит счастье всей моей жизни.

– Мне не хотелось бы мучить вас неопределенностью, – сказала Изабелла.

– Ничего страшного. Я предпочту получить согласие через полгода, нежели отказ сейчас.

– Но, возможно, даже через полгода я не смогу дать ответ, который бы вас устроил.

– Но почему – если вы сами сказали, что хорошо относитесь ко мне?

– Вне всяких сомнений, – сказала Изабелла.

– Тогда что же вам еще искать?

– Речь идет не о том, что я ищу; речь идет о том, что я сама могу предложить. Не думаю, что я подхожу вам. В самом деле.

– Не беспокойтесь об этом, это мое дело. Не надо быть большим роялистом, чем сам король.

– Не только это, – продолжала Изабелла. – Я вообще не уверена, что хочу замуж.

– Конечно, не уверены. Я думаю, большинство женщин не уверены, – возразил его светлость, впрочем совершенно не веривший в то, что говорил, – он пытался заглушить поднимающуюся в нем тревогу. – Но они часто дают себя уговорить.

– Это потому, что они хотят, чтобы их уговорили, – вздохнула Изабелла и улыбнулась.

Лорд Уорбартон изменился в лице и молча смотрел на нее.

– Боюсь, ваши колебания связаны с тем, что я англичанин, – произнес он наконец. – Я слышал, ваш дядюшка высказывал пожелание, чтобы вы вышли замуж на родине.

Изабелла выслушала это заявление с некоторым интересом; ей никогда не приходило в голову, что дядюшка мог обсуждать матримониальные вопросы, касающиеся ее, с лордом Уорбартоном.

– Он вам говорил это? – удивилась она.

– Я помню, он сказал что-то в этом духе; но, возможно, он говорил об американках вообще.

– Однако он сам не возражал поселиться в Англии, – заметила она.

Хотя это замечание было высказано весьма строптивым тоном, означало оно лишь то, что, как ей кажется, дядя вполне доволен своей судьбой, – и, может быть, еще то, что она не намерена придерживаться чьей-то одной, ограниченной точки зрения. Но это дало ее собеседнику надежду, и он горячо воскликнул:

– О, дорогая мисс Арчер, поверьте мне, Англия – прекрасная страна! И она станет еще лучше, если мы попробуем слегка подчистить ее от ржавчины.

– Ни в коем случае. Не надо ничего трогать. Мне Англия нравится именно такой.

– Однако, если вам здесь нравится, я уж совсем не могу понять, почему вы отказываетесь принять мое предложение.

– Боюсь, мне не удастся вам это объяснить.

– Вы должны хотя бы попробовать; должен вас уверить, я достаточно понятлив... Вас пугает климат? Мы можем поселиться в любой другой стране. Выберите любой климат, который вам подойдет, – в любой части света.

Эти слова были сказаны с такой нежностью и таким пылом, что Изабелле показалось – они проникли ей в самое сердце. Она многое бы отдала в этот момент, чтобы в ней возникло сильное, ясное чувство, с которым она могла бы сказать своему собеседнику: «Лорд Уорбартон, для меня нет лучшей доли, чем вверить вам свою судьбу». Но, хотя она и была почти готова сказать ему это, что-то удержало ее; она была очарована им, но не взята в плен. И в конце концов она сказала нечто другое – то, что позволяло ей выиграть время.

– Если вы сочтете это возможным, мне не хотелось бы продолжать этот разговор сегодня.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился он. – Я и так наскучил вам до смерти.

– Вы дали мне пищу для размышлений, и я обещаю, что хорошенько обдумаю ваше предложение.

– Только об этом я и просил вас. Но помните: мое счастье в ваших руках.

Изабелла слушала его с сочувственным вниманием, но это не помешало ей пояснить спуска мгновение:

– Я вынуждена сказать вам: то, что я собираюсь обдумать, – это всего лишь, как изложить причины своего отказа таким образом, чтобы как можно менее задеть ваши чувства.

– Это невыполнимо, мисс Арчер. Ваш отказ убьет меня. Я не умру, со мной произойдет нечто худшее: я буду влачить бесцельное существование.

– Вы женитесь на женщине, которая будет лучше, чем я.

– Не говорите так, прошу вас, – сказал лорд Уорбартон очень серьезно. – Это несправедливо по отношению к нам обоим.

– Ну тогда женитесь на женщине, которая будет хуже меня, – сказала Изабелла.

– Если существуют женщины лучше вас, я предпочел бы худшую, – произнес лорд, не приняв шуток. – У всех свои вкусы.

Его серьезность передалась ей, и она снова попросила его оставить эту тему.

– Очень скоро я сама вернусь к нашему разговору, – сказала она. – А может быть, я напишу вам.

– Как вам будет удобно, – отозвался лорд. – Время будет тянуться медленно, но я постараюсь набраться терпения.

– Я не буду долго томить вас. Мне просто необходимо немного собраться с мыслями.

Лорд печально вздохнул и, остановившись, задумчиво смотрел на нее, заложив руки за спину и постукивая хлыстом по сапогам.

– Вы знаете, что я очень боюсь – боюсь того, что творится в вашей голове? – спросил он.

При этих словах, – хотя биограф вряд ли мог бы объяснить почему, – Изабелла вспыхнула. Их взгляды встретились, и она, словно взывая к его состраданию, воскликнула:

– Я тоже, милорд!

Однако это ее восклицание не вызвало в нем жалости – в данный момент сочувствие требовалось ему самому.

– Будьте милосердны, – пробормотал он.

– Я думаю, сейчас вам лучше уйти, – сказала Изабелла. – Я напишу вам.

– Благодарю. Но что бы вы ни написали, я все равно должен снова увидеть вас.

Он постоял в раздумье, глядя на Банчи, который, словно поняв все, о чем тут говорилось, потупив мордочку, с большим вниманием занимался корнями старого бука.

– Что я хотел вам еще сказать... – снова начал лорд Уорбартон. – Если вам не нравится Локли... Если дом кажется вам сырым и вообще... вы можете и не показываться там. Кстати, дом вовсе не сырой – я осмотрел его сверху донизу, – его состояние вполне пригодно для жилья. Но если вам там не по душе, совершенно не обязательно жить там. У меня много домов...

впрочем, я, кажется, уже говорил вам это. Видите ли, многие не любят, когда дом окружает ров... До свидания.

– Я ничего не имею против рва, – вздохнула Изабелла. – До свидания.

Лорд протянул руку, и на какое-то мгновение она подала ему свою – этого мгновения оказалось достаточно, чтобы он наклонился и поцеловал ее. Затем лорд Уорбартон удалился – и его волнение выдавали только резкие взмахи хлыстом.

Изабелла тоже была взволнована – но менее, чем ожидала. Она не испытывала ни чувства ответственности, ни страха перед сложностью выбора – поскольку была уверена, что в данной ситуации выбора у нее не было. Она не могла выйти замуж за лорда Уорбартона – потому что сама эта идея не вязалась с ее пониманием идеала свободного познания жизни, которому она, как ей казалось, уже начала следовать. Ей просто нужно будет написать ему это, убедить – задача несложная. Ее тревожило другое – то, что ей никакого труда не составило отказаться от предложения лорда Уорбартона. Что ни говори – прими она его, перед ней открывались невиданные ранее возможности, и пусть союз с лордом мог иметь свои недостатки, свои теневые стороны, Изабелла совершенно ясно понимала, что девятнадцать женщин из двадцати дали бы свое согласие не колеблясь. Почему же для нее это не имело никакой притягательной силы? Кто она такая, в конце концов, почему она считает возможным ставить себя над другими? Чего она хочет от жизни, какого счастья ищет, какой ожидает судьбы, если мнит себя выше такого высокого положения? Если она отвергает это, значит, она должна совершить что-то большее? Уж не гордыня ли это, тягчайший грех – она боялась его как огня, отчужденность и одиночество гордыни внушали ей ужас не меньший, чем безлюдная пустыня. Нет, она отвергала лорда не из гордыни – она бы сумела справиться с собой. Он и в самом деле очень нравился Изабелле, слишком нравился, чтобы она осмелилась выйти за него замуж. В логике его рассуждений таилась какая-то ошибка; Изабелла чувствовала, что было бы не очень честно наградить человека, предлагающего столь много, так скептически настроенной женой. Изабелла обещала ему подумать и, когда он ушел, вернулась на скамейку, где лорд застал ее, и погрузилась в размышления – казалось, она выполняла его пожелание. Но на самом деле это было не так. Изабелла пыталась разобраться в себе и понять, почему она так бесчувственна. Наконец она поднялась и быстро пошла к дому, чувствуя, что в самом деле боится себя – как она и призналась лорду Уорбартону.

Глава 13

Именно это чувство, а не желание посоветоваться, побудило Изабеллу рассказать дяде о предложении лорда Уорбартона. Ей просто необходимо было поговорить с кем-то – тогда она смогла бы успокоиться, привести свои мысли в порядок; и дядя казался для этого ей лучшей кандидатурой, чем миссис Тачетт или Генриетта. Разумеется, она могла бы «исповедоваться» Ральфу, но ей не хотелось посвящать его в столь деликатное дело. На следующий день после завтрака она выбрала подходящий момент. Дядя никогда не выходил из своих апартаментов до полудня, но принимал близких, как он выражался, друзей в гостиной. Изабелла входила в число таких «друзей» наряду с сыном старика, его личным врачом, слугой и даже мисс Стэкпол. Миссис Тачетт не фигурировала в списке, и потому круг людей, который мог помешать девушке попасть на прием, уменьшался на одну персону. Мистер Тачетт сидел у открытого окна в инвалидном кресле, представлявшем собой сложный механизм, и смотрел на парк и реку. Письма и газеты стопкой лежали рядом. Он только что закончил утренний туалет, и на его умном, спокойном лице отразилось выражение благожелательного интереса. Изабелла сразу перешла к делу.

– Думаю, я должна сообщить вам, что лорд Уорбартон сделал мне предложение. Полагаю, я должна известить об этом и тетю, но я решила сначала поговорить с вами.

Старик не выразил удивления и поблагодарил племянницу за оказанное доверие.

– Могу я поинтересоваться, что ты ему ответила? – спросил он затем.

– Пока ничего. Я попросила время подумать, поскольку к такому предложению нужно отнестись с учтивостью. Но я не приму его.

Мистер Тачетт ничего на это не ответил. Старик считал, что каким бы ни было его мнение, вмешиваться он не вправе.

– Вот видишь, я не зря предсказывал, что ты будешь иметь здесь большой успех. Американцы теперь в цене.

– Действительно, – согласилась Изабель, – но цена мне не очень подходит. Я не могу выйти замуж за лорда Уорбартона.

– Конечно, в моем возрасте, – продолжал старик, – трудно смотреть на жизнь глазами юной леди. Я рад, что ты пришла ко мне не за советом, а уже поделиться своим решением. Наверное, мне следует тоже признаться тебе, – добавил он таким тоном, словно его слова не имели никакого значения, – я знаю об этом уже три дня.

– О решении лорда Уорбартона?

– О его серьезных намерениях, как здесь принято выражаться. Он написал мне очень учтивое письмо и обо всем проинформировал меня. Хочешь прочесть? – любезно предложил старик.

– Благодарю. Я думаю, мне незачем его читать. Но я рада, что он написал вам. Это, я думаю, положено, а лорд всегда делает, как должно.

– А он, похоже, тебе нравится! – заявил мистер Тачетт. – Не делай вид, будто это не так.

– Он мне очень нравится. Я охотно признаюсь в этом. Просто... сейчас мне не хочется ни за кого замуж.

– Думаешь, сможешь встретить другого, который понравится тебе еще больше? Что ж, вполне вероятно, – произнес мистер Тачетт. Казалось, он хотел поддержать племянницу, подтвердив правильность ее решения и подобрав убедительные причины.

– Мне все равно, встречу я кого-нибудь или нет. Меня достаточно привлекает и лорд Уорбартон, – сказала Изабелла, мгновенно напустив на себя такой вид, будто изменила точку зрения, – это часто пугало ее саму и неприятно удивляло собеседников.

Однако на дядю это никак не подействовало.

– Он превосходный человек, – произнес мистер Тачетт тоном, в котором сквозило явное ободрение. – Его письмо оказалось самым приятным из всех, которые я получил за последние несколько недель. Полагаю, одной из причин того, что оно мне понравилось, заключалось в том, что в нем речь шла о тебе – разумеется, если не считать тех строк, что он написал о себе самом. Но, наверное, лорд пересказал тебе свое письмо целиком?

– Он рассказал бы мне обо всем, о чем я захотела бы спросить, – произнесла Изабелла.

– Но ты не сочла нужным полюбопытствовать?

– Мое любопытство не имело бы никакого смысла, раз я решила отказать лорду.

– Ты не нашла его предложение достаточно привлекательным? – спросил мистер Тачетт.

Девушка на мгновение задумалась.

– Наверное, это так, – наконец призналась она. – Но я не знаю, почему.

– К счастью, девушки не обязаны объяснять причины, – заметил ее дядя. – А предложение все-таки заманчивое, хотя я не понимаю, почему англичане должны выманивать нас из нашей страны. Мы-то, конечно, пытаемся заманить их к себе, но это только потому, что наше население еще недостаточно многочисленно. А здесь, как ты видишь, довольно тесно. Но для очаровательных молодых девушек место всегда найдется.

– Да и для вас нашлось, – заметила Изабелла, переведя взгляд на великолепный вид за окном.

Мистер Тачетт многозначительно и лукаво улыбнулся.

– Здесь есть место для всех, моя дорогая, кто платит. Иногда мне кажется, я заплатил слишком много. Возможно, тебе тоже придется дорого заплатить.

– Возможно, – согласилась девушка.

Последнее замечание дяди дало больше пищи ее уму, чем ее собственные мысли, – он отнесся к ее дилемме мягко и понимающе, и это, как ей казалось, доказывало, что ее чувства – естественны и разумны, что она вовсе не стала жертвой заносчивости и непомерных амбиций – амбиций неопределенных и потому недостойных. Неопределенность не была связана с намерением заключить союз с мистером Гудвудом – хотя девушка не хотела отвечать взаимностью своему надежному английскому поклоннику, желания поручить заботу о своей персоне молодому человеку из Бостона у нее тоже не было. Прочтя его письмо, наша героиня еще больше уверилась в своем решении – влияние Каспара Гудвуда на нее именно в том и заключалось, что он словно лишал ее крыльев. В манерах мистера Гудвуда было что-то неумное, напористое и деспотичное. Порой Изабеллу преследовала мысль о том, – хотя ей всегда было все равно, что думают о ней другие, – понравятся ли мистеру Гудвину ее поступки. Ситуация усложнялась еще и тем, что, в отличие от большинства известных ей мужчин, в отличие от бедного (именно такой эпитет стала применять теперь к нему Изабелла) лорда Уорбартона, Каспар Гудвуд был (или казался) воплощением энергичности. Нравилось ей это или нет, но в нем чувствовалась огромная энергия – это ощущалось даже при непродолжительном общении с ним. Мысль об ограничении свободы сейчас, когда она отказала даже такому претенденту, как лорд Уорбартон, была особенно неприятна Изабелле, поскольку девушка была довольна своим столь твердым проявлением независимости. Порой ей действительно казалось, что Каспар Гудвуд был ее судьбой, и это выглядело неоспоримым фактом; ей казалось, что, если даже и удастся на время ускользнуть от него, он возникнет снова, и уж тогда точно завладеет ею на выгодных для него условиях.

Изабелле совершенно не хотелось брать на себя никаких обязательств. Именно поэтому девушка столь охотно приняла приглашение тети, которое подоспело как раз в тот момент, когда она со дня на день ждала очередного появления мистера Гудвуда, – теперь у нее появился весьма убедительный ответ на вопрос, который молодой человек, несомненно, готовился задать ей. Когда Изабелла в день визита миссис Тачетт в Олбани сказала Каспару, что не готова обсуждать сложные вопросы, поскольку полностью поглощена мыслями о предстоящем путешествии

в Европу, он отказался принять такой ответ и теперь пересек океан в надежде получить более благоприятный. Для молодой романтической девушки простительно было воспринимать Каспара Гудвуда как посланца неотвратимого рока, но читатель имеет право потребовать более подробное описание ситуации.

Каспар Гудвуд был сыном известного владельца фабрик по переработке хлопка в Массачусетсе, сколотившего на этом бизнесе значительное состояние. В описываемое нами время молодой человек руководил предприятием с недюжинной хваткой и умом, несмотря на серьезную конкуренцию и период вялого развития экономики, это позволяло удерживать производство от спадов. Большую и лучшую часть образования он получил в Гарварде, где, впрочем, приобрел больше известность как гимнаст и гребец, нежели как приверженец приобретения знаний. Позже Каспар понял свою ошибку и, оставаясь превосходным спортсменом, приобрел превосходные познания и в других областях. У него оказались отличные способности к техническим дисциплинам, и молодой человек в конце концов даже разработал улучшенный процесс хлопкопрядения, который теперь широко использовался и носил его имя, – вы могли даже видеть в связи с этим изобретением его имя в газетах. Каспар показал Изабелле статью в «Интервьюере» – ее писала, кстати сказать, вовсе не мисс Стэкпол, при всем своем сочувствии к его сердечным делам. У мистера Гудвуда был большой талант бизнесмена и руководителя – он превосходно умел заставить людей служить его целям и разделять его точку зрения, то есть «управлять» людьми. Чтобы дать окончательную оценку его способностям, нужно упомянуть о непомерных амбициях мистера Гудвуда. Знакомые всегда считали его способным на нечто большее, чем управление фабрикой по переработке мягкого хлопка, – в самом молодом человеке не было ничего «мягкого», и друзья считали само собой разумеющимся, что он не будет заниматься этим бизнесом вечно. Однажды Каспар сказал Изабелле, что если бы Соединенные Штаты не были столь миролюбивой страной, он нашел бы свое место в армии. Молодой человек искренне жалел, что Гражданская война закончилась как раз тогда, когда он достаточно повзрослел, чтобы надеть погоны. Каспар был уверен – случись сейчас нечто подобное, в нем обязательно бы проявился талант военачальника. Изабелле приятно было верить в его командирские способности, и она сказала тогда, что ради него не стала бы даже возражать против войны. Это заявление встало в ряд с тремя-четырьмя наиболее обнадеживающими фразами, которые Каспару удалось вытянуть из девушки, и ценность его несколько не упала после высказанного потом ею по поводу столь бессердечных слов сожаления, поскольку она не стала ставить об этом молодого человека в известность. Так или иначе, но Изабелле нравилось представлять мистера Гудвуда командиром. Другие черты характера молодого человека нравились ей гораздо меньше. Фабрики по переработке хлопка ее несколько не интересовали, а «патент на изобретение» Гудвуда оставил ее и вовсе совершенно равнодушной. Изабелла ценила в Каспаре мужественность, но при этом считала, что было бы лучше, если бы он выглядел немного по-иному. Слишком тяжелый квадратный подбородок и прямая, словно «деревянная», осанка позволяли сделать предположение о прекрасной приспособляемости молодого человека к любой жизненной ситуации и неспособности тонко чувствовать. Изабеллу также раздражала его привычка всегда одеваться одинаково. Не то чтобы казалось, что Каспар постоянно носил один и тот же костюм, – наоборот, его наряды выглядели даже как-то слишком новыми; но все они, казалось, были пошиты по одному образцу, по одной выкройке. Изабелла не раз укоряла себя – глупо было придирается по пустякам к столь значительному человеку. Впрочем, она понимала, что, если бы она была влюблена в него, эти придирки мало чего бы стоили. А поскольку никакой любви с ее стороны не было, она не могла не критиковать его недостатки – как малые, так и крупные. В число последних входила постоянная и чрезмерная серьезность. Впрочем, скорее не сама серьезность – это свойство само по себе не может быть чрезмерным, – а способы ее проявления. Каспар был слишком прост и безыскусен – когда кто-то оставался с ним наедине, молодой человек чересчур много говорил на одну и ту же тему,

а на людях замыкался в себе и стремился отмалчиваться. И все же мистер Гудвуд был самым значительным из всех, кого когда-либо знавала Изабелла, а в глубине души она считала его и самым умным. Это было довольно странно; девушке и самой не нравилась противоречивость собственных впечатлений. Каспар Гудвуд никогда не соответствовал ее представлению о восхитительной личности и именно поэтому не годился для Изабеллы. Однако теперь, когда лорд Уорбартон, который не только соответствовал этому представлению, а даже превосходил его, попытался заслужить ее расположение, она тоже не чувствовала удовлетворения. И это поистине было странно.

Осознание собственной непоследовательности, однако, отнюдь не помогло Изабелле сочинить ответ мистеру Гудвуду, и она решила пока не удостаивать его ответом. Раз он решил преследовать ее, так ему и надо – должен же он понимать, что Изабелла не одобрит его появление в Гарденкорте. Девушка уже подверглась атаке одного поклонника, и, хотя не было ничего неприятного в том, чтобы оказаться в центре внимания сразу двух мужчин, ей не нравилась перспектива «разбираться» с двумя влюбленными одновременно, даже если это «развлечение» состояло в отказе обоим. Изабелла не стала отвечать мистеру Гудвуду, но через три дня написала лорду Уорбартону, и это послание неотделимо от нашей истории.

«Уважаемый лорд Уорбартон, долгие размышления не заставили меня изменить мнение по поводу Вашего предложения, которое Вы столь любезно сделали мне несколько дней назад. Я не могу представить Вас своим мужем и не могу представить Ваш дом – любой из Ваших многочисленных домов – своим. Обсуждать это бессмысленно, и я убедительно прошу Вас больше не возвращаться к этой мучительной для меня теме. Каждый из нас смотрит на жизнь со своей точки зрения – это привилегия даже самых слабых и робких. Я никогда не смогу посмотреть на нее с Вашей. Надеюсь, такое объяснение удовлетворит Вас. Прошу Вас поверить, что я с должным уважением отнеслась к Вашему предложению.

С этим же чувством уважения,
искренне Ваша,

Изабелла Арчер».

Пока автор этого послания раздумывала над тем, каким образом лучше отправить его адресату, мисс Стэкпол без колебаний приняла очередное решение. В связи с этим она пригласила Ральфа Тачетта на прогулку по саду и, когда молодой человек, как обычно, с благожелательной готовностью согласился, сообщила, что намерена переговорить с ним по важному делу. Могу сообщить читателю по секрету, что при этих словах Ральф – поскольку он успел уже достаточно постигнуть характер молодой дамы, которая, как ему казалось, была способна добиваться своей цели любой ценой, – вздрогнул. Он сделал это невольно – ему же пока не пришлось, собственно, измерить размеры и границы ее нескромных притязаний, – и он поспешно выразил любезное желание быть ей полезным, не преминув, впрочем, сообщить, что побаивается ее.

– Когда вы так на меня смотрите, у меня начинают дрожать колени и все силы покидают меня. Я трепещу и молю только о том, чтобы найти силы выполнить ваши команды. Подобный взгляд я не видел ни у одной женщины.

– Ну-ну, – добродушно улыбнулась Генриетта. – Если бы я не подозревала раньше, что вы всегда подтруниваете надо мной, то сейчас бы поняла точно. Конечно, надо мной легко шутить – я выросла совершенно в другой обстановке и воспитана в других понятиях и привычках. В Америке со мной никогда не говорили в таком вольном тоне, как вы. Если джентльмен там вступает со мной в беседу, мне не нужно задумываться, что скрыто за его словами. Наши люди естественнее и проще. Я, признаться, и сама очень проста. Конечно, если вам доставляет удо-

вольствие потешаться надо мной, ради бога – я все равно предпочту быть самой собой, а не вами. Я вполне довольна тем, какая я есть, и мне ни к чему меняться. И очень многим я именно такой и нравлюсь. Правда, это все мои простодушные соотечественники-американцы! Очень многие люди воспринимают меня такой, какая я есть, и это исключительно американцы! – В последнее время Генриетта изъяснялась тоном, в котором слышалась беспомощная невинность и слабость. – Так вот, я прошу вас помочь мне – мне все равно, станете вы смеяться надо мной или нет. Я согласна забавлять вас, раз вам так это нравится. Я хочу, чтобы вы помогли мне в деле, которое касается Изабеллы.

– Неужели она причинила вам какой-нибудь вред? – спросил Ральф.

– Если бы это было так, вряд ли я стала бы ставить вас в известность. Я боюсь, как бы она не причинила вред себе.

– Думаю, ваши опасения имеют под собой основания, – согласился Ральф.

Его спутница остановилась, бросив на молодого человека именно тот взгляд, от которого у того дрожали колени.

– Полагаю, это тоже бы развлекло вас, судя по вашему тону. В жизни не встречала такого равнодушия!

– Равнодушия к Изабелле? Никогда в жизни.

– Надеюсь, вы не влюблены в нее?

– Как это может быть, когда я влюблен в другую?

– Вы любите самого себя, вот кто на самом деле эта «другая»! – заявила мисс Стэкпол. – Только вряд ли в этом есть какой-нибудь прок. Но если вы способны попытаться быть серьезным хотя бы раз в жизни, сейчас у вас есть шанс. И если вас действительно тревожит судьба кузины, вот вам возможность доказать это. Я не рассчитываю, что вы ее поймете, – от вас нельзя желать слишком многого. Но вам незачем стараться делать это, чтобы заслужить мое расположение. Я вам все растолкую.

– Как это прекрасно! – воскликнул Ральф. – Я буду Калибаном¹⁶, а вы Ариэлем¹⁷.

– Какой из вас Калибан – с вашим мудреным способом выражаться! Он был прост! И при чем тут вымышленные персонажи? Я говорю об Изабелле, а она совершенно реальна. Хочу сказать вам, что я нашла ее сильно изменившейся.

– С тех пор как вы приехали?

– С тех пор как я приехала и еще раньше. Она совсем не та, что прежде.

– Не та, что была в Америке?

– Да, в Америке. Полагаю, вы знаете, откуда она родом – с этим ничего нельзя поделать.

– Вы хотите сделать так, чтобы она стала прежней?

– Конечно. И вы должны мне помочь в этом.

– О! – воскликнул Ральф. – Я только Калибан, а не Просперо¹⁸.

– В вас было достаточно от Просперо, чтобы сделать кузину такой, какой она стала. Вы влияли на Изабеллу Арчер с тех пор, как она приехала сюда, мистер Тачетт.

– Что вы, дорогая мисс Стэкпол! Никогда в жизни. Это Изабелла Арчер влияла на меня... Да, она на всех повлияла. А я – я был абсолютно пассивен.

– Что ж, в таком случае вы слишком пассивны. Не мешало бы проснуться и глядеть в оба. Изабелла меняется с каждым днем, она отдаляется, уплывает... прямо в открытое море. Я все время наблюдаю за ней и все вижу. В ней уже ничего не случилось от жизнелюбивой американки,

¹⁶ Калибан – персонаж из «Бури» В. Шекспира, злой дух, олицетворяющий злое начало в человеке.

¹⁷ Ариэль – там же, добрый дух.

¹⁸ Просперо – там же, мудрец, владеющий тайнами белой магии. Пробуждал в людях добро, превращал злых людей в добрых.

которой она была. Она перенимает новые точки зрения и отказывается от своих бывших идеалов. Надо спасти эти идеалы, мистер Тачетт, и вот тут-то вы и должны выйти на сцену.

– Но не в качестве идеала, надеюсь?

– Надеюсь, нет, – ответила Генриетта. – Я подозреваю, что Изабелла собирается замуж за кого-нибудь из этих кошмарных европейцев. Я должна предотвратить это.

– А, понимаю – воскликнул Ральф. – И с целью помешать этому вы хотите, чтобы я вышел на сцену и женился на ней?

– Нет, нет. Подобное лекарство будет столь же ужасным, как и сама болезнь, поскольку вы такой же типичный европеец, как те, от которых я хочу спасти подругу. Нет, я хочу, чтобы вы поддержали мой интерес к другому лицу – к молодому человеку, которому она однажды дала большую надежду, и который теперь кажется ей неподходящей партией. Он благороднейший человек, мой очень хороший друг, и мне хотелось бы, чтобы вы пригласили его в гости.

Ральф был сильно озадачен подобной просьбой – возможно то, что он не поверил в чистоту помыслов Генриетты, свидетельствовало о некоторой неискренности его собственных. Он заподозрил – и в этом была, разумеется, только его вина – какой-то подвох; ему показалось невозможным, чтобы подобная просьба могла быть совершенно чистосердечной. Молодая женщина требовала, чтобы некий джентльмен, которого она называла своим ближайшим другом, получил возможность добиваться благосклонности другой женщины, не связанной никакими узами и намного красивее ее самой, – подобная аномалия прямо-таки взывала к недюжинным способностям Ральфа как мастера читать между строк. Предположить, будто мисс Стэкпол хочет, чтобы джентльмен получил приглашение в Гарденкорт ради себя самой, было бы признанием того, что ум Ральфа даже не столь вульгарен, сколь зауряден – пусть даже тому способствовали смягчающие обстоятельства. Но от проявления подобной заурядности Ральф был спасен силой, которую нельзя определить иначе как вдохновение. Не располагая никакими конкретными доказательствами, молодой человек внезапно понял, что было бы совершенно несправедливо приписывать поступкам Генриетты неблагоприятные мотивы. Это убеждение внезапно озарило его мозг – возможно, этому способствовало чистое сияние невозмутимого взгляда американской дамы. Ральф несколько секунд пристально смотрел ей в глаза, борясь с желанием прищуриться, как щурится каждый человек, глядя на мощный источник света.

– Кто этот джентльмен, о котором вы говорите?

– Мистер Каспар Гудвуд из Бостона. Он всегда оказывал Изабелле очень большое внимание... предан ей всей душой. Он приехал сюда вслед за ней и сейчас остановился в Лондоне. Я не знаю его адреса, но, думаю, смогу узнать его.

– Никогда о нем не слышал, – сказал Ральф.

– А почему вы должны были о нем слышать? Он о вас наверняка тоже не слышал, но это не причина, по которой Изабелла не должна выходить за него.

Ральф улыбнулся.

– Да у вас просто страсть женить людей! Помните, как вы на днях убеждали жениться меня?

– Я оставила эту мысль. Вы пока не прониклись подобными идеями. А мистер Гудвуд способен воспринимать советы – именно поэтому он мне нравится. Он отличный человек и настоящий джентльмен. Изабелла это знает.

– Она испытывает к нему нежные чувства?

– Если нет, то нужно этого добиться. Он просто бредит ею.

– И вы хотите, чтобы я пригласил его сюда, – задумчиво произнес Ральф.

– Это был бы акт подлинного радушия.

– Гудвуд¹⁹... – размышлял Ральф. – Замечательная фамилия.

¹⁹ Гудвуд (Goodwood – *англ.*) означает «хорошее (доброе) дерево».

– Меня не интересует его фамилия. Если бы он был Иезекилем Дженкинсом, я сказала бы то же самое. Это единственный человек, которого я считаю достойным Изабеллы.

– Вы необыкновенно преданный друг, – заметил Ральф.

– Конечно. Если вы сказали это, чтобы посмеяться надо мной, мне все равно.

– Я сказал это вовсе не для того, чтобы посмеяться над вами. Я просто потрясен.

– Вы насмехаетесь еще больше, чем обычно. Но я не советую вам смеяться над мистером Гудвудом.

– Уверю вас, я абсолютно серьезен. Вы должны мне поверить, – сказал Ральф.

Его собеседница сдалась.

– Я верю вам. Теперь я вижу – вы даже слишком серьезны.

– Вам не угодить.

– О, вы действительно слишком серьезно все это восприняли. Боюсь, вы не пригласите мистера Гудвуда.

– Не знаю, – ответил Ральф. – Я способен на странные поступки. Расскажите мне немного про этого мистера Гудвуда. Каков он?

– Полная противоположность вам. Руководит прекрасной фабрикой по переработке хлопка.

– Приятные ли у него манеры? – поинтересовался Ральф.

– Он прекрасно воспитан – в американских традициях.

– Легко ли он войдет в наш маленький круг?

– Не думаю, что ему есть дело до нашего маленького круга. Он сконцентрирует внимание на Изабелле.

– А понравится ли это кухне?

– Вполне вероятно, что совсем не понравится. Но это будет для нее полезно. Ее мысли вернутся в прежнее русло.

– Вернутся... откуда?

– Из дальних стран и других чуждых ей мест. Три месяца назад Изабелла давала мистеру Гудвуду множество поводов надеяться на взаимность, и с ее стороны недостойно поворачиваться спиной к настоящему другу только потому, что она переехала на другой континент. Я тоже переехала, но от этого мои старые привязанности стали мне только дороже. Мое глубокое убеждение – чем скорее Изабелла станет прежней, тем лучше. Я достаточно хорошо знаю ее, чтобы понимать, что она никогда не будет здесь по-настоящему счастливой. Я хотела бы, чтобы она укрепила свою связь с Америкой – это стало бы ей защитой.

– А вы не торопитесь? – поинтересовался Ральф. – Вы не думаете, что должны дать ей возможность поискать счастья в доброй старой Англии?

– Возможность разрушить свою прекрасную молодую жизнь? В деле спасения утопающего нет понятия «торопиться»!

– Значит, как я понял, – сказал Ральф, – вы хотели бы, чтобы я бросил ей за борт мистера Гудвуда в качестве спасательного круга. А вы знаете, что при мне она даже ни разу не упомянула его имени?

Генриетта Стэкпол просияла.

– Я восхищена! Это только доказывает, как много Изабелла о нем думает.

Казалось, Ральф признал, что в этом был определенный смысл, и погрузился в раздумья, в то время как собеседница «пожирала» его вопросительным взглядом.

– Боюсь, что если я приглашу мистера Гудвуда, – произнес он, – между нами будут постоянные ссоры.

– Это совершенно ни к чему. Он прекраснейший человек.

– Определенно, вы сделали все, чтобы я его возненавидел! Не думаю, что я могу пригласить его сюда. Боюсь, я буду неучтив с ним.

– Как вам угодно, – сказала Генриетта. – Я понятия не имела, что вы тоже влюблены в нее.

– Вы и вправду так думаете? – спросил молодой человек, подняв брови.

– Конечно – вы ведь впервые даже заговорили человеческим языком! Разумеется, я так думаю, – весело ответила Генриетта.

– Хорошо, – произнес Ральф, – чтобы доказать вам обратное, я приглашу его. Конечно, ради вас.

– Он приедет не ради меня. А пригласите вы его для того, чтобы себе доказать, что вы не влюблены в нее. Не мне.

Последние слова мисс Стэкпол (после которых собеседники расстались) содержали долю правды, которую Ральф Тачетт был вынужден признать. Несмотря на то что молодой человек считал более неразумным сдержать свое слово, чем не сдержать, он все же написал мистеру Гудвуду письмо в шесть строчек, выразив удовольствие, которое тот мог доставить мистеру Тачетту-старшему, присоединившись к их маленькой компании в Гарденкорте, украшенной присутствием мисс Стэкпол. Отправив свое послание на адрес банкира, подсказанный Генриеттой, он стал в некотором беспокойстве ждать. Ральф услышал имя Каспара Гудвуда действительно впервые, но знал о его существовании: мать сразу после приезда упомянула о некоем «воздыхателе» Изабеллы. Вся эта история показалась Ральфу не очень реальной, и он не стал утруждать себя и задавать вопросы, ответы на которые могли только внести дальнейшую неясность или оказаться просто неприятными. И вот теперь этот воздыхатель Изабеллы обрел плоть и кровь, приняв облик молодого человека, который приехал в Лондон вслед за ней, который управлял фабрикой по переработке хлопка и обладал манерами в американском стиле. Ральф имел в отношении его две теории. Или его страсть являлась сентиментальной выдумкой мисс Стэкпол (между особами женского пола всегда существовало молчаливое соглашение, рожденное женской солидарностью, придумывать друг для друга поклонников), и в этом случае мистера Гудвуда не стоило опасаться, поскольку он вряд ли примет приглашение. Если же молодой человек решит приехать, тогда он выкажет себя личностью слишком неразумной, чтобы принимать его всерьез. Последнее соображение Ральфа могло показаться несколько нелогичным, но оно было вызвано убеждением, что если мистера Гудвуда так серьезно интересовала Изабелла, как утверждала мисс Стэкпол, то он не стал бы стремиться приехать в Гарденкорт по вызову Генриетты.

«Если верно второе предположение, – сказал себе Ральф, – то Генриетта для него как бельмо на глазу – он же имеет представление о тактичности этой дамы».

Два дня спустя Ральф получил короткую записку от мистера Гудвуда, в которой с благодарностью и сожалениями сообщалось, что множество дел не позволяет ему нанести визит в Гарденкорт, и расточались множественные комплименты мисс Стэкпол. Ральф протянул записку Генриетте, которая, прочитав, воскликнула:

– Никогда не читала ничего более чопорного!

– Боюсь, он не так уж интересуется кузиной, как вы предполагаете, – заметил Ральф.

– Не в этом дело. Причины гораздо глубже. Он – глубокая натура. Но я намерена узнать все до конца и напишу ему, чтобы узнать, что это значит.

Отказ незнакомца слегка взволновал Ральфа. С того момента, как тот отклонил приглашение в Гарденкорт, он почему-то приобрел в глазах Ральфа гораздо большее значение. Ральф спрашивал себя, какая, собственно, ему разница, к какому стану – «сорвиголов» или «увальней»²⁰ – относится тот или другой поклонник кузины? Он же не соперник им – пусть творят все, на что способны, ему-то что. Тем не менее Ральфу было любопытно, выяснит ли мисс Стэкпол причины непреклонности мистера Гудвуда. Впрочем, любопытство его так и осталось неудовлетворенным – когда три дня спустя он поинтересовался у мисс Стэкпол, написала ли

²⁰ Противоборствующие станы в романе В.Скотта «Айвенго».

она в Лондон, та была вынуждена признаться, что не получила никакого ответа. Мистер Гудвуд не счел нужным откликнуться.

– Полагаю, Каспар размышляет, – сказала она. – Он всегда все обдумывает, импульсивность ему несвойственна. Я-то привыкла получать ответы на свои письма в тот же день.

Было это продиктовано ее расследованиями или же еще какими-то далеко идущими планами, останется неизвестным, но в конце концов Генриетта предложила Изабелле съездить в Лондон.

– Сказать по правде, я не очень-то много повидала здесь. Ты, мне кажется, тоже. Я даже не познакомилась с этим аристократом... Как там его? Лорд Уорбартон? Похоже, он не стремится составить тебе компанию.

– Я случайно узнала, что он приезжает завтра, – ответила Изабелла, которая получила от хозяина Локли ответ на свое письмо. – Ты получишь превосходную возможность допросить его.

– Что ж, это сгодится для одного материала, но что такое одна заметка, когда ты хочешь написать пятьдесят? Я уже расписала эти окрестности и устала восторгаться всеми этими престарелыми дамами и осликами. Можешь говорить что хочешь, но из ландшафтов ничего толкового не выжмешь. Я должна поехать в Лондон, где жизнь кипит и можно получить массу впечатлений. Я пробыла там всего три дня, а этого очень мало.

Поскольку Изабелла по пути из Нью-Йорка в Гарденкорт видела этот мегаполис еще меньше, предложение Генриетты ей очень понравилось. Идея увеселительной прогулки в Лондон показалась ей чудесной. Девушка очень хотела посмотреть город, о котором столько грезила. Подруги обсудили совместные планы и сошлись по многим вопросам. Они остановятся в какой-нибудь живописной гостинице – одной из тех, которые описывал Диккенс, – и отправятся в поездку по городу на одном из этих восхитительных двухколесных экипажей. Генриетта имела отношение к «пишущей братии», а это давало возможность ездить куда угодно и делать, что заблагорассудится. Они пообедают в кофейне, затем отправятся в театр, посетят Вестминстерское аббатство, Британский музей, выяснят, где жили доктор Джонсон²¹, Голдсмит²² и Аддисон²³. Изабель сильно разволновалась и наконец рассказала о своих намерениях Ральфу, который расхохотался. Смех кузена не понравился девушке.

– Восхитительный план, – сказал молодой человек. – Советую вам также остановиться в «Тэвисток-отеле» в Ковент-Гардене, непритязательном, старомодном местечке, и мне придется замолвить за вас словечко – записать в свой клуб.

– Вы хотите сказать, наш план не годится? – спросила Изабелла. – В чем здесь нарушение приличий? С Генриеттой мне ничего не страшно. Она объездила весь Американский континент, и уж с вашим островом справится.

– О, в таком случае, – попросил Ральф, – позвольте и мне присоединиться к вам и поехать в Лондон под ее защитой. Когда еще представится шанс путешествовать в полной безопасности!

²¹ Джонсон Сэмюэль (1709–1784) – английский писатель и критик.

²² Голдсмит Оливер (1726–1774) – английский поэт, публицист, драматург и романист.

²³ Аддисон Джозеф (1672–1719) – английский эссеист и драматург.

Глава 14

Мисс Стэкпол стала бы готовиться к отъезду в Лондон немедленно, но Изабелла, получившая известие от лорда Уорбартона о том, что он собирается посетить Гарденкорт, сочла своей обязанностью остаться и встретиться с ним. Несколько дней он не отвечал на ее письмо, потом написал очень коротко, что через два дня приедет на ланч. Для Изабеллы в этих промедлениях и отсрочках было что-то трогательное. Он старался быть сдержанным и терпеливым, лишь бы у нее не возникло ощущения, что он давит на нее, – а ведь она чувствовала, что он увлекся ею не на шутку. Изабелла поставила своего дядю в известность, что написала лорду Уорбартону, и упомянула о том, что он посетит Гарденкорт, – и старый джентльмен покинул свои апартаменты раньше обычного, спустившись к ланчу. Это ни в коем случае не свидетельствовало о его намерении приглядывать за племянницей. Наоборот, мистер Тачетт таким образом намеревался помочь «сгладить» временное отсутствие гостя за столом в случае, если Изабелла посчитает необходимым удалиться с лордом Уорбартоном для переговоров. Тот, в свою очередь, приехал из Локли вместе со своей старшей сестрой – мера, очевидно, продиктованная теми же причинами, что и поведение мистера Тачетта. Гости были представлены мисс Стэкпол, занимавшей за столом место рядом с лордом. Изабелла нервничала – ей вовсе не хотелось опять обсуждать тот вопрос, который лорд поднял так решительно; и в то же время девушка не могла удержаться от восхищения самообладанием, которое тщательно скрывало бушующие, как предполагала Изабелла, в его душе чувства. Лорд не смотрел в ее сторону, не разговаривал с ней, и единственным признаком его эмоций было только то, что он избегал встречаться с ней взглядом; однако лорд Уорбартон много беседовал с остальными и ел с хорошим аппетитом. Мисс Молинию – лоб у нее был высокий и чистый, как у монахини, и с шеи свисал большой серебряный крест – была очень увлечена разговором с мисс Стэкпол, глядя на нее так, будто жадное любопытство боролось в душе достойной дамы с чувством отчужденности. Из двух сестер лорда, живших в Локли, эта нравилась Изабелле больше – в ее характере чувствовалось отточенное спокойствие, веками передававшееся по наследству. К тому же девушка была уверена, что гладкий лоб и серебряный крест имели таинственный романтический смысл: например, значили, что мисс Молинию являлась членом религиозной сестринской общины той ветви англиканской церкви, которая тяготела к католицизму и давала какие-то красивые обеты. Изабелла подумала, что бы гостя сказала, если бы узнала, что мисс Арчер отказала ее брату, – она была уверена, что мисс Молинию ни о чем не догадывалась. Лорд Уорбартон никогда не рассказывал ей о подобных вещах – он очень нежно относился к сестре, но мало разговаривал с ней... Такова была теория, выстроенная Изабеллой, – обычно, если она не участвовала в общей беседе, она разрабатывала теории относительно соседей по столу. Согласно ее теории, если бы мисс Молинию вдруг узнала о том, что произошло между мисс Арчер и лордом Уорбартоном, то, вероятно, была бы шокирована равнодушием девушки к такому предложению или, скорее всего (на этом и решила остановиться Изабелла), она почувствовала удовлетворение от того, что у этой юной американки вполне разумные представления о невозможности столь неравного брака.

Но как бы ни распорядилась Изабелла внезапно возникшими перед ней возможностями, мисс Стэкпол совершенно не собиралась упускать свои.

– Знаете, вы первый лорд, которого я встречаю в жизни, – торжественно заявила она своему соседу по столу. – И вы, конечно, считаете это верхом невежества.

– Ничего подобного. Просто вы избежали неприятности увидеть достаточное количество уродливых мужчин, – отвечал лорд Уорбартон, рассеянно оглядывая стол и улыбаясь.

– Уродливых? В Америке нам твердят, что английские лорды все сплошь восхитительные красавцы и носят чудесные мантии и короны.

– О, мантии и короны вышли из моды, – сказал лорд Уорбартон, – так же, как ваши томагавки и револьверы.

– Очень жаль. Я считала, что аристократия должна купаться в роскоши, – заявила Генриетта. – Если нет роскоши, то что она может собой представлять?

– Даже в лучших случаях ничего особенного, – ответил лорд Уорбартон. – Могу я предложить вам картофель?

– Мне европейский картофель не нравится. Кстати, я не сказала бы, что вы чем-то отличаетесь от обычного американского джентльмена.

– Сделайте милость, обращайтесь со мной так, как если бы я и впрямь был таковым, – отозвался лорд Уорбартон. – Не понимаю, как вы обходитесь здесь без картофеля. Осмелюсь предположить, что вам вообще здесь мало что по вкусу.

Генриетта несколько секунд молчала. У нее закралось подозрение, что собеседник говорил с ней не очень серьезно.

– С тех пор, как я здесь, у меня вообще пропал аппетит, – продолжила она наконец, – поэтому для меня не имеет особого значения, что я ем. Я, знаете ли, должна сказать вам нечто серьезное. Я не одобряю вас.

– Не одобряете меня?

– Да, не думаю, чтобы вам приходилось слышать такие вещи раньше, не так ли? Я не одобряю лордов как социальный институт. Мне кажется, история давно уже оставила его позади.

– Совершенно с вами согласен. И даже более – я и сам себя не одобряю. Иногда мне приходит в голову... как бы я не любил себя, если бы я был не я. Кстати, это даже и неплохо – во всяком случае, исцеляет от тщеславия.

– Тогда почему бы вам не бросить все это? – резко спросила мисс Стэкпол.

– Бросить... э-э-э... что? – переспросил лорд Уорбартон, ответив на грубоватые интонации американки весьма сладким тоном.

– Почему бы вам не отказаться от титула лорда?

– О, я так мало соответствую этому понятию! Все давно забыли бы об этом, если бы вы, несносные американцы, постоянно не напоминали об этом. Однако я подумываю о том, чтобы отказаться и от той малости, что еще осталась.

– Хотелось бы мне посмотреть, как вы сделаете это, – отозвалась Генриетта весьма сурово.

– Я приглашу вас на торжественный обряд. Мы поужинаем и устроим танцы.

– Отлично, – сказала мисс Стэкпол. – Я люблю рассматривать явления со всех сторон. Я не одобряю привилегированные классы, но мне любопытно, что они могут сказать в свое оправдание.

– Как видите, очень немного!

– Мне хотелось бы вызвать вас на откровенный разговор, – продолжала Генриетта, – но вы все время увильваете и боитесь встретиться со мной взглядом. Я вижу, как вы хотите избавиться от меня.

– Нет, я просто ищу глазами презренный картофель.

– Тогда, пожалуйста, расскажите мне об этой молодой леди – вашей сестре. Она тоже носит титул?

– Она прекраснейшая девушка.

– Мне не понравилось, как вы это сказали... словно хотели сменить тему разговора. Ее положение в обществе ниже вашего?

– Ни у нее, ни у меня нет никакого особенного положения. У нас нет никаких позиций, которые стоило бы обсуждать. Но она состоятельнее меня, потому что у нее нет моих расходов.

– Да, по ней видно, что ей не о чем беспокоиться. Хотела бы я иметь столь же мало волнений. Не знаю, как насчет всего прочего, но спокойствия вам обоим не занимать.

– О, перед вами те, кто в целом легко относится к жизни, – ответил лорд Уорбартон. – К тому же, как вы знаете, мы очень скучны. На редкость скучны, особенно если захотим!

– Я посоветовала бы вам хотеть чего-нибудь другого. Не знаю, о чем бы я могла поговорить с вашей сестрой: выглядит столь необычной. Серебряный крест – это символ?

– Символ?

– Признак сословия?

Взгляд лорда Уорбартона, до сих пор блуждающий вокруг, остановился и скрестился со взглядом собеседницы.

– О да, – ответил лорд, слегка помедлив. – Женщины увлекаются такими вещами. Серебряный крест носят старшие дочери виконтов.

Эта выдумка была его небольшой мстостью за то, как легко пользовались его доверчивостью в Америке.

После ланча лорд предложил Изабелле пройти в галерею и взглянуть на картины. Ничего не сказав по поводу столь неудачного предлога, – девушка знала, что он осматривал их по меньшей мере раз двадцать, – она согласилась. На душе у нее было очень легко – отправив лорду письмо, Изабелла почувствовала, как к ней вернулась былая безмятежность.

Он медленно прошел галерею из конца в конец, глядя на картины и не произнося ни слова. Затем вдруг прервал молчание:

– Я надеялся, вы напишете мне нечто другое.

– Это был единственно возможный ответ, лорд Уорбартон, – отозвалась девушка. – Постарайтесь поверить мне.

– Если бы я мог поверить вам, то, конечно, оставил бы вас в покое. Но невозможно заставить себя поверить. Признаюсь, я не понимаю. Я мог бы понять вашу антипатию ко мне... да, думаю, я понял бы. Но вы же признаете, что...

– Что? – перебила его Изабелла и слегка покраснела.

– Что вы считаете меня хорошим человеком, разве не так?

Изабелла промолчала, и лорд продолжил:

– Вы не можете привести никаких причин для отказа, и это рождает во мне ощущение несправедливости.

– У меня есть причина, лорд Уорбартон, – ответила девушка таким тоном, что сердце ее собеседника сжалось.

– Так назовите ее.

– Когда-нибудь – при более подходящих обстоятельствах – я расскажу вам.

– Извините, но пока что я отказываюсь верить в то, что она существует.

– И делаете меня очень несчастной, – отозвалась Изабелла.

– Очень хорошо; может быть, это поможет вам понять, что испытываю я сам. Так вы ответите на мой вопрос?

Изабелла промолчала, но лорд, очевидно, заметил в ее глазах что-то, что ободрило его.

– Вы решили предпочесть мне кого-то другого?

– Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

– Значит, так и есть! – с горечью пробормотал ее поклонник.

Эта горечь тронула Изабеллу.

– Вы ошибаетесь! Я никого не люблю, – сказала она.

Забыв о приличиях, лорд опустил на скамью, сжав зубы, как человек, которого постигло несчастье, и, опершись локтями о колени, уставился взглядом в пол.

– Я даже не могу радоваться этому, – произнес наконец лорд, откинувшись назад и прилонившись спиной к стене, – ведь это бы все объясняло.

Изабелла резко подняла брови.

– Неужели я должна оправдываться?

Однако лорд не обратил внимания на ее слова. Ему в голову пришла другая мысль.

– Это все мои политические взгляды! Вы думаете, они слишком крайние?

– Я не могу возражать против ваших политических взглядов, лорд Уорбартон, – сказала девушка, – поскольку недостаточно знаю их.

– Они вам безразличны! – воскликнул ее поклонник, поднимаясь. – Вам все равно.

Изабелла прошла в противоположный конец галереи и остановилась там. Лорд смотрел на ее красивую спину, легкую стройную фигурку, длинную белую шею и густые темные локоны. Она остановилась перед небольшой картиной и стояла так, словно внимательно рассматривала ее. В движениях ее было столько молодости и грации, что лорд Уорбартон невольно любовался ею. Однако на самом деле Изабелла ничего не видела – глаза ее заволокло слезами. Но, когда лорд направился к ней, она успела смахнуть их. Она повернулась к нему – лицо ее было бледным, странное выражение застыло на нем.

– Причина, о которой мне не хотелось бы говорить вам... – произнесла Изабелла, – извольте, я назову вам ее, если вы так этого хотите. Она заключается в том, что я не могу изменить своей судьбе.

– Вашей судьбе?

– Если бы я вышла за вас замуж, мне пришлось бы изменить ей.

– Не понимаю. А почему брак со мной не может быть вашей судьбой?

– Потому что это не моя судьба, – чисто по-женски объяснила Изабелла. – Я знаю. Отказаться от себя самой, пожертвовать этим... это не моя судьба... не может быть ею.

Бедный лорд Уорбартон буквально уставился на девушку – в его глазах застыло изумление.

– Вы считаете, выйти за меня замуж означает пожертвовать собой?

– Не в тривиальном смысле. Я получила бы неизмеримо много... Но мне пришлось бы отказаться от других возможностей.

– От других возможностей? – переспросил еще более озадаченный лорд Уорбартон.

– Я не имею в виду возможность лучшего замужества, – сказала Изабелла и снова покраснела. Затем она нахмурилась и умолкла, словно отказавшись от дальнейших попыток объяснить свои слова.

– Не думаю, что будет самонадеянным с моей стороны заметить, что вы выиграли бы больше, чем потеряли, – заметил лорд.

– Я не желаю избегать превратностей судьбы, – сказала Изабелла. – А выйдя за вас – я как раз именно это и сделаю.

– Да уж – это так и есть. Я должен это откровенно признать! – с нервным смехом воскликнул лорд Уорбартон.

– Я не должна... я не могу! – вскричала девушка.

– Вы так мечтаете страдать? Но зачем же причинять страдания мне? Каким бы очаровательным ни казалось вам положение несчастной, позвольте мне не разделять вашего мнения на этот счет.

– Мне вовсе не нравится быть несчастной, – возразила Изабелла. – Я всегда отчаянно старалась быть счастливой и всегда надеялась, что так и будет. Я не раз высказывала эту мысль – спросите кого угодно. Но мне все чаще кажется, что я не найду счастья, если буду искать его обычным путем – отгородившись...

– Отгородившись от чего?

– От жизни. От обычных ее возможностей и опасностей, от того, что знает и через что проходит большинство людей.

Лорд Уорбартон улыбнулся – это означало, что он обрел надежду.

– Моя дорогая мисс Арчер, – пылко начал он, – я не предлагаю вам укрыться от жизни или каких-либо ее возможностей и опасностей. Я бы с удовольствием сделал это для вас, но тут

от меня ничего не зависит! Боже, за кого вы меня принимаете? Я же не китайский император! Все, что я вам предлагаю, – разделить со мной удел приятной комфортной жизни. Общий удел, ничего иного! Заключите со мной союз, и, обещаю вам, – вы испытаете все, что захотите. Вам ничем не придется жертвовать – даже вашей дружбой с мисс Стэкпол.

– Вот уж кто не одобрит нашего союза, – сказала Изабелла, пытаясь улыбнуться и сменить тему разговора – и одновременно презирая себя за подобное малодушие.

– Мисс Стэкпол? – с досадой спросил лорд Уорбартон. – Никогда не видел персоны, которая судила бы обо всем столь безапелляционно и руководствовалась исключительно вымученными теориями.

– Думаю, говоря о Генриетте, вы соотносите эти слова и со мной, – смиренно сказала Изабелла и снова отвернулась, заметив входящих в галерею мисс Молинию, Генриетту и Ральфа.

Сестра лорда Уорбартона не без некоторой робости обратилась к нему и напомнила, что пришла пора возвращаться домой, чтобы приехать к вечернему чаю, поскольку она ожидала гостей. Он ничего не ответил – видимо, просто не слышал – и по-прежнему был погружен в раздумья. Мисс Молинию с самообладанием настоящей леди терпеливо ждала ответа брата.

– Ну, мисс Молинию, это просто неслыханно, – сказала Генриетта Стэкпол. – Уж если бы я захотела уехать, он, будучи моим братом, тут же уехал бы вместе со мной! Если бы мне понадобилось, чтобы мой брат что-то сделал, он сделал бы это немедленно!

– О, Уорбартон всегда делает все, о чем ни попросишь, – ответила мисс Молинию с торопливой застенчивой улыбкой. – Как много у вас картин! – продолжила она, повернувшись к Ральфу.

– Так просто кажется потому, что они висят все вместе, – пояснил молодой человек. – Но это не так уж и хорошо.

– А мне очень нравится. Жаль, что у нас в Локли нет картинной галереи. Я так люблю живопись, – продолжала она, подчеркнуто обращаясь к Ральфу, словно опасаясь, что мисс Стэкпол снова начнет поучать ее. Генриетта одновременно и очаровывала, и пугала ее.

– О да, иметь в доме картины совершенно необходимо, – сказал Ральф, который, казалось, превосходно понимал течение мыслей мисс Молинию.

– На них так приятно смотреть, когда идет дождь, – продолжила молодая леди. – А дожди идут так часто.

– Очень жаль, что вы уезжаете, лорд Уорбартон, – сказала Генриетта. – Я собиралась гораздо больше вытянуть из вас.

– Я никуда не уезжаю, – отозвался лорд.

– Ваша сестра говорит, что вам пора. В Америке джентльмены подчиняются дамам.

– У нас к чаю гости, – спокойно молвила мисс Молинию, глядя на брата.

– Хорошо, дорогая. Поедем.

– А я-то надеялась, что вы станете сопротивляться! – воскликнула Генриетта. – Мне хотелось посмотреть, что бы тогда предприняла мисс Молинию.

– Я никогда ничего не предпринимаю, – ответила молодая леди.

– Полагаю, в вашем положении достаточно просто существовать! – заметила мисс Стэкпол. – Хотелось бы мне посмотреть на вас в вашем доме.

– Надеюсь, вы еще приедете к нам в Локли, – очень ласково обратилась мисс Молинию к Изабелле, игнорируя замечание ее подруги.

Изабелла несколько секунд смотрела в ее спокойные серые глаза и, казалось, увидела в их глубине все то, что теряла, отказывая лорду Уорбартону, – покой, почет, абсолютную защищенность, богатство и высокое положение в обществе. Она поцеловала мисс Молинию и произнесла:

– Боюсь, я уже не приеду.

– Никогда?

– Я, наверное, скоро уеду.

– Искренне жаль, – сказала мисс Молиньо. – Мне кажется, вы совершаете ошибку.

Лорд Уорбартон наблюдал эту сцену; затем он повернулся и уставился в первую попавшуюся картину. Ральф, засунув руки в карманы и прислонившись к перилам, внимательно следил за ним взглядом.

– Мне хотелось бы побывать у вас, – сказала Генриетта, возникшая вдруг возле лорда. – Я бы с удовольствием поговорила с вами часок. У меня к вам столько вопросов.

– Буду очень рад видеть, – ответил хозяин Локли, – хотя вряд ли смогу ответить на все ваши вопросы. Когда вы намерены быть?

– Когда мисс Арчер возьмет меня с собой. Мы собираемся в Лондон, но сначала заедем к вам. Я намерена еще многое выведать у вас.

– Если это зависит от мисс Арчер, то боюсь, ваша миссия обречена на провал. Мисс Арчер не поедет в Локли. Она отнюдь не в восторге от этого места.

– Но Изабелла мне очень его хвалила! – удивленно воскликнула Генриетта.

Лорд помолчал немного.

– Все равно вряд ли приедет, – наконец произнес он. – Так что приезжайте без нее.

Генриетта замерла. Ее и без того крупные глаза расширились еще больше.

– А сделали бы вы такое предложение английской леди? – с легким вызовом поинтересовалась она.

Лорд внимательно посмотрел на нее.

– Да, если бы достаточно хорошо к ней относился.

– Тогда, я уверена, вы бы приложили все силы, чтобы это чувство не достигло подобной степени... Однако если мисс Арчер больше не приедет к вам, то мне кажется, я знаю почему: она не хочет брать меня с собой. Я знаю, что она обо мне думает. Полагаю, вы ее мнение разделяете. Я, по ее мнению, не понимаю, что нельзя лезть в частную жизнь!

Лорд Уорбартон невольно растерялся: он понятия не имел о роде занятий мисс Стэкпол и не понимал ее намеков.

– Мисс Арчер решила предупредить вас! – не унималась Генриетта.

– Предупредить?

– А зачем же она увела вас сюда? Не для того ли, чтобы предупредить быть осторожнее со мной?

– О господи, да нет, – побагровев, ответил лорд Уорбартон. – Наша беседа не касалась столь важных тем.

– Но вы все время настороже! Хотя, наверное, это ваше обычное состояние – это-то я и хотела проверить. И у мисс Молиньо удивительное самообладание. Вас-то точно предостерегли, – продолжила Генриетта, обращаясь к молодой леди. – Но, если хотите знать, совершенно напрасно – вас это не касается.

– Надеюсь, – тихо молвила мисс Молиньо.

– Мисс Стэкпол собирает на нас материал для журнальной статьи, – с улыбкой пояснил Ральф. – Она превосходный сатирик, видит нас насквозь и жаждет хорошенько выпороть.

– Должна признаться, никогда у меня не было такого плохого материала! – заявила Генриетта, последовательно оглядывая Изабеллу, лорда, его сестру и Ральфа. – У меня такое впечатление, что происходит что-то, что касается вас всех, а я ничего не знаю. Вы выглядите так, словно получили телеграмму с дурной вестью.

– Вы действительно видите нас насквозь, мисс Стэкпол, – произнес Ральф, понижая голос, и, слегка кивнув ей, предлагая следовать рядом, повел своих гостей из галереи. – С нами действительно что-то происходит.

Изабелла шла позади Ральфа и Генриетты, и мисс Молиньо, которая явно чувствовала к девушке симпатию, взяла ее под руку – чтобы двигаться вместе, осторожно переступая по

отполированному паркету. Лорд Уорбартон, заложив руки за спину и глядя себе под ноги, молча шел с другой стороны. Некоторое время он молчал, затем спросил:

- Вы действительно собираетесь в Лондон?
- Да, кажется, уже почти все готово.
- А когда вернетесь?
- Через несколько дней. Но, наверное, ненадолго. Мы с тетей едем в Париж.
- Когда же я увижу вас снова?
- Не скоро, – ответила Изабелла. – Но, надеюсь, когда-нибудь увидимся.
- Вы действительно на это надеетесь?
- Очень.

Лорд сделал несколько шагов, затем остановился и протянул руку.

- До свидания.
- До свидания, – ответила Изабелла.

Мисс Молиню снова поцеловала ее, и брат с сестрой уехали. Изабелла попрощалась с гостями и, не возвращаясь к Генриетте и Ральфу, ушла в свою комнату.

Там перед обедом ее и нашла миссис Тачетт, которая заглянула к племяннице по дороге в гостиную.

– Могу сказать тебе, – произнесла женщина, – твой дядя проинформировал меня о ваших отношениях с лордом Уорбартоном.

Изабелла взглянула на тетю и, помолчав, ответила:

– Отношениях? Вряд ли это можно назвать отношениями. Все это довольно странно – мы и виделись-то всего три-четыре раза.

– Почему ты сначала все рассказала дяде, а не мне? – бесстрастно, хотя и несколько сухо, осведомилась миссис Тачетт.

Изабелла снова помолчала.

– Потому что он лучше знает лорда Уорбартона.

– Да, но я лучше знаю тебя.

– Вы так думаете? – улыбнулась девушка.

– Теперь уже нет. Особенно когда ты так улыбаешься. Можно подумать, будто ты выиграла приз! Полагаю, раз ты отказала лорду Уорбартону, ты рассчитываешь на лучшую партию?

– О, дядя не сказал этого! – с улыбкой воскликнула Изабелла.

Глава 15

Было решено, что две девушки отправятся в Лондон в сопровождении Ральфа, хотя миссис Тачетт и не одобрила этот план. Она сказала, что его могла предложить только мисс Стэкпол, и поинтересовалась, не намеревалась ли корреспондентка «Интервьюера» поселиться всей компанией в меблированных комнатах.

– Мне все равно, где она захочет остановиться, главное, чтобы был местный колорит, – сказала Изабелла. – Именно из-за этого мы и едем в Лондон.

– Полагаю, если девушка отказала английскому лорду, она может делать все, что захочет, – заметила ее тетя. – После такого поступка не стоит обращать внимание на мелочи.

– А вам бы хотелось, чтобы я вышла за лорда Уорбартона? – спросила Изабелла.

– Конечно.

– А я думала, вы не любите англичан.

– Так и есть. Но тем больше причин их использовать в своих целях.

– В этом и заключается ваша идея замужества? – спросила Изабелла и рискнула добавить, что, по ее наблюдению, сама-то тетушка мало пользовалась услугами своего мужа.

– Твой дядя не английский дворянин, – заявила миссис Тачетт. – Впрочем, возможно, даже если бы он им и был, я все равно предпочла бы поселиться во Флоренции.

– Вы думаете, лорд Уорбартон обеспечил бы мне лучшую жизнь, чем моя сейчас? – оживившись, спросила девушка. – То есть я не хочу сказать, будто она слишком уж хороша... Просто я недостаточно люблю лорда Уорбартона, чтобы выйти за него замуж.

– Значит, ты правильно поступила, отказав ему, – согласилась миссис Тачетт самым сдержанным тоном, на который только была способна. – Надеюсь, когда в следующий раз тебе сделают столь блестящее предложение, оно будет соответствовать твоим запросам.

– Подождем, когда оно поступит. Надеюсь, не слишком скоро – сейчас бы мне совершенно этого не хотелось.

– Возможно, тебя вообще этим больше не беспокоят – если ты собираешься вести богемный образ жизни. Однако я обещала Ральфу не касаться этого предмета.

– Я буду слушаться Ральфа, – сказала Изабелла. – Я очень ему доверяю.

– Его мать будет чрезвычайно обязана! – со смехом воскликнула тетя.

– И это правильно, – с улыбкой парировала Изабелла.

Ральф заверил кузину, что они ни в коем случае не нарушат правила приличия, если втроем будут осматривать столицу Англии, но миссис Тачетт имела на это иное мнение. Как большинство женщин ее страны, давно живущих в Европе, она полностью утратила чувство меры, свойственное в подобных случаях ее соотечественникам, и в своем отношении, не так уж и неразумном, к излишним вольностям, которые позволяло себе молодое поколение «за морями, за долами», проявляла чрезмерную строгость. Ральф сопровождал двух девушек в Лондон и устроил их в тихой гостинице на улице, выходившей на Пикадилли. Сначала молодой человек хотел поселить их в доме отца на Винчестер-сквер – в огромном мрачном особняке, который в это время года был весь погружен в тишину и холщовые чехлы; но затем вспомнил, что кухарка жила в Гарденкорте и в доме некому было готовить еду; тогда местом пребывания девушек был избран Пратт-отель. Сам Ральф поселился в особняке на Винчестер-сквер, где у него была любимая «берлога» и где он с удовольствием существовал независимо от национальной кухни. Молодой человек регулярно посещал Пратт-отель, нанося ранние визиты своим спутницам, которым прислуживал сам мистер Пратт в просторном белом жилете, снимая крышки с утренних блюд. Ральф «забегал» к девушкам после завтрака, и маленькая компания разрабатывала план развлечений на день. Поскольку Лондон в сентябре выглядел не

в самом выгодном свете, молодой человек извиняющимся тоном объяснил своим спутникам, к большому возмущению мисс Стэкпол, что в городе в это время нет ни одного живого существа.

– То есть вы, наверное, имеете в виду, что нет аристократов, – заметила Генриетта. – И это лучшее доказательство тому, что, если бы они исчезли с лица земли, этого никто бы и не заметил. Мне кажется, людей здесь достаточно. Конечно, можно сказать, что нет ни души – если не считать три или четыре миллиона населения. Как вы их называете? Нижние слои среднего класса? Они-то и населяют Лондон, но стоит ли принимать их во внимание!

Ральф заявил, что более интересного человека, чем мисс Стэкпол, найти совершенно невозможно, ее общество полностью возмещает ему отсутствие аристократов, и что трудно найти сейчас более довольного человека, чем он. Он сказал правду, поскольку блеклый сентябрь придавал полупустому городу особое, ласковое очарование. Когда молодой человек возвращался вечером в безмолвный дом на Винчестер-сквер, проведя день со своими любознательными соотечественницами, он устраивался в большой сумрачной столовой, где единственным источником света была свеча, которую он прихватывал по дороге из холла. Снаружи было тихо, в доме тоже; когда Ральф открывал одно из окон гостиной, чтобы впустить свежий воздух, до него доносилось негромкое поскрипывание сапог расхаживающего на улице полицейского. Его собственные шаги раздавались в комнате громко и гулко – ковры почти везде были скатаны, и, когда молодой человек передвигался, по дому гуляло грустное эхо. Ральф садился в одно из кресел, глядя на темные пятна картин на стенах, где изображение было неясным и размытым. На огромном темном обеденном столе горела, мерцающая, тусклым светом свеча. Казалось, в этой комнате витал дух когда-то происходивших трапез, застольных бесед, давно утративших смысл. Ощущение особой, как будто потусторонней атмосферы, по-видимому, возникало в Ральфе, и молодой человек допоздна засиживался в кресле, ничего не делая и даже не листая вечернюю газету. Ничего не делая – если не считать того, что он постоянно думал об Изабелле. Но, впрочем, мысли о кухне тоже были совершенно пустым занятием – ибо ни к чему не вели и не приносили никакой пользы. Девушка еще никогда не казалась ему такой очаровательной, как в эти шумные дни, когда они проводили время, исследуя глубины и мели столичной жизни. Изабеллу интересовало буквально все – ее переполняли впечатления; она приехала сюда в поисках местного колорита и находила его повсюду. Изабелла задавала так много вопросов, что Ральф не мог на все ответить. Она выдвигала разные теории, которые он не мог ни принять, ни опровергнуть. Компания несколько раз посетила Британский музей и другой, светлый дворец искусств, тот, который своим внешним видом, стилизованным под классическую античность, оживлял ничем не примечательную малопривлекательную окраину Лондона²⁴. Одно утро они провели в Вестминстерском аббатстве, затем отправились на пароходике по Темзе в Тауэр. Молодые люди осматривали картины государственных и частных коллекций, отдыхали под огромными деревьями в Кенсингтонских садах. Генриетта Стэкпол проявила себя неутомимым и более снисходительным туристом, чем Ральф ожидал. Однако ей все же пришлось испытать немало разочарований, и на фоне ее идеализированных воспоминаний о городах Америки Лондон со своей «обветшалой стариной» сильно терял в ее глазах; однако она старалась не фокусировать свое внимание на недостатках, лишь изредка вздыхала и восклицала: «Ну-ну!», но это не имело особенных последствий. По правде говоря, она была не в своей стихии.

– Меня не волнуют неодушевленные предметы, – заметила Генриетта в разговоре с Изабеллой в Национальной галерее и продолжила сетовать на бедность впечатлений, полученных от частной жизни англичан – ей так до сих пор и не удалось в нее вникнуть. Пейзажи Тернера²⁵

²⁴ Речь идет, видимо, о Музее Виктории и Альберта, национальном музее прикладных и изящных искусств. Открыт в 1857 г. Ныне, впрочем, это вовсе не окраина.

²⁵ Дж. Тернер – английский художник-пейзажист (1775–1851).

и ассирийские буйволы²⁶ являлись неадекватной заменой литературным вечерам, на которых корреспондентка надеялась встретиться с цветом Великобритании.

– Где же ваши общественные деятели? Где ваши интеллектуалы? – спрашивала мисс Стэкпол Ральфа, стоя на Трафальгарской площади, словно это было именно то место, где вполне естественно было встретить интересующих ее лиц. – Человек на колонне, как вы ска-зали... лорд Нельсон?²⁷ Он тоже был лордом? Его положение было недостаточно высоким, раз памятник пришлось устанавливать на высоте в сотню футов? Впрочем, это прошлое. Оно меня не интересует. Я хочу познакомиться с ведущими умами настоящего. Не стану говорить о будущем, поскольку не очень верю в ваше блестящее будущее.

У бедного Ральфа было очень немного знакомых «ведущих умов», и он лишь изредка имел возможность познакомиться с какой-нибудь знаменитостью. Такое положение вещей, по мнению мисс Стэкпол, свидетельствовало о прискорбном отсутствии у него всякой инициа-тивы.

– Если бы я была сейчас по ту сторону океана, – заявила она, – я бы отправилась к любому джентльмену, кем бы он ни был, и объяснила бы, что я очень много о нем слышала и приехала, чтобы с ним встретиться. Но из ваших слов я поняла, что это здесь не принято. Похоже, у вас здесь очень много бессмысленных обычаев и ни одного полезного. Мы опреде-ленно прогрессивнее вас. Боюсь, мне вообще придется отказаться от намерения изобразить жизнь английского общества. – Генриетту, не выпускавшую из рук путеводитель и уже отпра-вившую в «Интервьюер» написанную с его помощью заметку о Тауэре (в которой описала казнь леди Джейн Грей), преследовало неприятное ощущение того, что она не в состоянии на свой-ственном ей высоком уровне выполнить то, что намечала.

То, что произошло накануне отъезда из Гарденкорта, оставило болезненный след в душе Изабеллы. Сердце ее сжималось, когда перед глазами ее – снова и снова – возникал глубоко разочарованный лорд Уорбартон, но она чувствовала, что ее поступок был совершенно пра-вильным. Однако проявлять жестокосердие, даже в силу обстоятельств, представлялось ей весьма неблагоприятным, и у девушки не получалось оправдать свое поведение. И все-таки к этому неприятному чувству примешивалось чувство свободы, и, когда она бродила по Лон-дону в обществе своих абсолютно противоположных по характеру спутников, оно часто прояв-лялось неожиданными всплесками. Например, гуляя в Кенсингтонских садах, Изабелла вдруг останавливалась возле играющих на траве детей (тех, что победнее), расспрашивала, как их зовут, давала им по шестипенсовику, а тех, кто помилее, еще и целовала. От Ральфа ничего не ускользало – он замечал все, что делала Изабелла.

Однажды, чтобы развлечь спутниц, молодой человек пригласил их на чай в Винче-стер-сквер и, как мог, привел в порядок дом. Дам встретил еще один гость, убежденный холо-стяк, старый друг Ральфа, который случайно оказался в городе. Он на удивление легко сошелся с мисс Стэкпол. Мистер Бентлинг, крепкий белокурый улыбчивый мужчина лет сорока, без-укоризненно одетый, предпочитавший оживленные беседы долгим и скучным, громко смеялся над каждой фразой Генриетты, несколько раз подливал ей в чашку чай, осмотрел в ее компании безделушки, которых у Ральфа была значительная коллекция, и в конце концов, когда хозяин предложил выйти прогуляться по саду, обошел его со своей новой знакомой несколько раз, с интересом выслушивая ее замечания по поводу частной жизни.

– О, понимаю, – произнес мистер Бентлинг. – Осмелюсь сказать, что жизнь в Гарден-корте довольно уныла. До светской ли жизни, когда сплошные болезни. Знаете ли, Ральф очень плох. Доктора запретили ему приезжать в Англию, а он не может покинуть отца. У старика

²⁶ Памятник культуры Древнего Востока (Британский музей).

²⁷ Имеется в виду статуя адмирала Нельсона (1758–1805) на колонне в центре Трафальгарской площади. Памятник уста-новлен в честь победы над наполеоновским флотом в Трафальгарской битве (1805).

примерно полдюжины заболеваний. Он говорит про подагру, но я знаю, что у него еще симптомы водянки, хотя, правда, пока и не слишком заметные. Конечно, в таких условиях жизнь в доме течет ужасно медленно – удивительно, что она вообще движется. Потом мистер Тачетт, кажется, не в ладах с женой. Как вы знаете, она живет отдельно от мужа – это, кажется, в вашем американском стиле. Если вы хотите увидеть дом, где жизнь бьет ключом, вам нужно погостить у моей сестры, леди Пензл, в Бедфордшире. Я завтра же напишу ей – уверен, она будет вам очень рада. Я точно знаю, что вам нужно, вы человек именно такого склада. Сестра в этом смысле очень на вас похожа – всегда что-то устраивает и обожает, когда у нее есть помощницы. Я уверен, она сразу же пришлет вам приглашение. Сестра любит выдающихся людей и писателей. Знаете, она сама пишет, но я ничего не читал из ее произведений. У нее все больше стихи, а я не очень люблю поэзию, исключая, пожалуй, Байрона. Полагаю, в Америке Байрона высоко ценят? – Мистер Бентлинг продолжал говорить, купаясь в теплой атмосфере внимания, с которым слушала его мисс Стэкпол. Однако время от времени он возвращался к своей сразу увлекшей Генриетту идее содействовать поездке Генриетты к леди Пензл в Бедфордшир.

– Я точно знаю, что вам нужно, – повторил он. – Вам надо увидеть, как проводят свободное время настоящие англичане. Тачетты вовсе не англичане, как вы знаете. Они живут по законам своей страны, у них кое в чем очень странные представления о жизни. Я даже слышал, будто старик считает безнравственной охоту. Вам непременно нужно попасть к сестре, когда она затевает какое-нибудь театрализованное представление. Я уверен, она с удовольствием даст вам роль. Вы, несомненно, должны быть превосходной актрисой – я чувствую в вас талант. Сестре сорок лет, у нее семеро детей, но она бесстрашно берется за главные роли. Впрочем, если не хотите, играть вам не обязательно.

Так мистер Бентлинг преподнес себя, пока компания гуляла по газонам Винчестер-сквер, которые хоть и были припорошены лондонской сажой, радовали глаз и заставляли замедлить шаг. Этот словоохотливый пышущий здоровьем холостяк, относящийся с должным уважением к женским достоинствам, понравился Генриетте, и она благосклонно отнеслась к его предложению.

– Пожалуй, я съездила бы, если б ваша сестра пригласила меня, – сказала она. – Думаю, это просто мой долг. Как, вы говорите, ее имя?

– Пензл. Необычное имя, но совсем неплохое.

– По мне так все имена неплохие. А каково ее положение в обществе?

– О, совершенно прекрасное – она супруга барона²⁸. Довольно высокое, в то же время не слишком.

– Не знаю, что именно вы имеете в виду, – я бы сказала, титул звучит достаточно приятно. И где она живет? В Бедфордшире?

– В северной его части. Довольно унылое место, но, надеюсь, вы не будете у сестры скучать. Я постараюсь тоже подъехать.

Мисс Стэкпол прямо-таки наслаждалась беседой, но она с огромным сожалением была вынуждена расстаться с любезным братом леди Пензл. Случилось так, что днем раньше Генриетта встретила на Пикадилли своих знакомых, которых не видела уже несколько лет, – сестер Клаймбер и двух леди из Уилмингтона, штат Делавэр. Они путешествовали по Европе и теперь собирались отплыть на родину. Мисс Стэкпол долго беседовала с ними прямо на улице. Хотя все три женщины говорили одновременно, темы для беседы были совершенно не исчерпаны. В конце концов дамы договорились, что Генриетта завтра в шесть часов пообедает с сестрами в их гостинице на Джермин-стрит, и сейчас она вспомнила о своем обязательстве. Мисс Стэкпол объявила, что должна уехать, и подошла попрощаться к Ральфу Тачетту и Изабелле, которые,

²⁸ Барон – один из низших аристократических титулов. Леди Пензл и вращается в высшем свете, и не обязана слишком строго соблюдать все правила этикета.

сидя в садовых креслах, были заняты беседой – правда, беседой о гораздо менее практических вещах, нежели разговор Генриетты с мистером Бентлингом. Когда они договорились встретиться в удобный для всех час в «Пратт-отеле», Ральф заметил, что мисс Стэкпол следовало бы взять кеб. Не могла же она идти на Джерминстрит пешком.

– Вы хотите сказать, что для меня непристойно одной идти по улице? – воскликнула Генриетта. – Силы небесные, до чего уже дошло!

– Вам совершенно не нужно идти пешком одной, – галантно вступил в разговор мистер Бентлинг. – Я с удовольствием провожу вас.

– Я просто хотел сказать, что вы опоздаете к обеду, – ответил Ральф. – Подумайте о дамах, которые с нетерпением ждут вас.

– Тебе лучше взять двухколесный экипаж, Генриетта, – сказала Изабель.

– С вашего позволения, я помогу вам, – продолжил мистер Бентлинг. – Мы можем пройти немного пешком, пока он нам не попадется.

– В самом деле, почему бы мне не довериться мистеру Бентлингу? – спросила Генриетта Изабеллу.

– Разумеется, если его это не затруднит, – улыбнулась девушка. – Но если хочешь, мы можем проводить тебя до кеба.

– Не нужно. Мы пойдем вдвоем. Мистер Бентлинг, но вы должны найти мне самый лучший экипаж.

Мистер Бентлинг пообещал сделать все, что будет в его силах, и парочка удалилась, оставив Изабель и ее кузена в саду, над которым постепенно начинали сгущаться вечерние сентябрьские сумерки. Стояла полная тишина. В окрестных домах окна оставались темными. Мостовые были пусты. Только двое маленьких гаврошей, привлеченные необычными признаками жизни в соседнем частном саду, просунули головы между ржавыми прутьями ограды. Единственным ярким пятном в поле зрения беседующих был высокий красный столб на юго-восточном углу.

– Генриетта попросит его поехать с ней на Джерминстрит, – заметил Ральф. Он всегда называл мисс Стэкпол Генриеттой.

– Вполне возможно, – ответила его собеседница.

– Хотя нет, – продолжил молодой человек. – Сам Бентлинг попросит позволения поехать с ней.

– Тоже очень похоже. Так мило, что они подружились.

– Она одержала победу. Он считает ее необыкновенной женщиной. Посмотрим, чем все это кончится, – сказал Ральф.

Изабелла несколько мгновений молчала.

– Я тоже считаю Генриетту необыкновенной женщиной, но не думаю, что это далеко зайдет, – отозвалась она наконец. – Они не способны узнать друг друга по-настоящему.

Мистер Бентлинг не имеет о ней никакого представления, так же как и она о нем.

– Нет более обычной основы для супружества, чем взаимное непонимание. Хотя Боба Бентлинга понять не так уж трудно, – добавил Ральф. – Натура его несложна.

– Да, но Генриетта еще проще. И что же мы будем делать теперь? – спросила Изабелла, оглядывая сад, который в сгущавшихся сумерках становился все более загадочным и впечатляющим. – Не думаю, что вы предложите мне ради развлечения покататься в экипаже по Лондону.

– Не вижу причин, почему бы нам не остаться здесь... если вам, конечно, нравится. Сейчас тепло, стемнеет только через полчаса. И если позволите, я закурю.

– Делайте все, что вам угодно, – ответила Изабелла, – только займите меня до семи часов. К этому времени я хочу вернуться в отель и устроить вечернее пиршество из пары вареных яиц и теплой булочки.

– Можно я пообедаю с вами? – спросил Ральф.

– Нет-нет, вы поедете в свой клуб.

Они вернулись в садовые кресла, и Ральф зажег сигарету. Участие в только что описанном маленьком пиршестве доставило бы ему огромное удовольствие; но, получив из ее уст отказ, молодой человек был даже рад этому. Для Ральфа огромной радостью было просто находиться с кузиной наедине в сгущающихся сумерках, в центре огромного города. Это создавало иллюзию, будто она находилась под его защитой – в его власти. Правда, сия власть была призрачна и годилась разве что на то, чтобы покорно исполнять все желания Изабеллы, – но даже и такая, она будоражила кровь.

– Почему вы не позволите мне пообедать с вами? – спросил молодой человек после короткой паузы.

– Просто так.

– Наверное, вы от меня устали.

– Пока нет, но через час устану. Видите, у меня есть дар предвидения.

– Ну а пока я буду продолжать занимать вас, – произнес Ральф и умолк.

Изабелла в свою очередь тоже молчала, они сидели некоторое время в тишине, что совершенно не вязалось с высказанным им намерением развлекать ее. Молодому человеку казалось, что Изабелла поглощена своими мыслями, но он не знал, о чем они, хотя кое-какие предположения у него были. Наконец, он сказал:

– Вы отказались сегодня вечером от моего общества, потому что ждете другого гостя?

Девушка повернулась и посмотрела на кузена своими ясными глазами.

– Другого гостя? Какого гостя я должна ждать?

Ральф никого не мог назвать, и поэтому собственный вопрос показался ему не только глупым, но и грубым.

– У вас много друзей, с которыми я незнаком, – ответил он, неловко рассмеявшись. – Я совершенно ничего не знаю о вашем прошлом.

– Вы принадлежите моему будущему. Мое прошлое находится по другую сторону океана. В Лондоне нет ни частички его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.